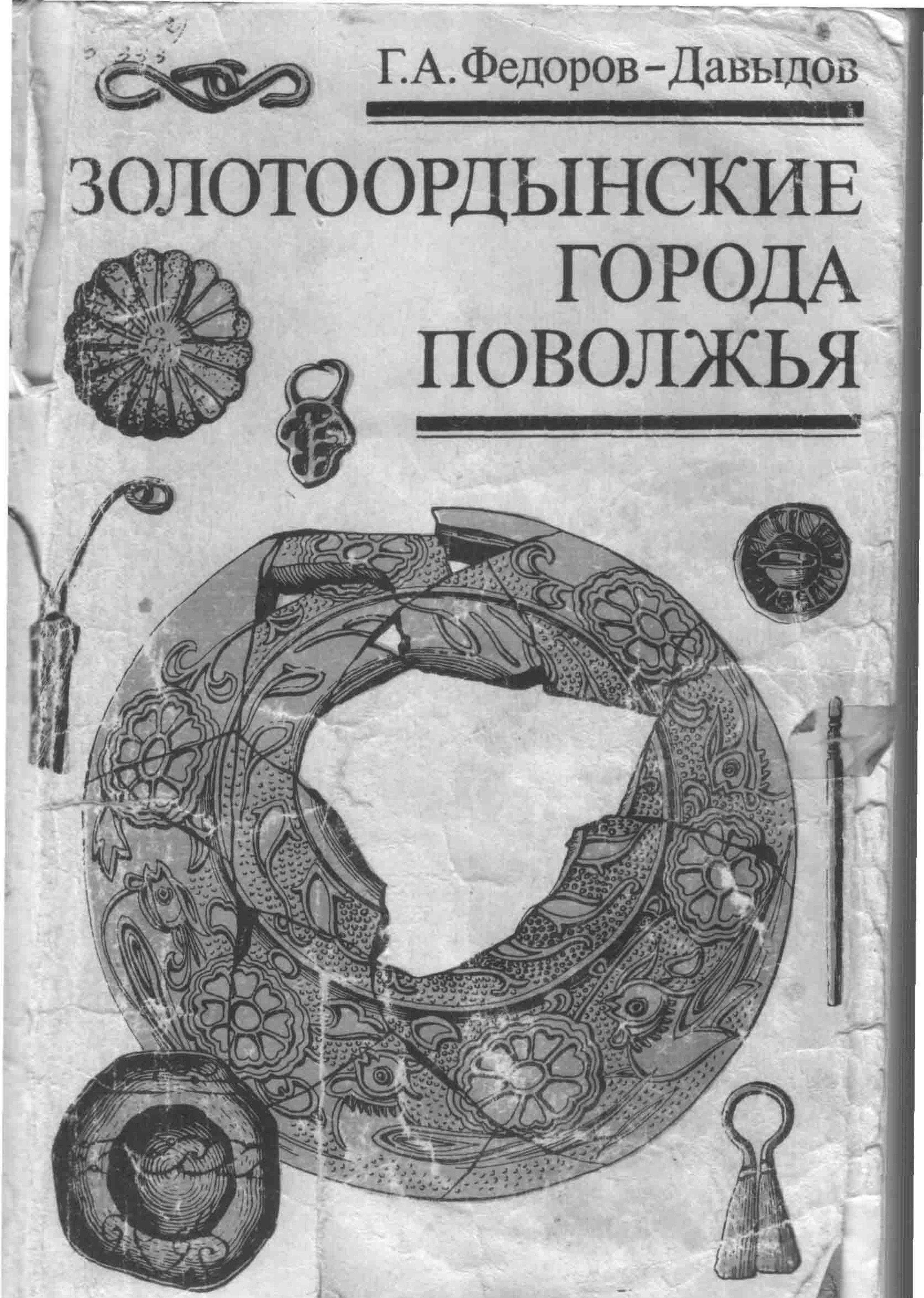
Г.А. Федоров-Давыдов

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ



ББК 63.4(2) +63.3(2)433
Ф33

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ю. Л. Щапова*,
доктор исторических наук *Д. А. Авдусин*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

423993

Федоров-Давыдов Г. А.

Ф33 Золотоордынские города Поволжья. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 232 с.

ISBN 5-211-02057-X

В монографии рассматривается городская цивилизация Золотой Орды, впитавшая в себя навыки, умения, художественные традиции ремесленников Волжской Болгарии, Руси, Средней Азии, Ирана, Крыма, Кавказа, Сибири, Центральной Азии.

Для историков, археологов, искусствоведов.

0503020000-003
077(02)—94 30—94

ББК 63.4(2)

ISBN 5-211-02057-X

© Федоров-Давыдов Г. А., 1994 г.

Астраханский государственный институт культуры
КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек создает вокруг себя особую среду, наполненную вещами. В них он отражается как социальное существо. Описать эту среду — значит глубже понять его. Воссоздать древний быт — значит приблизить к себе отдаленные времена и разглядеть психологию, мировоззрение, нормы поведения древних — то, о чем нам часто ничего не известно. Понять каждодневное, обычное окружение прошлых поколений, их представления о ценностях жизни, узнать, что считалось богатством, до каких уровней опускалась бедность и приниженность, — не будет ли это одним из компонентов исследования социальных отношений? Как работали, чем занимались в часы досуга, как жили и питались, чем украшали свой дом, как одевались люди древних времен — это, конечно, не все, что мы стремимся узнать о них. Политика, государственные события, войны, социальная борьба — вот важнейшие объекты исторического изучения. Но они могут быть поняты, прочувствованы историком только тогда, когда ему станет в деталях доступна для обозрения та обстановка исторической жизни, которая осталась от древних людей и сохранилась прежде всего в памятниках археологии.

Золотой Орде — Улусу Джучи в этом отношении не повезло. Современники и историки писали о политических событиях, войнах, о монгольских ханах, грабительских данях, борьбе покоренных народов с этим государством, стремились оценить его роль в историческом процессе. Но сама цивилизация этого государства (прежде всего быт и культура золотоордынских городов) оставалась в тени, почти не освещенная историческими письменными источниками. Археология Золотой Орды до 1950-х годов была в зачаточном состоянии.

В связи с репрессиями против крымских татар тематика, связанная с Золотой Ордой, некоторое время была полузапретной. На сессии Отделения истории и философии АН СССР 1946 г. в Казани, посвященной этногенезу татарского народа, замалчивался золотоордынский период, делался упор на болгарский домонгольский компонент в сложении татарского этноса в Среднем Поволжье. Только М. Н. Тихомиров нашел в себе смелость заявить о значении Золотой Орды в истории татарского народа (392, с. 307). В 1958 г. А. П. Смирнов и я выступили с докладом и статьей о задачах археологического изучения Золотой Орды и ее городов (367). С 1959 г. начались наши раскопки Царевского городища.

Интенсивные раскопки 1960—1980 гг., прежде всего столи государства на Нижней Волге, создали золотоордынскую архео логию и позволили реконструировать цивилизацию Золото Орды. Эта цивилизация понимается нами как материальна среда обитания, условия и образ жизни, условия труда, произ водство и уровень техники, быт и культура повседневной жиз ни, рассматриваемые сквозь призму социальных отношений политического развития общества.

Золотая Орда представляла собой симбиоз двух миров — городской цивилизации и степной стихии кочевников, со своей особой культурой и особым строем общества (404, с. 249). Темой книги является первый мир — мир золотоордынских го родов.

В основу книги положены главным образом материалы ра бот Поволжской археологической экспедиции (ПАЭ) с 1959 по 1989 г. на золотоордынских городах в Нижнем Поволжье — Царевском, Водянском и Селитренном. Руководил этими рабо тами автор, а в последние годы — В. В. Дворниченко.

Автор всегда с удовольствием и благодарностью будет вспо минать работу в экспедиции Н. М. Булатова, И. С. Вайнера, И. В. Волкова, В. В. Гришакова, Т. В. Гусевой, В. Л. Егорова, Ю. А. Зеленеева, Э. В. Зиливинской, Н. Н. Малиновской, Н. М. Носковой, М. Д. Полубояриновой, Н. Н. Бусятской, Л. Л. Савченковой, Т. В. Скоробогатовой, А. Г. Мухамадиева, Л. Т. Яблонского и др.

На иллюстрациях воспроизведены вещи, найденные на Селитренном городище, за исключением рукояти ножа (рис. 41, *6*), найденной на Царевском городище.

Глава I

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ ГОРОДА

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В самом начале XIII столетия орды кочевников обрушились на оседлые цивилизованные страны и прошли, как смерч все сметая на своем пути. Это всемирно-историческое событие наложило отпечаток на историю Старого Света.

Завоевательное движение кочевников зародилось в Центральной Азии, в степях Монголии. Там жили многочисленные племена кочевых скотоводов. У них постепенно складывалось имущественное неравенство, выделялась знать, все больше и больше подчинявшая себе рядовых общинников. В конце XIII в. социальные противоречия внутри монгольского общества достигли такой остроты, что назрели серьезные исторические события. Среди враждовавших племен и аристократических родов выделился род Темучина. Возвышение Темучина, который принял титул Чингиз-хана, и объединение всех монгольских племен под властью его дома означало создание нового строя, который не мог быть никаким другим, кроме как феодальным. Перераспределение пастбищ среди новой аристократии было ломкой старой патриархально-племенной структуры и означало сложение новых феодальных отношений в среде монголов.

Раннефеодальное государство Чингиз-хана с его жесткой военной организацией было построено на улусном принципе перераспределения пастбищ и кочевых уделов. При этом улус оказался чем-то вроде кочевого надела, выделяемого на условиях военной службы представителям династии Чингизидов и его окружению — нукерам, найонам и огланам. Государство обеспечило возможность и создавало необходимость дальнейших широких завоеваний. Социальные конфликты и напряженность внутри Монголии, недостаток пастбищ и скота направили эти завоевания в сторону соседних богатых стран.

Сразу же после избрания Темучина на курултае (совете представителей аристократии монгольских племен) повелителем всех монгольских народов он провозгласил политику широкой

военной экспансии. Монгольская аристократия шла воевать з земли, скот и рабов и вела за собой свои улусы. Деяния объе динителя Монголии Чингиз-хана переросли в захватническ войны, которые задержали развитие не только покоренны стран, но и самой Монголии, консервировав в ней патриархаль ные пережитки и истощив материальные и людские ресурсы

В некоторых странах, завоеванных Чингизидами, монголо стали называть татарами — по имени одного из сильнейших племен, включенных в объединение Чингиз-хана (161, с. 177—178). В 1211 г. начался победоносный поход монголов на Китай Это государство с древними городами — центрами ремесла науки, искусства — было ими разгромлено. Тысячи рабов были угнаны в Монголию и там образовали ремесленные поселения обслуживавшие монгольскую армию и аристократию. В степ ных районах Монголии и прилегающих территорий города были известны и ранее, а в это время строятся новые города Чингизидов с использованием огромных человеческих ресурсов завое ванных стран, искусства пленных ремесленников и награблен ных материальных ценностей. Остатки этих городов известны в Туве, Забайкалье и Монголии: городища Межегейское, Элегестское, Хир-Хира, Ден-Терек (234). Наиболее значительным был Каракорум в Монголии — столица Чингизидов до того как великий каан Хубилай не перенес ее в Пекин (151). Города, подобные Каракоруму, были той базой, на которой зиждились успехи войск монгольских каанов. Здесь ковали оружие; сюда стекалась дань завоеванных провинций; купцы везли в город товары.

Не только варварами-кочевниками были воины Чингиз-хана. Часть монголов издревле вела оседлый образ жизни. У монголов имелись навыки и традиции градостроительства и ремесел. В их тылу была мощная городская база, они управлялись сильным аппаратом принуждения и учета, сотни чиновников ведали поступающими богатствами и приводимыми рабами-ремесленниками. Организованное единое государство, жестокое по дисциплине и по поставленным целям, — вот в чем была сила завоевательного движения монголов, перед которым все отступало и сдавалось.

После Китая жертвой Чингизидов оказалось государство Хорезмшахов, занимавшее в то время большую территорию от Аральского моря до реки Инд. Затем войска Чингизидов вторглись в Иран, прошли через Армению, Грузию, Азербайджан, появились в донецких степях, ворвались в Крым, захватив крупный торговый центр того времени — Судак. Поход в степи Восточной Европы носил главным образом разведочный характер. В 1223 г. произошла битва на Калке, в которой объединенные войска русских и половцев были разбиты.

Вскоре монгольские отряды появились на реке Яик (Урал). Здесь они столкнулись с отрядами волжских болгар, которые

задержали наступление и, по-видимому, заставили монголов отступить. Затем войска Чингизидов снова появились на восточной границе государства волжских болгар. Монголы встретили сопротивление, и их попытки завоевать Волжскую Болгарию окончились неудачей. Только после нового общего решения Чингизидов на курултае в Европу были отправлены большие силы, которые в 1236 г. разгромили Болгарское государство. В 1237—1240 гг. армия Бату захватила русские земли, кроме Новгорода и Пскова.

Одновременно с действиями Бату в русских землях его двоюродный брат Менгу усмирил половцев, группа которых под водительством хана Бачмана засела в низовьях Волги.

Перед монголами открылся путь в богатейшие земли Центральной Европы. Европейские рыцари и короли срочно собирали отряды, цари и императоры сколачивали армии. Войска Чингизидов были уже в Польше, Чехии, Венгрии, рвались к Адриатике. Но они не могли уже развить ту энергию, которая пробивала любые укрепления, разрушала города и распыляла вражеские войска. В 1241 г. умер великий монгольский каан Угедей. Создалась угроза тяжелой династической распри и междоусобных войн. Тогда войска Бату повернули на восток.

В середине XIII в. образовалось одно из монгольских государств — Улус Джучи. Оно включало в себя степные пространства Восточной Европы до Дуная, а также большую часть степной Западной Сибири и Казахстана. Эти области назывались Дешт-и-Кыпчак (Кыпчакская степь). Кроме того, в состав Улуса Джучи вошел ряд оседлых областей со старыми центрами ремесла и культуры: Северный Кавказ, Крым, Молдавия, Волжская Болгария, мордовские земли, левобережный Хорезм. Все эти области составили правое крыло улуса (позднее Ак-Орда), где правили потомки сына Джучи хана Бату — завоевателя Восточной Европы. Низовья Сырдарьи вошли во владения другого сына Джучи — Орды и составили левое крыло Улуса Джучи — Кок-Орду, или Синюю Орду русских источников (358, с. 11—15; 410, с. 58—62; 141—144; 456). В зависимом от Орды положении оказалась Русь.

Позднее, в XVI—XVII вв., государство Улус Джучи стало называться у русских Золотой Ордой. Это название закрепилось в исторической литературе (45). Первоначально оно означало «золотой шатер» (ставка хана), а в русских летописях — Сарай (272).

КОЧЕВЫЕ СТЕПИ И ГОРОДА В УЛУСЕ ДЖУЧИ

Те общественные системы, которые существовали на Руси, в Волжской Болгарии, Хорезме, Крыму, мордовских землях и ряде других областей с оседлым населением, испытав сильное потрясение в момент нашествия и потеряв огромную массу производительных сил, все же выжили, сохранились в основных своих

чертах. Завоеватели оставили старый способ производства в этих областях и ограничились сбором дани. Если исключить прямые военные грабительские походы, то власть Чингизидов над оседлыми народностями осуществлялась через посредство местной феодальной верхушки.

На Руси власть завоевателей свелась к сбору дани и созданию системы баскаческого охранения и администрации подчиненной в XIII в. общеимперской монгольской власти. В конце XIII в. уже и налоги собирает не чингизидская администрация, а местные князья.

Волжская Болгария по уровню общественного и экономического развития и формам феодализма была очень близка к домонгольской Руси. Ряд свидетельств заставляет предположить наличие между властью Чингизидов и болгарским населением какого-то промежуточного звена — местной феодальной аристократии, князей. Следует отметить, однако, что власть золотоордынских ханов в Волжской Болгарии была впоследствии, в XIV в., значительно более сильной и прямой, чем на Руси в это время.

Иначе сложились судьбы кочевого, главным образом половецкого, населения, попавшего под власть золотоордынских ханов. Здесь чингизидское завоевание привело к другим результатам.

В кочевых степях аристократия и часть рядовых номадов были или уничтожены, или проданы в рабство, или уведены на Восток, где использовались монголами иногда как полицейско-репрессивные отряды. После событий середины XIII в. в источниках мы нигде не встречаем упоминаний о половецких ханах в степях Восточной Европы, которые бы владели кочевым населением на правах феодальных держателей и получали бы инвеституру из рук новых правителей.

Половецкая степь не была окраиной Золотой Орды. Это были главные ее районы. Не случайно в ряде арабских и персидских источников Золотая Орда отождествляется с Дешт-и-Кыпчак. Золотоордынские ханы в степях хозяйничали сами, не допуская местную аристократию к управлению.

Кочевое население оказалось первоначально для золотоордынской верхушки наиболее удобным, естественным объектом угнетения и эксплуатации. Оседлые земли она грабила, разоряла, уводила оттуда народ, обкладывала тяжелой данью. Но в управление хозяйственной жизнью оседлых народов она не вмешивалась. Непосредственными эксплуататорами оставались местные феодалы. Завоеватели, кочевники-аристократы были далеки от оседлого феодального земледельческого и городского укладов и видели в населении деревень и городов лишь объект грабежа или плательщика дани. Города, сельскохозяйственные районы не только периферийных областей, но и расположенные в окружении кочевой степи первоначально ускользают из поля

зрения новой кочевой аристократии. К кочевому же населению степей могли быть применены те социальные формы эксплуатации, которые принесли с собой монголы и которые созрели в их кочевом обществе к концу XII в.

Оторванность улусной аристократии от управления оседлым населением, земледельческим и городским, сказалась в том факте, что налоги собирались откупщиками и шли в Каракорум (287, с. 11, 51). Местная же кочевая аристократия довольствовалась обычно только частью поступлений с тех оазисов, городов и оседлых районов, которые находились на территориях их кочевий. Систематическая эксплуатация перешла в руки чингизидовских имперских властей.

Вопрос об организации власти и эксплуатации покоренных земель вызвал в среде Чингизидов острую борьбу. Наметились две линии. Одна группа Чингизидов стремилась сохранить чисто кочевнический образ жизни и относилась к покоренным оседлым землям только как к объекту периодических грабительских походов. Другая группа аристократии, во главе которой стал хан Мунке, считала необходимым ограничить произвол завоевателей, дать возможность крестьянам и жителям городов восстановить хозяйство с тем, чтобы они стали объектом постоянного, систематического налогового обложения (311, с. 48—53).

Кочевнические аристократические круги в западных завоеванных землях (Золотой Орде, Иране, Средней Азии) вначале выступали как сторонники первого направления. Лишь во второй половине XIII в. монгольская аристократия (например, Джучидского Улуса) стала склоняться ко второй точке зрения. Центр империи — Каракорум — со времени Мунке через свою широко разветвленную администрацию и откупщиков осуществлял политику покровительства оседлым землям и городам.

Общеимперское административное управление оседлыми оазисами в кочевой степи позволило в первый период существования Чингизидской империи провести ряд мероприятий по переписи населения, организации связи, упорядочению денежного дела. Оседлые земли Средней Азии и Ирана до хана Хулагу управлялись и эксплуатировались правителями, подчиненными непосредственно великому каану, Каракоруму. Баскаки и даруги на Руси также были представителями именно имперского, а не улусного управления (410, с. 30—31).

Но постепенно это положение меняется. Отдельные монгольские улусы (Джучидов в Золотой Орде, Хулагуидов в Иране, Джагатаидов в Средней Азии) становятся почти полностью независимыми государствами. Это особенно хорошо видно по монетам Золотой Орды. Джучидский хан Мангу-Тимур первым стал чеканить монеты от своего имени в 1270-е годы.

В конце XIII в. изменилось и положение каанских чиновников в оседлых землях Золотой Орды. Они почти совершенно прекратили свою деятельность на Руси, предоставив управле-

ние местным князьям, а надзор за их действиями взяли сами ханы. Теперь очень мало средств уходит в Монголию; все оседают в ханской казне.

С этого времени начинается интенсивный рост городов в основном районе Золотой Орды — в степных низовьях Волги. Если в середине XIII в. основными городскими центрами Золотой Орды был Болгар, Хорезм (Ургенч) и Крым, то есть города в окраинных оседлых завоеванных землях, то в XIV в. таким становится Сарай в дельте Итиля (Волги).

Сарай возник почти на «пустом месте» в степях, где до золотоордынских ханов были очень слабы традиции оседлости, имелось очень мало поселений. В Нижнем Поволжье когда-то существовал хазарский город Итиль, но он заглох еще в X в. Другой город, известный нам по письменным источникам, Сакси, являлся не столько городом, сколько ханской ставкой, окруженной кочевниками. Плотного оседлого сельскохозяйственного и ремесленного населения в Нижнем Поволжье до монголов не было.

Старые города, где хозяйственная жизнь была только приостановлена завоевателями, быстро возродились и стали в первое время главными центрами торговли и ремесла в молодом государстве. Ханы, кочевая аристократия мало вмешивались в дела оседлых земель своей державы, предоставляя управление ими каракорумской администрации. Но вскоре сами золотоордынские ханы стали интересоваться городской жизнью, создавать ремесленные мастерские, вступать в компании крупнейших торговцев, организовывать свои торговые караваны. Став полноправными правителями в своих улусах, отделившись от власти Каракорума и его администрации, они с поспешностью строят новые города в Нижнем Поволжье, там, где раньше была кочевая степь. Они сгоняют сюда тысячи ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма и Болгара, и те в быстрые сроки возводят замечательные города на Ахтубе и в дельте Волги.

Но почему золотоордынские ханы основывают новые города? Не выгоднее ли для них было сохранить мощь Болгара или Ургенча и сделать столицей старый город, чем строить на пустом месте?

Вероятно, для них было живо воспоминание о том, что когда-то они не могли распоряжаться делами старых городов и были вынуждены довольствоваться только частью налогов с населения оседлых земель. Ханам Джучидам хотелось построить новые «ханские» города, где власть не надо было бы делить с баскаками или даругами, присланными из каракорумского дворца великого каана, где они были бы спокойны и единовластны в своих действиях. В этом аспекте не случайным представляется, что на первых монетах, чеканенных в Новом Сарае, имеется не свойственный ханам титул «хакан», подчер-

кивающий независимость Джучидов (141, с. 22; 356, с. 21, № 7).

Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. К тому же, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы — Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья.

Нижневолжские степи составляли область Саксин, заселенную главным образом кыпчаками (407). Они занимали особое место в истории степей X—XV вв., играя роль пограничной, промежуточной зоны между степными племенами Казахстана с одной стороны и Восточной Европы — с другой, между двумя группами половецко-кыпчакского населения. Нижневолжские степи были избраны Джучидами как основная территория их нового государства, как домен ханов Джучидов, вероятно, потому, что здесь в XII — начале XIII в. был своего рода «вакуум» — много свободных пастбищ и очень редкое даже для кочевой степи население. Эти районы были быстро заселены в XIII—XIV вв. кочевниками, стекавшимися сюда по принуждению, а отчасти и свободно. Завоевателям-монголам было легче их освоить, чем в местах более плотно заселенных старым кочевым кыпчакским населением — на Донце, Днепре и в других районах степей. Возникновение в конце XIII — начале XIV в. городов в степной зоне Восточной Европы привело к тому, что Золотая Орда стала носителем как бы двух стихий — кочевой, степной, и городской, ремесленно-торговой. Политические и экономические взаимоотношения этих начал определили своеобразие золотоордынского общественного строя.

Золотоордынские города возникали на местах кочевок ханской ставки. Пережиток старого кочевого быта — кочевая ставка аристократов и ханов — орда была характернейшим элементом золотоордынского общественного сторя. Орда дублировала столицу — город Сарай, будучи часто и политическим, и административным, и экономическим центром. Хана скорее можно было застать в его орде, чем в городской столице (402).

Ибн-Баттута так описывает орду хана Узбека: «Подошла ставка, которую они называют урду... и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху; они варят (пищу) во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким образом они устраивают мечети и лавки. Мимо нас проехали жены

султана, каждая из них со своими людьми отдельно... Подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» (388, с. 289).

Известно, что ставка Бату в 1240—1250 гг. находилась где-то на Волге, летом — в районе Волжской Болгарии, а зимой — в низовьях у Сарая. Эти меридиональные перемещения орды были связаны, очевидно, с сезонными перекочевками.

С середины XIV в. орда кочевала почти всегда около столичных городов в Нижнем Поволжье. Во второй половине XIV в. в орде начинают чеканить монеты. В это время после десятилетия политической смуты 1360-х годов намечается политический распад Золотой Орды и происходит временное обособление западных ее районов во главе с Мамаем. Традиционное разделение ханской резиденции между кочевой ставкой — ордой и городским центром — Сараем, раздвоение, преодолеваемое раньше единой ханской центральной властью, теперь, в 1370-е годы, с упадком центральной власти выразилось в политическом разобщении Сарая и орды. Первый стал центром того района Поволжья и поволжских городов, который всегда составлял непосредственное держание джучидского хана (его «домен»). Орда же превратилась в центр мамаевских владений, причем центр не только кочевой, но и принявший ряд атрибутов города, главным из которых следует назвать чеканку монет. Сарай и орда разобщились территориально. Орда стала кочевать где-то в Северном Приазовье (408, с. 81; 410, с. 147—148).

ОСОБЕННОСТИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ

Золотоордынские города были построены прежде всего как административные и военные центры — форпосты ханской власти в завоеванных странах (157; 159; 164, с. 6—8). Они возникли в исторически быстрые сроки. Этому способствовало то, что грандиозные завоевательные войны Чингизидов вызвали приток в их центры рабов-пленных. Рабы сосредоточивались главным образом в новых золотоордынских городах, сначала как их строители, затем как их население, как подневольные мастера-ремесленники. Туда же устремлялся и поток награбленных материальных ценностей.

Постепенно рабы-ремесленники высвобождались из-под рабской зависимости, превращались в феодально-зависимых людей, связанных рядом обязательств с хозяевами, но живущих своим домом, своим хозяйством, хотя и под опекой. Видимо, именно этот процесс отражен в следующем отрывке из текста Плано Карпини: «Они (то есть монголы-завоеватели.— *Г.Ф-Д.*) забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им

дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах... И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастера и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости...» (330, с. 58).

Перед нами две категории рабов — пленных ремесленников. Одни из них живут на скудном довольствии своего хозяина, без семьи и хозяйства. Другим разрешено иметь семью и жилище и какую-то часть времени они могут работать на себя.

Рабский труд, воскресший в эпоху обширных завоеваний XIII в., частично трансформировался в XIV в. в труд феодально-зависимого плебса.

Вместе с тем какая-то доля рабского труда сохранялась в крупных рабских мануфактурах типа кархана, рабских мастерских, хорошо известных на Востоке именно в это время.

В отличие от городов средневековой Западной Европы и Руси, а также феодальных городов Средней Азии золотоордынские города выросли не в результате длительного экономического их развития, а возникли сразу и на местах, где до них не было традиций длительной оседлости. Золотоордынские городища в степной зоне не имеют подстилающего культурного слоя (222, с. 142). В Нижнем Поволжье исключение составляет только Самосдельское поселение. В Приднестровье города возникли в местах традиционной оседлости, но, как показывает археология, у золотоордынского Белгорода-Днестровского не было подстилающего слоя (210, с. 12), так же как у золотоордынского Старого Орхея (78, с. 35), хотя в этом районе открыты отдельные комплексы, датируемые не позднее XII в. (83, с. 105; 25, 1983, с. 458).

П. П. Бырня отмечает, что золотоордынские города на территории лесостепной Молдавии не имели опоры в городской традиции домонгольского времени, располагались в районе сельской оседлости, с которой они не были связаны и которая не предшествовала им непосредственно (78, с. 32—33).

Расцвет золотоордынских городов связан с сильной деспотической властью ханов. Они пришли в упадок тогда, когда

центральная ханская власть стала неспособна поддерживать и поощрять в крупных масштабах работорговлю, поставлять городам массу награбленных средств и рабов, способствовать развитию городских ремесел и торговли (410, с. 83—85).

Кочевой образ жизни не исключал оседлости некоторой части населения — обычно беднейшего, лишившегося по тем или иным причинам скота. Так было в Дешт-и-Кыпчаке до монголов. Но после образования Золотой Орды и особенно после утверждения сильной центральной власти кочевники в массовом масштабе переходят к городской оседлости, становятся жителями новых бурно развивающихся городов. К оседлости переходит и богатая, знатная часть номадов.

Монгольские города Центральной Азии XIII в. как бы составлены из отдельных замков-усадеб, примыкающих друг к другу и тяготеющих к большому замку. Топография золотоордынских городов также позволяет наблюдать концентрацию отдельных замков монгольской аристократии. Именно как результат принудительной концентрации в каком-то административно-политическом центре аристократических усадеб-замков, построенных руками пленных ремесленников, пригнанных из оседлых покоренных областей, возник в Монголии в XIII в. Каракорум. Рашид-ад-Дин писал: «Так как он (Угедей) еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в (своем) юрте Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами... Последовал указ, чтобы каждый из (его) братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то (их) оказалось целое множество» (335, с. 40). Ставка каана весной кочевала в окрестностях этого города.

Мы предполагаем, что в первый период своей истории золотоордынский город представлял собой группу аристократических замков, окруженных жилищами пленных-рабов, зависимых ремесленников и строителей, насильно переселенных в это место.

Во второй период район проживания рабов превращался в поселение городского плебса, живущего своими усадьбами и своими хозяйствами, а многие замки аристократии постепенно окружались жилищами зависимых от них людей — клиентов, вольноотпущенников, усадебных ремесленников, домами представителей усадебной администрации. Усадьбы аристократии обрастали также более мелкими усадьбами вассалов (417, с. 218—219).

Таким образом, золотоордынские города, насколько мы знаем по раскопкам ПАЭ, имели усадебную структуру, что резко от-

личает их от синхронных городов Средней Азии и Казахстана (Отрара, например).

В таком же направлении шло, видимо, и развитие Каракорума. Сравним приведенный выше отрывок из труда Рашид-ад-Дина, который рисует первый этап истории Каракорума как время сосредоточения ханских дворцов, с описанием Каракорума В. Рубруком: «О городе Каракоруме да будет Вашему Величеству известно, что за исключением дворца он уступает даже пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один Сарацинов, в котором бывает базар и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал китайцев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям» (330, с. 165). Дворцы монгольской знати становятся дворцами вельмож — «секретарей» и обрастают торгово-ремесленным пригородом. Происходит трансформация населения: знать становится чиновническо-вельможной верхушкой города, рабские кварталы превращаются в кварталы городского плебса (ср. 324, с. 55).

Характерной чертой городской жизни Золотой Орды была тенденция к переносу городских столиц и строительству новых городов. В Золотой Орде в конце 1330-х годов начала быстро расти новая столица — Новый Сарай. Многие города, судя по монетам, получают в какой-то период к своим названиям эпитет «Новый» (Болгар, Крым, Маджар), что, вероятно, связано с новым городским строительством. Города в центральных районах Золотой Орды обычно строились на пустом месте. Тенденция ставить города на незаселенной территории обнаруживает и градостроительная политика Хулагуидов (например, так был возведен город Султания) (414, с. 27). Золотоордынские города-новостройки, созданные в короткие сроки руками пригнанных мастеров-рабов, обеспеченные дешевым рабским трудом и большими массами награбленных материальных ценностей, в этом отношении составляют аналогию новым иранским городам монгольской эпохи. Не только в Золотой Орде имел место особый путь возникновения города с большим компонентом рабовладения и использования рабского труда. Это явление на Востоке наблюдалось не раз в эпохи, когда большие завоевания создавали переизбыток рабской массы и необходимость реализовать награбленные богатства в сфере городского строительства и ремесленной деятельности.

В период правления ханов Токты и Узбека монгольская кочевая феодальная верхушка, чьи предки пришли из Центральной Азии, втягивается в торговлю и управление государством, сближается с мусульманской чиновничье-купеческой верхушкой городов. Некоторые представители старой монгольской кочевой

знати становятся вельможами при городском дворе хана, принимают участие в управлении торговлей, ремеслом и общегосударственной политикой (410, с. 89—103).

В. Л. Егоров предложил периодизацию градостроительства в Золотой Орде (161, с. 19; 163, с. 78). По ней первый этап соответствует восстановлению и использованию старых городов (40-е годы XIII в.), второй — началу градостроительства (первая половина 50-х годов), третий — подъему градостроительства при Берке (вторая половина 50-х—60-е годы XIII в.), четвертый — замедлению роста городов (70-е годы XIII — начало XIV в.), пятый — расцвету градостроительства при Узбеке и Джанибеке, шестой — затуханию и упадку городской жизни (с 60-х годов XIV в. до 1395 г.). Но дело обстояло сложнее и не одинаково в разных районах. Использование старых городов и их доминирование в городской жизни Золотой Орды относится, судя по монетам, ко всей второй половине XIII в. Чекан болгарских городов в 1250—1290-е годы был очень обильным. Много монет чеканили в 80—90-е годы. А чекан Сарая и Увека был в это время очень маломощным.

Что касается болгарских городов и Крыма, то 70—90-е годы XIII в., согласно монетным материалам, не выглядят как период «замедления роста городов» по сравнению с предшествующим временем. Чеканка Хорезма была в конце XIII в. незначительной по сравнению с чеканкой Болгара и Крыма (403). Видимо, следует различать историю городской жизни собственно золотоордынских городов степной зоны и старых оседлых зон. В Болгарах выделяется раннезолотоордынский слой XIII в.; в Сараях он не обнаружен. Можно думать, что степные города Поволжья в XIII в. отставали в развитии от болгарских. Градостроительная деятельность Берке зафиксирована только в Болгаре, где строилась большая мечеть. (111, с. 251). Стремительный рост нижневолжских городов, вероятно, начался в начале XIV в., когда хан Токта проводил свои реформы. С 1310 г. стал в огромных размерах чеканить монеты Сарай, вытесняя постепенно болгарские монеты со всех рынков.

Несомненно, что при Бату и Берке города возрождались или заново строились с использованием людских и материальных ресурсов, добытых при завоеваниях монголами Руси, Кавказа, Средней Азии, Крыма и т. д. При новом подъеме строительства в XIV в. должны были использоваться поступления дани с покоренных земель, которая теперь вся шла хану, а не в Каракорум. Людские ресурсы добывались теперь, очевидно, путем грабительских войн с Ираном и в других походах, в междоусобицах, путем работорговли (141, с. 24; 410, с. 83). Запрещался или ограничивался вывоз рабов (388, с. 263).

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Наибольший расцвет золотоордынских городов относится ко времени правления ханов Узбека и Джанибека, т. е. к периоду 1320—1350-х годов. К этому времени завершилось формирование государства джучидской монгольской аристократии.

Резко возрастают центральная власть и ее аппарат, могущество и сила хана. Страна управляется ханскими наместниками. Положение городов резко отличается от того, каким оно было в XIII в., когда Джучиды не управляли оседлыми землями и городами. Восточные авторы именуют Узбека государем Сарая, Хорезма, Крыма и Дешт-и-Кыпчака, как бы подчеркивая одинаковую ступень подчиненности хану и степей и городов. Известны в это время эмиры — правители Джучидов в городах Азаке, Маджаре, Солхате, Укеке и др. Образуется крупный разряд чиновничества, который арабские авторы называют правителями областей и городов.

В городах сидели «городские даруги» — ханские наместники. Главным их занятием, видимо, был сбор дани. Обычно даруга был выходцем из аристократических родов, в прошлом кочевых. Более низкое городское чиновничество — это «диван-битикчи», т. е. секретари или писцы палат, «бакши» — писцы, «тамгачи» — таможенники, сборщики налога — тамги, «тартанакчи» — «весовщики», тоже таможенники или сборщики податей, «побережники» — видимо, сборщики подати с судов, приставших к берегу. Известны также «базардэ-турханы» — блюстители порядка и надсмотрщики на базарах (410, с. 93—100).

Шел процесс слияния, срастания монгольской аристократии с городским патрициатом, чиновничеством. Это усиливало исламизацию монгольской аристократии, переход ее к городскому оседлому быту.

В начале и середине XIV в. городской патрициат и купечество, тесно с ним связанное, поддерживало сильную ханскую власть, так как она обеспечивала спокойствие торговли, процветание ремесел, снабжение городов материальными и людскими ресурсами. Симбиоз кочевой степи и городов был возможен только под эгидой сильной центральной власти ханов. Положение меняется в 1360-е годы.

Во второй половине XIV в., в эпоху частых смен ханов, междоусобных войн и смут городская чиновная вельможная знать раскалывается на партии, которые поддерживают своих претендентов на ханский престол, проводят различную политику. Они управляют делами государства, и ханы зачастую становятся марионетками в их руках. Есть относящиеся к этому времени письменные и археологические свидетельства об уничтожении победившей партией и ее ставленником-ханом

КИРОВА
БИБЛИОТЕКА

крупных групп оппозиционной знати, о разрушении больших и богатых городских усадеб, принадлежавших, видимо, ее представителям (410, с. 106, 145—147; 415).

Политическая смута и упадок централизма болезненно отразились на положении городов. Археологические материалы и нумизматические памятники показывают начало упадка городской жизни в Золотой Орде уже в 1370-е годы.

Несмотря на это в источниках встречаются упоминания о войске, выставленном тем или иным городом— Азаком, Булгаром (389, с. 164). Эти сообщения можно трактовать так, что наряду с феодальным ханско-бекским войском появилось городское. Но оно было слабым. Золотоордынские города не смогли в 1374—1375 гг. дать отпор новгородским ушкуйникам, доходившим до Сарая и Хаджи-Тархана и грабившим эти города.

Временная централизация Золотой Орды при Токтамыше не спасла их от захирения. Окончательный удар нижневолжским городам принесло нашествие войск Тимура в 1395 г., разрушивших Сараи, Укек, Азак, Хаджи-Тархан, Крым.

Соотношение городов, оседло-земледельческого и городского уклада и кочевой степи — вопрос первостепенный при анализе жизни государств, созданных монголами в XIII в. Можно проследить определенную параллельность в развитии западных улусов — Джучидского (Золотая Орда), Джагатаидского (Средняя Азия) и Хулагуидского (Иран). Первоначальный грабительский захват территорий постепенно сменялся систематической организацией власти хана — представителя кочевой аристократии — над оседлыми городским и сельским населением. Этот процесс получал то или иное завершение и оформление в реформах ханов, в их централизаторских действиях, в усилении династического начала и в исламизации во времена правления хана Токты в Джучидском, Кебека и Термаширина в Джагатаидском и Газана в Хулагуидском улусах. Но все время в этих улусах оставался характерный симбиоз оседлости и кочевания, города и орды, кочевой аристократии, владельцев степных улусов и юртов и торгового патрициата и крупных землевладельцев оседлых сельскохозяйственных и городских районов. Было сосуществование и сращивание во многом кочевой знати и городских верхов. Оседлый компонент сам по себе не мог стать здесь источником власти, тем более источником объединительных сил. Власть сохранялась у кочевой аристократии, в большей или меньшей степени сблизившейся с оседлой экономикой.

В улусе Джучи этот симбиоз был в значительной степени механическим соединением степного мира и городского, без традиций, без органического, исторически сложившегося единства городов с окружающими сельскохозяйственными районами, симбиоз, державшийся главным образом единой сильной

властью, исходившей из степного компонента. И когда в конце XIV в. степная аристократия левого крыла, более архаическая, менее феодализированная, не зашедшая в своем сепаратизме столь далеко, как аристократия правого крыла, выдвинула мощную фигуру хана Токтамыша, с резко выраженными централизаторскими и имперско-агрессивными установками, города, пережившие кризис междоусобиц 1360—1370-х годов, уже находились в упадке. Они не смогли его поддержать. Из Токтамыша не получился Тимур.

В Хулагуидском Иране города сильны были древней традицией оседлости, торговли и ремесла. Это мощные, устойчивые, живучие экономические центры с глубокими историческими корнями. Кочевы беки в большей степени, чем в Золотой Орде, переходят к оседлости, становятся городским патрициатом, крупными землевладельцами и высокопоставленными чиновниками. Собственно кочевая знать слаба. Этот социальный слой не в состоянии выдвинуть крупную политическую фигуру, установить сильную власть. Феодальная раздробленность поражает всю страну и приводит к сепаратизму провинций. Оседлый компонент, как и в Золотой Орде, тоже не может выдвинуть достаточно мощной фигуры объединителя.

В Джагатаидской Средней Азии мы видим иное соотношение социальных сил: кочевая знать, «джагатаи», сильны, могущественны. Города разорены монголами, но возрождаются, хотя и с трудом, питаясь старой традицией и экономическими связями со своей аграрной периферией. Они представляют собой самостоятельную серьезную социальную силу. Объединителя может выдвинуть только кочевая аристократия. Ее поддерживают в этом верхи городов и крупные землевладельцы. Но природа кочевой знати такова, что объединение страны приводит к внешней экспансии, как это было во время Чингиз-хана в Монголии. Городская верхушка также заинтересована в экспансии. Этот союз приводит к появлению Тимура и его империи. Тимуру было суждено сокрушить Золотую Орду и добить ее города.

Глава II

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ

ДВЕ СТОЛИЦЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Столицей Улуса Джучи был город Сарай. В 1333 г. его посетил арабский путешественник из Магреба Ибн-Баттута. «Город Сарай, — писал он, — (один) из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины..., переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... В нем 13 мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много (других) мечетей. В нем (живут) разные народы, как то: монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ее), некоторые из них мусульмане, ассы, которые мусульмане, кыпчаки, черкесы, русские, византийцы, которые христиане. Каждый народ живет на своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов. Тамошний дворец султана называется Алтунташ» (388, с. 306).

Другое известие о Сарае сохранилось в трудах египетского географа XIV в. ал-Омари. Оно относится примерно к тому же времени, что и сообщение Ибн-Баттуты, но составлено ал-Омари по сведениям других лиц. Ал-Омари писал: «Рассказывал мне доблестнейший Шуджа ад-Дин Абд-ар-Рахман ал-Хорезми, толмач, что город Сарай построен Берке-ханом на берегу Туранской реки (Итиля). Он (лежит) на солончаковой земле, без всяких стен. Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого (находится) золотое новолуние (весом) в два кантыря египетских. Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения. Эта река (Итиль), говорит он, размером в Нил, (взятый) в три раза и (даже) больше, по ней плавают большие суда и ездят к русским и славянам. Начало этой реки также в земле славян. Он, то есть Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия,

место, куда направляются товары. Посередине его (находится) пруд, вода которого (проведена) из этой реки. Вода его употребляется (только) на работы. Для питься (вода берется) из реки; ее черпают для них (жителей) глиняными кувшинами, которые ставятся на телеги, отвозятся в город и там продаются» (388, с. 241—242).

В этом сообщении можно усмотреть отражение раннего этапа развития золотоордынского города: дворец хана окружают усадьбы его знати, сохраняющие еще элементы кочевой жизни. «В этом дворце их зимние помещения», — пишет ал-Омари. Значит, летом они живут где-то в других местах, очевидно, в кочевьях.

Сараев было в Золотой Орде два. Это следует из двух независимых сообщений: Ибн-Арабшах писал, что Сарай построен за 63 года до разрушения тамошних мест (имеется в виду поход Тимура 1395 г.) (388, с. 463), т. е. в 1332 г. Итальянская карта Фра Мауро знает два Сарая — просто Сарай в низовьях Волги, на левом ее берегу, и Сарай Гранде — на том же берегу, но выше по течению (439; 470, с. 141).

Сообщения ал-Омари и Ибн-Баттуты, таким образом, относятся не ко второму, новому, Сараю, как полагал А. Ю. Якубовский (458, с. 18), а к первой столице — Сараю, возведенному незадолго до 1254 г., как сообщает Рубрук, побывавший в этом году в этих местах и назвавший его «новопостроенным». Источники приписывают основание первого Сарая хану Бату (330, с. 184). Берке у ал-Омари в этой связи назван по ошибке.

Местоположению двух Сараев на итальянской карте соответствуют два огромных городища на левом берегу Ахтубы — единственно возможные претенденты на то, чтобы быть руинами этих двух столиц, крупнейших городов средневековья. Это Селитренное городище выше Астрахани и Царевское городище южнее Волгограда.

Ибн-Баттута пишет, что от Хаджи-Тархана до Сарая, который он описывает, 3 дня пути по льду Итиля и сообщающихся с ним притоков (388, с. 306). Это соответствует положению Сарая на месте Селитренного городища, которое от Астрахани и Шаренного Бугра (предполагаемое место старого Хаджи-Тархана — старой Астрахани) отстоит примерно на 100 км. Пеголотти говорит о дневном переходе между Хаджи-Тарханом и Сараем по реке (476, с. 21).

Из сообщений письменных источников известно, что Узбек в конце жизни стал строить новую столицу, которая в 1330-е годы еще не была крупным городом (388, с. 229, 263). Известно также, что только с правления Джанибека, т. е. с 1340-х годов, стали чеканить монету в Новом Сарае (Сарай ал-Джедид). Следует думать, что Новый Сарай был вторым по времени Сараем. Исследуя нумизматические памятники, оставленные чеканкой обоих Сараев, узнаем, что обильный ежегодный чекан

Нового Сарая, отражающий интенсивную политическую и экономическую жизнь этого города, относится к периоду 1340—1390-х годов, хотя очень незначительная чеканка производилась и в начале XV в. Сарай (без эпитета «Новый») чеканил монету с 1270-х годов до начала XV в. ,причем регулярно, без особо больших перерывов — только в 1310—1340-е и в 1380—1390-е годы. Он существовал еще в XV веке. Его посетил по торговым делам в 1438 г. ширазский купец, а в 1471 г. этот город подвергся грабежу спустившимися по Волге вятчанами.

Какое же из двух названных городищ следует отнести к первой столице, Сараю, а какое — ко второй, Новому Сараю? Этот вопрос долго обсуждался в русской исторической науке. Исследовавший в середине XIX в. Царевское городище А. В. Терещенко считал, что это городище — столица Золотой Орды Сарай, а развалины у Селитренного он относил к временной ставке хана Бату (386, с. 100). С Царевским городищем связывал Сарай Х. М. Френ, изучавший материалы А. В. Терещенко. Но он полагал, что Новый Сарай — это часть Сарая, придерживаясь, таким образом, мнения об одном городе Сарае (ср. 186).

Первым, кто еще в 1839 г. отнес Сарай (первую столицу) к Селитренному городищу, опираясь на нумизматические материалы, был Ф. Мюллер. Вывод о двух Сараях поддержали И. Осмоловский и Г. С. Саблуков, считавшие Сараем Селитренное городище, но не локализировавшие Новый Сарай, а также А. А. Спицын и Д. Ф. Кобеко (198; 297; 377, с. 82—85). Мнение о единственном Сарае, и при этом существовавшем на месте Селитренного городища, высказывал Н. М. Карамзин. В. В. Григорьев хоть и не отрицал существования двух Сараев, локализировал Сарай на месте Царевского городища, а Новый Сарай, как и Х. М. Френ, считал дворцом при городе Сарае (134, с. 204—211, 246; 384, с. 366). О двух Сараях с отнесением первого к Селитренному городищу, а второго к Царевскому писали Ф. К. Брун (56; 57) и Ф. Ф. Чекалин (438, с. 20; 439). Вопрос о Сараях и о загадочном городе Гюлистане, известном и по монетам, был поднят в полемике Н. И. Веселовского и В. К. Трутовского (93; 95; 395; 396). В. К. Трутовский доказывал, что Гюлистан — город и что помещался он на месте Селитренного городища, а Новый Гюлистан был кварталом этого города. Н. И. Веселовский считал Гюлистан дворцом в пригороде Сарая, предполагая, что Сарай находился на месте Царевского городища, а Гюлистан — у деревни Колобовки, немного южнее Царева. А. В. Терещенко, который проводил раскопки у Колобовки, утверждал, что там был загородный дворец хана. Ни В. К. Трутовский ни Н. И. Веселовский не смогли привести убедительных аргументов в пользу своих версий.

Еще Х. М. Френ писал, что Гюлистан был около Сарая (430, с. 3). В. В. Григорьев считал, что существовали два Гюлистана в разных районах Сарая (134, с. 274). Место города Гюлистана остается загадкой. Дискуссия между В. К. Трутовским и Н. И. Веселовским по этому вопросу не дала результата. В. Л. Егоров высказывает мнение, что Гюлистан находился где-то в Нижнем Поволжье на левом берегу Ахтубы (163, с. 114), считая одним из аргументов то, что на монетах этого города его название сопровождается эпитетом «Присарайский». А. Г. Мухаммадиев обратил внимание на тот факт, что на ахтубинских городищах мало монет Гюлистана, но зато их много в Болгарах. Он даже выдвинул версию, согласно которой именно Болгар чеканил в 1350—1370-е годы монеты с именем Гюлистана. Но это также остается только предположением (279, с. 22—23).

Сопоставление Царевского городища с Новым Сараем, а Селитренного — со старым Сараем содержалось в трудах Ф. В. Баллода (35; 464; 465). Позднее оно было воспринято и А. Ю. Якубовским (457; 458. Ср. 179).

Монетный материал и археологические находки на Селитренном городище показывают, что город, оставивший эти руины, интенсивно жил в первой половине XIV в., сохранял свое значение населенного пункта во второй половине столетия и продолжал, видимо, существовать в начале XV в. Находки монет первой трети XIV в. на Царевском городище незначительны. Нет здесь также существенных археологических и нумизматических находок, которые можно датировать концом XIV — началом XV в. Это заставляет локализовать Сарай на Селитренном городище, а Новый Сарай, только еще построенный в 1330-е годы и разрушенный в 1395 г., — на Царевском.

Если это так, то показанный на итальянской карте Сарай Гранде соответствует Новому Сараю (Царевскому городищу), а Сарай — Селитренному. Сарай Гранде — Новый Сарай — был столицей во второй половине XIV в., что и отразила эта карта. Не случайно именно Новый Сарай чеканил в это время огромное количество монет, а Сарай осуществлял малые эпизодические чеканки, несколько усилившиеся только в 80—90-е годы XIV в.

Источники обычно не различают Новый Сарай и просто Сарай. Иногда говорится о Новом Саре, в котором умер Узбек (388, с. 263). На монетах же писали «Новый Сарай» и «Сарай» (последний иногда с эпитетом «ал-Махруса», что значит «Сохранимый»). Следует думать, что Новый Сарай — это новый монетный двор в новом городе, т. е. в новой столице — во втором Сарае, соответствующем Царевскому городищу.

А. Г. Мухамадиев предположил, что Сарай ал-Джедид чеканил в XIV в. монеты с именем Сарай, а Сарай, построенный при Бату в XIII в., — монеты с именем Сарай ал-Махруса (279, с. 13—17, 23). Это противоречит сообщению Ибн-Арабшаха, так как получается, что тот город, который был построен

за 63 года до его разрушения, последовавшего в 1395 г., чеканил монеты в начале XIV в.

Не ясно, как называли сами жители двух Сараев свои города. Так же ли, как на монетах, — «Сарай» и «Новый Сарай»? Вероятнее всего, именно так, хотя большинство источников это не зафиксировали. В источниках имеются разногласия по поводу того, при каком хане были возведены эти города — при Бату (389, с. 21, 85, 145) или при Берке. Из того факта, что в 1254 г. Рубрук видел Сарай, следует, что его основал Бату, который умер в 1256 г. Сведения о том, что город был построен при Берке (388, с. 241; 389, с. 133), содержащиеся в более поздних источниках XIV в. ошибочны. Эта ошибка происходит от того, что в XIV в. (впервые у Рашид-ад-Дина; 335, с. 86; 389, с. 72, 76), а особенно в XV в. весь улус Джучи иногда назывался по имени Бату, а чаще по имени Берке, как основоположника мусульманизации улуса: улус Бату, улус Берке. Города Сарай и Новый Сарай относили то к тому, то к другому хану. Так возникли два названия — Сарай-Бату и Сарай-Берке, вряд ли однозначно соответствующих двум столицам — Сараям (287, с. 119, 120; 141, с. 5. ср. 15, с. 10).

В персидских источниках Сарай-Бату относится к городу эпохи Узбека или более раннего времени, а Сарай-Берке — к городу времени Джанибека или более позднего периода, что правильно (389, с. 72, 76, 94, 100), за редкими исключениями (389, с. 99), но в арабских источниках один и тот же город мог получить названия и Сарай-Бату и Сарай-Брке. Например, Ибн-Баттута отнес название Сарай-Берке к первому Сараю (388, с. 306. Ср. 324, с. 34).

После А. Ю. Якубовского в исторической литературе за первой столицей закрепилось условное название Сарай-Бату, а за второй также условное название — Сарай-Берке (457, с. 7, 8).

СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ

Селитренное городище посещалось и изучалось путешественниками XVIII в. и археологами XIX — начала XX в. (167; 173; 377; 385). Небольшие раскопки на нем провел в 1920-е годы Ф. В. Баллод. Им были раскопаны колодец, горн для обжига керамики и архитектурного декора, подземный мавзолей, несколько жилых домов (35, с. 30—60; 36). В 1928—1932 гг. на городище работала экспедиция под руководством П. С. Рыкова, которая раскопала часть зала (видимо, мечети) с каменными базами колонн, несколько склепов и жилых домов (348, с. 152—153; 351). Систематически Селитренное городище стало изучаться ПАЭ (хронику этих работ смотри в «Археологических открытиях» (25) за 1966—1970 и 1975—1984 гг.; см. также 411).

Этой экспедицией на Селитренном городище были исследованы горны для обжига кирпича, для обжига извести, стеклоделательная мастерская (74; 120). Обнаружены следы косторезных мастерских и обработки полудрагоценных камней.

В западной части городища между холмами Кучугуры и Красный Бугор были частично раскопаны четыре усадьбы. Одна из них затронута раскопками только в ее периферийной части около ограды, где была усадебная мастерская с горнами по обжигу поливной и неполивной керамики. Деятельность этой мастерской, как и жизнь усадьбы, относится к периоду 1330—1360-х годов. Вдоль ограды усадьбы были землянки и шла улица с арыком и дренажными канавами. Во второй период (1370—1390-е годы) усадьба прекращает свое существование, а гончарная мастерская разрастается, превращаясь в крупную мануфактуру типа кархана (420). Позднее, в XV в., здесь производились захоронения.

На второй усадьбе раскопан большой многокомнатный дом и несколько усадебных строений. Усадьба активно жила в 1340—1360-е годы, в 1370-е годы пришла в запустение и на ее месте возникло кладбище с мавзолеями.

На третьей усадьбе В. Л. Егоровым раскопаны большой центральный дом дворцового типа с пристроенной к нему баней (184, с. 256—264), а также сложная система усадебных построек. Время жизни этого дома и всей усадьбы — тоже 1330—1360-е годы. В период, относящийся к 1370—1380-м годам, здесь возникает керамическая мастерская и ремесленники заселяют запустевший центральный дом усадьбы.

Четвертая усадьба, исследованная ПАЭ, отстояла на значительном удалении к северу от трех других. Э. Д. Зиливинской здесь раскопан центральный дом. Время жизни его относится к 1330—1360-м годам. Позднее тут также производились захоронения.

Таким образом, четко прослеживается упадок крупных аристократических усадеб в этом районе в 1370-е годы — в период смут и замятни, когда боролись за власть группировки монгольской аристократии.

Между первыми тремя усадьбами был исследован комплекс общественных зданий, стоявших, видимо, на площади: большая мечеть, общественная баня (184, с. 264—279) и многокомнатное помещение, возможно, ханако. Вал был, видимо, небольшим. Его насыпь легла на культурный слой. Вал и ров были сооружены в 1360-е годы. Первоначально этот город, видимо, стен не имел, во всяком случае они не обнаружены.

Наиболее ранняя часть города XIII в. еще не обнаружена. Можно примерно нарисовать картину его исторической топографии только для середины — конца XIV в. Город был вытянут вдоль высокого берега Ахтубы на 3—4 км. Из-за разрушенности нельзя сейчас даже примерно сказать, какое расстоя-

ние от берега занимала застройка.

Одна из густо заселенных частей города располагалась в районе между Красным Бугром и Кучугурами. Сплошная жилая застройка имела здесь улицы с арыками, прослеживаемыми частично раскопками, а главным образом по микрорельефу и аэрофотосъемке. В западной части города застройка носила ярко выраженный усадебный характер. Богатые аристократические усадьбы, окруженные кирпичными стенами, имевшие большой центральный дом, дома для усадебных ремесленников, слуг и администрации, водоем, подсобные помещения составляют в этом районе основу планировки. Усадьбы гибнут в 1370-е годы в связи, как мы предполагаем, со смутой внутри Золотой Орды. В 1380—1390-е годы западная часть города частично покрывается могильниками, а частично заселяется рядовым городским народом. Могильники в конце XIV в. жмут город и с востока, так что в конце XIV — начале XV в. жилым остался сравнительно небольшой участок города в районе нынешних Кучугур.

В северной части городища имеется большое озеро, быть может тот пруд, о котором писал ал-Омари. На южном его берегу, судя по находкам, располагались ремесленные мастерские, в том числе по обработке полудрагоценных камней.

На холмах к северо-западу от основного района городища сохранились развалины золотоордынских мавзолеев.

За пределами наиболее плотной застройки на несколько километров тянутся отдельные «пятна» культурного слоя — следы периферии города: усадьбы, скопления домов, ремесленные мастерские и могильники. Несмотря на то что культурного слоя на городище вскрыто уже свыше 20 000 м², ни разу не обнаружено ни фрагментов подстилающего домонгольского слоя, ни вещей, которые могут быть датированы XII — началом XIII в. Это говорит о том, что город возник на «пустом», свободном месте. Против Селитренного городища на правом берегу Ахтубы под слоем речных наносов Л. Н. Гумилев нашел несколько черепков керамики домонгольского облика (138, с. 27). Однако скудность этих находок не позволяет признать их остатками Итиля, каковыми он их объявил.

Подъем Волги, видимо, имел место в XIII в. Сарай иногда становился как бы морским портом, так как нижнее течение Волги превращалось в результате этих подъемов в большой залив Каспийского моря. Расположенный на высоком берегу город оказывался в зоне, недоступной даже большому подъему волжской воды. Самые низменные части городища расположены выше современного уровня Каспия на 13—14 м.

Рубрук сообщает, что в 1250-е годы ниже Сарая Волга делилась на несколько рукавов. Высокий подъем Волги был эпизодическим, а не постоянным явлением, Суммеркент, домонгольский город в низовьях Волги, становился при разливах

островом, а долина, заливаемая водой, достигла в ширину 7 лье (примерно ширина современной поймы Волги и Ахтубы). Как сообщает Рубрук, и это соответствует действительности, Сарай стоял на восточном берегу этой поймы (330, с. 185). В XIV в. уровень Каспия и нижнего течения Волги и Ахтубы понизился. Абу-л-Фида пишет о Сарае, что он находится в двух днях пути от моря Хазарского. Это сообщение относится к первой половине XIV в. (462, с. 217). Следовательно, море было достаточно далеко от города. Находки монет в дельте Волги, почти у современного края Каспия, а также золотоордынские городища в дельте свидетельствуют об этом весьма убедительно.

Ахтуба как отдельный приток Волги в XIV в. существовала, что явствует из указания Ибн-Арабшаха о том, что Сарай стоит на берегу реки, «отделяющейся от Итиля», а также из сообщения Ибн-Баттуны, в котором упоминается Итиль и «соединенные с ним воды» на пути в Сарай (388, с. 306, 463).

Ф. В. Баллод считал, что Сарай Абу-л-Фиды — это Новый Сарай. Но Царевское городище не могло отстоять от Каспийского моря на расстоянии двух дней пути. По Пеголотти от Хаджи-Тархана до Сарая один день пути водой, а по Ибн-Баттуте — три дня пути сушей. Так как от самого южного золотоордынского городища (Красноярского, около Астрахани) Царевское городище отстоит более чем на 300 км, Селитренное от Астрахани и Красноярского городища — примерно на 100 км, Сарай Абу-л-Фиде мог быть расположен на месте Селитренного городища. Не мог назвать Абу-л-Фида Сарай (Селитренное городище) «Эски-Юртом» — «старым селищем» (462, с. 36), так как этот город еще был тогда процветающей столицей Узбека, что явствует хотя бы из его монетной чеканки тех лет. «Эски-Юрт» Абу-л-Фиды Ф. К. Брун сопоставлял, правда без веских аргументов, с Суммеркентом Рубрука (57, с. 330), который ранее располагал на месте Самары (56, с. 11).

В арабских источниках есть указание, что в Сарае (неизвестно, в каком) проживало более 75 тыс. человек (388, с. 550).

ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Царевское городище было описано саратовским краеведом А. Ф. Леопольдовым (244, с. 97—102), который вслед за путешественниками XVIII — начала XIX в. считал, что Царевское городище было развалинами Сарая. А. Ф. Леопольдов предположил существование двух Сараев, но первый из них отнес к Царевскому городищу, ошибочно полагая, что он был построен задолго до Батыя (см. также 186).

С 1843 г. на Царевском городище начались раскопки А. В. Терещенко, продолжавшиеся до 1851 г. (134; 135; 383; 386). Они были проанализированы Б. Б. Жиромским и

Т. В. Гусевой (140; 141; 172). Раскопки дали много богатых вещей, но рядовой бытовой материал и конструкции раскопанных сооружений либо не фиксировались и не собирались, либо не сохранились полностью до наших дней.

В отчетах А. В. Терещенко перечислено громадное количество находок. Но учитывая торопливость, с которой велись раскопки и составлялись списки, а также зачаточный уровень археологии того времени вообще, доверять этим спискам мы не можем. Мы использовали из них только те упоминания, которые подтверждаются другими, в частности вещественными, материалами, оставшимися от этих раскопок в Эрмитаже. А. В. Терещенко раскопал ремесленные комплексы, монументальные здания, в том числе двухэтажные (из этих объектов и происходят, видимо, наиболее богатые его находки), базар и другие места.

В 1920-е годы одновременно с Селитренным городищем Ф. В. Баллод обследовал Царевское, раскопав на нем несколько сооружений и могил. При топографическом описании городища он поспешно выделил районы города (административный, район знати, торговый, район загородных бахчей и дач, собственно город). Эти выделения оказались совершенно несостоятельными (35, с. 14—29).

Систематические раскопки на Царевском городище в 1959—1973 гг. проводились ПАЭ (хронику этих работ смотри в «Археологических отрытиях» (25) за 1965—1968, 1971, 1973 гг.; см. также 399; 411. План городища см.: 140, рис. 1, с. 77; 282, рис. 1; 400, рис. 1; 422, рис. 1, 2; 471, рис. 113, 1).

В юго-восточной части городища (рис. 1, I) были исследованы три усадьбы знати: окруженные четырехугольной оградой дворы с бассейном и богатыми домами в центре и домами усадебных слуг, охраны или администрации (415; 423, с. 80—84).

Во дворах некоторых богатых усадеб (в южной части городища) с многокомнатным богатым домом были обнаружены большие землянки без отопления, а также следы от юрт — реминисценция кочевого быта у перешедшей к оседлости монгольской знати (423, с. 114—138).

В восточном пригороде Нового Сарая раскопаны три усадьбы, расположенные вдоль одной улицы с остатками ремесленной деятельности. Можно проследить постепенное развитие застройки этой улицы (139; 141; 422).

Кварталы ремесленников и мелких торговцев были раскопаны и в центральной части города. Здесь найдена мастерская ремесленника-специалиста по изготовлению кашинных плиток для мозаик и керамических фигурок животных — детских игрушек. В этой же части города был раскопан перекресток двух улиц с арыками. Выяснилось, что еще до возникновения в 1350-е годы уличной планировки на этом месте находились обширные землянки, которые не имели печей, а отапливались

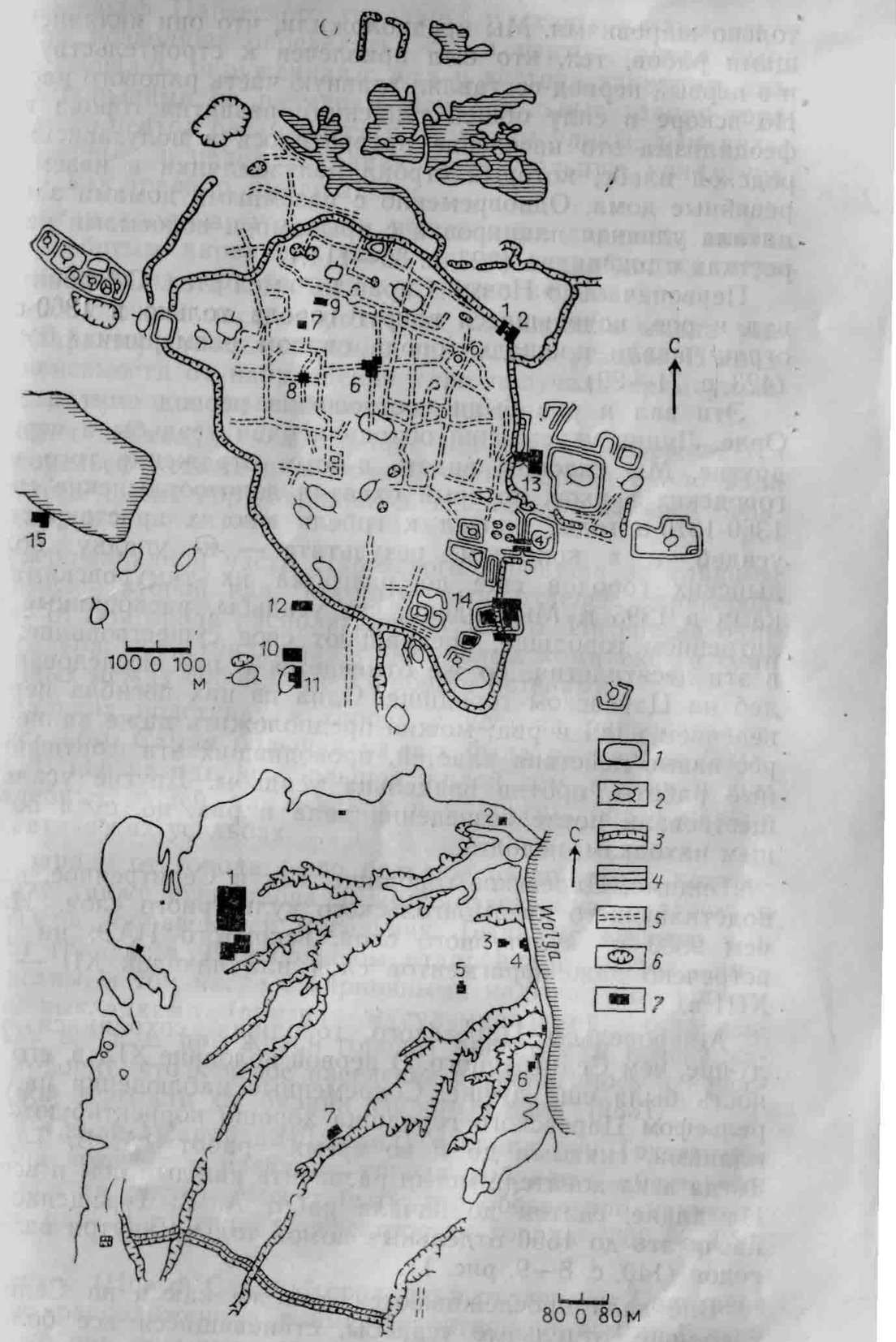


Рис. 1. I — План Царевского городища: *1* — озеро, *2* — холмы, *3* — рвы и валы, *4* — ограды усадеб, *5* — улицы, *6* — ямы, водоемы, *7* — раскопы ПАЭ. II — План Водянского городища: *1* — вал и ров, *2* — раскопы ПАЭ

только жаровнями. Мы предположили, что они являлись жилищами рабов, тех, кто был привлечен к строительству города и в первый период составлял главную часть рядового населения. Но вскоре в силу общей тенденции развития города в эпоху феодализма это население превратилось в полузависимый городской плебс, который строил полуземлянки и наземные деревянные дома. Одновременно с наземными домами здесь возникала уличная планировка с арыками и водоемами на перекрестках и площадях (423, с. 85—114.)

Первоначально Новый Сарай не имел стен. Оборонительный вал и ров, появившиеся вокруг города только в 1360-е годы, ограничивали площадь города овалом размерами 1,6×1,0 км (423, с. 71—80).

Эти вал и ров были построены в период смут в Золотой Орде. Линия укреплений обходила одни усадьбы и перерезала другие. Мы склонны видеть в этом отражение того кризиса городских верхов, который охватил золотоордынские города в 1360-1370-е годы, привел к гибели многих аристократических усадеб и в конечном результате — к упадку золотоордынских городов еще до разгрома их тимуровскими войсками в 1395 г. Мы видели, что усадьбы, раскопанные на Селитренном городище, прекращают свое существование именно в эти десятилетия. То же отмечается и при исследовании усадеб на Царевском городище. Одна из них погибла перед возведением вала и рва; можно предположить даже какие-то репрессивные действия властей, проводивших эти фортификационные работы, против владельца усадьбы. Другие усадьбы существовали после возведения вала и рва, но, судя по монетным находкам, недолго.

Видимо, Царевское городище, как и Селитренное, не имело подстилающего предмонгольского культурного слоя. На более чем 9800 м^2 культурного слоя, вскрытого ПАЭ, ни разу не встречено даже фрагментов слоя или находок XII — начала XIII в.

Микрорельеф Царевского городища сохранился намного лучше, чем Селитренного. В первой половине XIX в. его сохранность была еще лучше. Современные наблюдения над микрорельефом Царевского городища хорошо корректируются двумя планами, снятыми до и во время работ А. В. Терещенко. Тогда исследователи могли различить каждый дом и все улицы. На плане, снятом до начала работ А. В. Терещенко, можно насчитать до 1550 отдельных домов только внутри вала 1360-х годов (140, с. 8—9, рис. 1).

Вне вала прослеживаются, так же как и на Селитренном городище, отдельные усадьбы, становящиеся все более крупными по мере удаления от центра города к востоку и югу, отдельные сосредоточения домов, мелких усадеб, ремесленных мастерских и тому подобных строений.

Микрорельеф Царевского городища и старые планы этого памятника позволяют определить, что в центре города была большая площадь, окруженная с юга и востока зданиями, значительно большими по размерам, чем остальные здания города. От этого центра расходились к окраинам улицы, а от них— улицы боковые, в целом сохраняя прямоугольную конфигурацию. Они, как правило, имели арыки.

По валам вдоль арыков шли пешеходные дорожки, иногда мощенные битым кирпичом; через арыки устраивались деревянные мостики на перекрестках и в других местах.

В юго-восточной части города, где планировка имела усадебный характер, улицы служили границами усадеб. Последние в зависимости от направления улиц получали прямоугольные, квадратные или трапециевидные очертания.

Большая подквадратная в плане площадь прослеживается по микрорельефу также в восточной части города около вала и рва. Здесь до сих пор сохранились впадины от четырех больших водоемов.

В северо-западной части Царевского городища за главным валом имелся второй вал, которым был отделен пригород. К западу от пригорода располагались усадьбы. Интересна одна такая усадьба, представлявшая собой целый комплекс из семи соединенных между собой усадеб с общими стенами.

На дальних подступах к городу с востока располагались также усадьбы. Самая большая из них была размерами 200×130 м. В ней находились большой жилой дом, водоем и дом для усадебных людей, так же как и в других, более мелких аристократических усадьбах.

К западу от города было большое озеро, около которого сначала также существовала жилая застройка, а затем, в конце XIV в., образовался могильник. Были могильники и к северу от городища. В небольшом отдалении от города имелись курганы, в том числе с кирпичными надгробиями и квадратными выкладками (признак мусульманизации), оставленные в XIV в. (т. е. при жизни города) окрестными кочевниками. Это говорит, что кочевое население располагалось в непосредственной близости от окраин Нового Сарая (283).

Новый Сарай (Сарай ал-Джедид) чеканил при Токтамыше монеты, на которых к названию города добавлено «баг», «фи баг» («сад», «в саду»). Может быть, это обозначало какую-то местность паркового типа в окрестностях города (356, с. 250, № 412).

Царевское (Новый Сарай) городище в отличие от Селитренного было расположено в пойме, вероятно, на самом берегу реки. Даже при повышенном уровне Каспия здесь, более чем на 200 км выше по течению Ахтубы, город мог без угрозы быть затопленным располагаться в низине.

ВОДЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Остатки небольшого города Золотой Орды расположены 40 километрами выше Волгограда, по правому берегу Волги, близ города Дубовки (рис. 1, II). После мелких и случайных раскопок в XIX — начале XX в. (34; 174; 175; 437; 443; 449) он был исследован ПАЭ. Всего здесь было вскрыто около 5000 м² культурного слоя (хронику этих работ смотри в «Археологических открытиях» (25) за 1967—1974 годы; см. также 411. План городища см. 165, рис. 1; 471, рис. 113,2). Это городище, получившее название Водянского, сопоставляют с золотоордынским городом Бельджаменом (Belcimen), упомянутым в источниках (иногда Бальчимкин, 389, с. 121, 180, 185) и на итальянских картах (163, с. 109; 393; 437; 438, с. 18—19). Абу-л-Фида сообщает о том, что Бельджамен расположен на Волге между Укеком и Сараем (462, с. 64). Там же его помещают и итальянские картографы (253). После безуспешных попыток П. Н. Милюкова (266) локализовать Бездеж Д. Ф. Кобеко предположил, что Бездеж русских летописей был севернее Сарая (199). В. Л. Егоров сопоставлял Бездеж с Бельджаменом и Водянским городищем (165, с. 110). Сообщение, что в Бездеже были христиане, которые встретили гроб убитого в Орде князя Михаила Тверского, сопоставляется В. Л. Егоровым с открытой археологически на Водянском городище русской колонией (163, с. 109; 165, с. 41). Заметим, что Бездеж русских летописей может быть сопоставлен с Барджином (или Баздажином) — названием города, чеканившего монеты в 1350-е годы. Бархин (Барджин) упоминает П. Карпини на Сырдарье, но это другой город (330, с. 72, см. также 37а, с. 236). Возможно, Бельджамен — это Белед Джамия (город Джамия) — название, употреблявшееся, в частности, в Иране для населенных пунктов. Но если принять это предположение, нужно или отказаться от гипотезы, что Бездеж — Базджин был на месте Водянского городища, или предположить, что у этого города было два названия. Есть мнение, что Белед Джамия — это Мечетное городище. В таком случае русское название — калька с древнего имени города (262а, с. 27).

В. Л. Егоров сопоставил также Водянское городище с поселком русских и «сарацин» (болгар), в котором побывал Рубрук, описавший здесь переправу через Волгу (163, с. 76). Однако такому сопоставлению противоречит следующее обстоятельство: Рубрук указывает, что от этой переправы до Волжской Болгарии всего 5 дней пути (330, с. 118, 230). Это указание не соответствует месту Водянского городища. Абу-л-Фида писал, что от Укека, который расположен выше Водянского городища, до Булгара вверх и до Сарая вниз 15 дней пути (462, с. 217).

Тем не менее на Водянском городище наблюдается соединение русских и болгарских элементов. Был раскопан участок

населенный русскими, о чем говорит славянская керамика (321), христианский некрополь и находки предметов христианского культа (165, с. 67—74; 321а, с. 74—95). Болгарский компонент представлен большими колоколовидными зерновидными ямами, некоторыми особенностями строительной техники и погребальных обычаев, зафиксированных на раскопанном мусульманском городском кладбище.

На Водянском городище раскопана баня с подпольной системой отопления (184, с. 251—256), а также ряд типично золотоордынских домов (165; 278). Имеются вал и ров, но они недостроены и не имели фортификационного значения. Вне городища обнаружен мавзолей с купольным перекрытием усыпальницы, с порталом, украшенным мозаикой. Полностью раскопана мечеть, построенная в середине XIV в., и квартал рядовой застройки к югу и северу от нее. На месте мечети в предшествующее время — 1330—1340-е годы — были дома и мастерские. В мечети и вокруг нее при ее функционировании, а главным образом после ее запустения образовалось кладбище (166).

В последние годы возобновлены археологические раскопки на Водянском городище под руководством А. Г. Мухамадиева и Е. П. Мыськова. Открыты еще одна баня, жилые сооружения, керамический горн.

Новый Сарай (Царевское городище) и Бельджамен (Водянское городище) погибли в результате тимуровского нашествия в 1395 г. Сохранились следы этого погрома, костяки убитых людей, небрежно похороненных под развалинами стен домов или просто брошенных, отдельные части скелетов, черепа среди развалин. Иногда встречаются черепа, сложенные кучей,— может быть, остатки учета убитых (135, с. 371; 384, с. 381).

Неясным остается вопрос, где чеканили монеты с именем Сарай ал-Джедид в XV в. — в жалких остатках того Нового Сарая, который сохранился после 1395 г., или это было другое место.

Сарай (Селитренное городище) существовал еще в первой половине XV в. Следов погрома на этом городище не обнаружено, так как они были убраны продолжавшим здесь жить населением. Так же как и Царевское городище, Водянское начинает приходить в упадок уже в 1370-е годы в результате внутренней смуты в государстве. Многие раскопы на Водянском и Царевском городищах не дают монет, датированных позднее второй половины 1360-х годов, хотя такие монеты чеканились. Обычно в таких раскопках нет следов погрома 1395 г. Но многие сооружения со следами разгрома также не дают монет 1380—1390-х годов. Очевидно, они существовали в эти годы в запущенном состоянии. Большие районы Селитренного, Царевского и Водянского городищ, ряд усадеб на первых двух городищах приходят в упадок и забрасываются уже в 1370-е годы.

ДРУГИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДИЩА

Остальные города степной центральной части Золотой Орды изучены значительно менее полно. По Волге расположено множество мелких золотоордынских городов, которые бегло обследовались А. А. Спицыным, Ф. В. Баллодом, Н. К. Арзютовым и др.

Золотоордынские поселения на Волге известны у Волгограда, в самом этом городе и выше его — Мечетное городище, которое сопоставляют с Тортанллы, указанным на карте Пицигани 1367 г. (56, с. 17; 163, с. 133; 177; 438, с. 20; 442), на Денежном острове, у сел Винновка, Терновка, Песковатка, Даниловка, Пролейка, Ахметьевское, у села Подстепное близ Энгельса, Шишкин бугор у Камышина (297а, 1912 г., с. 75; 18, с. 104; 34; 163, с. 108—109, 111; 175; 381).

На месте Саратова находились небольшие золотоордынские поселения (34, с. 97; 225, с. 51; 439, с. 249), а под Саратовом расположены развалины крупного золотоордынского города Укека, чеканившего монеты, — городище Увек (56, с. 12; 438, с. 17), где в 1913 г. был вскрыт богатый мавзолей, а позднее Ф. В. Баллодом — горны и дома (17, с. 4, 5, 34, с. 69—82; 123; 223; 262; 271; 325; 354; 381;430). Укек существовал уже при хане Берке (197, с. 45).

Рядом с Саратовом расположено золотоордынское поселение Усть-Курдюм, а у Вольска — золотоордынские поселения близ сел Кошели и Березняки, а также поселение у с. Куликовки, обследованное С. А. Щегловым, И. С. Наумовым и Н. К. Арзютовым (17, с. 68; 448). По наблюдениям П. С. Рыкова, золотоордынский слой был на Алексеевском поселении, в 6 км от Саратова (347а, с. 96, 134). В 14 км к северо-востоку от Энгельса Д. Г. Баринов обследовал золотоордынское Шумейское городище, а в Вольском районе — золотоордынский могильник у с. Калмантай (25, 1985, с. 177; 25, 1986, с. 155).

Напротив Укека на левом берегу Волги есть золотоордынское поселение у с. Квасниковка (155; 227) и в урочище «Грошевое», а южнее — поселение у с. Узморье (163, с. 108; 297а, 1893, с. 28). На левом берегу Волги на г. Тарлык, в 60 км от Саратова, у колонии Фрейзенгейм было обнаружено на дюне золотоордынское поселение (178, с. 20). Золотоордынские поселения и могильники обнаружены также на р. Большой Карман у с. Раскаты и на р. Еруслан в районе Старой Полтавы, у деревень Песчанка, Салтово, Латошкино, Беляевка, Валуевка (17, с. 67—68). На Еруслане были изучены гончарные печи XIV в. (347 а, с. 111; 362, с. 107). На Малом Иргизе открыто золотоордынское поселение у хутора Акимовский (Новый) (25, 1986, с. 199). На р. Кижель есть золотоордынские селище и горны у с. Сухореченское (25, 1971, с. 193).

Ниже Волгограда, на левом лерегу Ахтубы, расположена также цепочка золотоордынских поселений и кладбищ. Кроме

описанных Царевского и Селитренного здесь имеются золотоордынские поселения и некрополи у сел Безродное, Верхне Ахтубинское, Заплавное, Зубовка, Бахтияровка, Колобовка, Лапас, Досанг, Дмитриевка, Сеитовка, Байбек, Устиновское, к северу от Харабалей в песках «Бурля». Поселения золотоордынского времени близ Ахтубинска, у сел Займище и Бутырки, исследовались Е. В. Шнайдштейн (25, 1966, с. 123; 25, 1983. с. 187; 25, 1985, с. 215; 25, 1986, с. 172; 34, с. 18—19, 97; 163, с. 111, 117—118; 187, с. 10, 12, 38, 39; 262а, с. 34—35; 384, с. 367; 348, с. 138; 426).

Около с. Лапас расположены руины четырех больших строений из золотоордынского кирпича. В. Л. Егоров сопоставляет их с указанными на карте Пицигани «гробницами императоров» и предполагает, что это мавзолеи, где были похоронены Берке, Узбек, Джанибек, Бирдибек (163, с. 117—118). В. В. Плахов раскопал мавзолей XIV в. у пос. Ак-Сарайский на левом берегу Ахтубы и недалеко от него — золотоордынское поселение у пос. Комсомольский, где также обнаружен большой мавзолей, в котором найдена золотая монета египетского султана Бейбарса и многокомнатный дом из жженого кирпича с центральным помещением, имевшем четыре колонны.

Под Астраханью есть золотоордынское поселение со следами проживания русских (русская керамика) у пос. Мошаик (25, 1978, с. 203), поселения близ пос. Трусово (163, с. 118), близ курорта Тинаки (349, с. 58), а также 53 километрами ниже Астрахани по правому берегу (Чертово городище). Е. В. Шнайдштейн обследовала золотоордынские поселения между Волгой и р. Болды, на левом берегу Волги, на буграх Черный, Хлебный, Седой, Кирпичный II, у сел Татарская, Башмаковка, Петропавловское, на юге дельты на правом берегу Волги у сел Верхнее Лебяжье, Николаевка, Ильмень, Дурное (все в Наримановском районе Астраханской обл.). На левом берегу Волги у с. Икряное той же исследовательницей открыты золотоордынские поселения у с. Малый Хаджи, Малый Толчин, на бугре Большой Маячный и у Исмаил-Тюбе.

В дельте Волги ниже Астрахани на правом берегу располагается золотоордынское поселение на Шареном Бугре, которое в литературе отождествляется (без достаточно серьезных оснований) с Хаджи-Тарханом — золотоордынским городом, чеканившим монеты (386, с. 103). Здесь при раскопках А. М. Мандельштама и В. А. Филипченко в 1966 г. обнаружены гончарные горны, жилые дома и землянки. На городище Шареный Бугор найдена русская керамика. Шареный Бугор — только часть расположенного здесь обширного золотоордынского комплекса (25, 1966, с. 89; 163, с. 119; 170; 377). В этом районе В. В. Плаховым (у целлюлозно-картонного комбината близ с. Красные Баррикады) был раскопан большой четырехкомнатный кирпичный дом XIV в. Хаджи-Тархан был разрушен

Тимуром в 1395 г. и в XV в. существовал как небольшой населенный пункт (38, с. 157). Город в XIV и XV вв. чеканил монеты.

Гончарные печи, жилища и обширный могильник исследовались на Хан-Тюбе и соседнем Тумак-Тюбе —двух холмах в дельте Волги, на левом ее берегу (25, 1969, с. 175; 446). Есть золотоордынские поселения также на юге дельты Волги у сел Самосделка, Новорычанское, Красный Яр, Хожетаевка (34, с. 130; 160, с. 120; 163, с. 118; 426, с. 247). У Красноярского поселения раскопан могильник мусульманского типа, относящийся к золотоордынскому времени на холме Маячный I (262а, с. 36).

Прослеживается закономерность в расположении золотоордынских поселений на берегах Волги и Ахтубы. Выше Волгограда поселения размещаются на высоком правом берегу Волги. Исключение составляют поселения у сел Верхнее Погромное, Нижнее Погромное и Кочетное и у начала Ахтубы напротив Мечетного (34, с. 16, 18). Ниже Волгограда поселения располагаются на левом берегу Ахтубы, кроме Шареного Бугра, в самом низовье Волги и в некоторых перечисленных выше мелких городищ на юге дельты.

У Красного Хутора в Воронежской области исследовано В. П. Левашовой золотсордынское поселение. Здесь обнаружены горн для кирпича и мавзолей (243).

В низовьях Дона у хутора Потайновского было золотоордынское поселение (20, с. 84). Есть золотоордынское поселение у с. Райгород в районе Харькова (374; 375, с. 84; 376).

На г. Медведица, главным образом в Аткарском районе, П. С. Рыковым и Н. К. Арзютовым открыты золотоордынские поселения и погребения у с. Нижняя Добрынка (урочище Кирпичный Мар) и у сел Рудня, Чадаевка, Пески, Нижняя Липовка, Нестеровка, Большая Князевка (17, с. 67; 347а, с. 40 и сл.). Ниже по Медведице в Кумылженском районе у ст. Глазуновской открыто золотоордынское поселение (262а, с. 21).

На Северном Донце у с. Маяки Славянского района Донецкой области, исследовалось золотсордынское поселение — Царино городище и могильник (213). На территории Донбасса известно несколько поселений с золотоордынскими материалами (212). По словам Рубрука, на левом берегу Дона был золотоордынский поселок, в котором жили русские, которые перевозили через реку на лодках послов и купцов. Поселок этот был устроен по распоряжению ханов Сартака и Бату. Ниже по течению Дона имелся, по словам Рубрука, другой такой же поселок. Это говорит о прокладке торговых и почтовых путей через Волгу и Дон уже в середине XIII в. (330, с. 109—110). Рубрук писал также о том, что Сартак, сан Бату, который был христианином несторинского толка (19, с. 110), возвел на правом берегу Волги поселок с церковью (330, с. 185). Археологически этот поселок не обнаружен, так же как и два селения на Дону.

В районе Курска есть места, где встречается поливная и неполивная золотоордынская керамика: Бесединское городище в 18 км восточнее Курска, Белгородское городище в Суджанском районе, поселения у с. Лебяжье и Ратское городище близ Курска. Их сопоставляют со слободами баскака Ахмеда (11, с. 112—117). Это район так называемой «буферной русско-ордынской зоны» (164, с. 10).

Ряд золотоордынских поселений известен на Урале. Главное среди них — это развалины золотоордынского города Сарайчика, чеканившего монеты. Здесь были исследованы некрополь, керамические мастерские и жилые постройки, в том числе большой дом из сырцового кирпича (9, с. 187—193; 18, с. 126—135; 25, 1975, с. 514; 25, 1981, с. 434; 192, с. 95—97; 303; 304). Близ Гурьева есть золотоордынское поселение Ак-Тобе (118, с. 252; 263, с. 153—161). В южном Приуралье сохранились золотоордынские мавзолеи (365, с. 88—96). На среднем течении р. Булдык в Оренбургской области раскопаны два мавзолея и печь для обжига кирпича (326, с. 139—144).

Ниже Сарайчика на р. Урал кроме Ак-Тобе обнаружено еще два небольших золотоордынских поселения у села Тендык (160, с. 122; 163, с. 124; 263, с. 153—161).

В Западной Сибири с XIV в. существовали поселение Искер на Иртыше, ставшее позднее столицей Сибирского ханства, и Тогтур на р. Оми. Другие средневековые поселения Сибирского Юрта не датированы (163, с. 128; 241; 291; 312; 313).

Золотоордынским форпостом в мордовских землях был чеканивший свою монету город Мохша близ Наровчата в Пензенской области (224, с. 152). В 1925 и 1927 гг. А. А. Кротковым было раскопано несколько зданий, в том числе баня с подпольным отоплением и горн для обжига кирпича. А. А. Кротков отождествил на основании монетных находок Наровчатское городище с Мохшей. На этом памятнике А. Е. Алиховой было открыто несколько бань, мавзолеев, горнов и дома со строительными элементами и керамикой, сближающими их с памятниками XIV в. в Волжской Болгарии (12—14; 224; 226; 240; 272). С 1989 г. раскопки на Мохше вели Ю. А. Зеленеев и В. В. Гришаков.

Золотоордынское городище XIV в. известно у села Итяково в Мордовской АССР. Это небольшой замок, построенный на месте древнего городища начала I тысячелетия нашей эры (124).

На Северном Кавказе В. А. Городцовым изучался в 1907 г. Маджар — крупный центр Золотой Орды, чеканивший свою монету (125). Здесь исследованы золотоордынские мавзолеи и постройки (106; 108; 154; 267; 268; 327; 340; 342—346; 355). Около основного городища расположены Малые Маджары и

Верхние Маджары (108, с. 54). Позднее это городище изучала Э. Д. Зиливинская.

Золотоордынские поселения и могильники есть на реке Сунже, правом притоке Терека, близ аула Закан-Юрт, у ст. Самашканской, у аула Ново-Кувинского и ст. Усть-Джетутинской (268, с. 100—102). Известно золотоордынское поселение у ст. Старогладовская в бывш. Чечено-Ингушетии (144).

В Дагестане имеются памятники с золотоордынским материалом. Дербент, судя по итальянским картам, входил в Улус Джучи (163, с. 134—135). На его стенах есть джучидские родовые знаки. Раскопки под руководством Е. И. Крупнова и О. В. Милорадович велись на городище Верхний Джулат (Татартупское) в Северной Осетии, отождествляемом некоторыми учеными с золотоордынским городом Дедяковым. В домонгольское время здесь был аланский поселок. Раскопаны две мечети XIV в., одной из которых принадлежал Татартупский минарет (96; 163, с. 121; 264; 265; 357). Город Джулат назван Шами при описании похода Тимура (389, с. 119).

Локализация Дедякова на городище Верхний Джулат оспаривается (331). Дедяков отождествляется некоторыми учеными с Алханкалинским городищем в бывш. Чечено-Ингушетии (256).

Золотоордынские материалы есть на аланском Нижне-Архызском городище в Карачаево-Черкессии (286, с. 59).

Кроме того, в Терско-Сулакском междуречье известны золотоордынские поселения — Сигитминское, Исти-Су, Акташское, Бараганчинские (121). На Северном Кавказе были открыты еще такие поселения с золотоордынским археологическим материалом: у сел Урух, Терское, Хамидие, Булингу, Лыгит, Верхний Чегем, Эль-Журт (286, с. 61), в ур. «Кох-Шар» в Северной Осетии (25, 1970, с. 131).

Золотоордынские памятники известны в Кабардино-Балкарии — городища Терское и Нижний Джулат (440, с. 48, 60, 61). В районе Пятигорья имеется несколько мавзолеев XIV в. (39, с. 89—91; 298; 341).

Эпизодическим раскопкам подвергалось Азовское городище — золотоордынский город Азак, чеканивший свои монеты. Здесь кроме золотоордынских гончарных горнов и домов раскопаны в 1935 г. каменные ворота, которые были отождествлены (кажется, ошибочно) с воротами итальянской колонии Таны, а также остатки церкви XIV в., видимо итальянской. Раскопки проводились в 1890 г. В. Н. Ястребовым на месте находки плиты 1362 г. с именем Япопо Карнаро, где были католическое кладбище и церковь венецианцев, в 1930-е годы — Б. В. Луниным и С. А. Вязигиным и в 1960—1980-е годы — Л. Л. Галкиным, Н. М. Булатовым. Н. М. Фомичевым и др. Открыто более десяти гончарных горнов (хронику работ см. 25, 1971, 1973, 1977, 1979, 1983—1985; 22, с. 206—208; 44; 47; 48; 70; 99—105;

112, с. 50—52; 117; 124; 137; 189а; 200; 201; 236—238; 247, с. 113; 305—310; 428; 429; 433—435).

В районе Азова открыто несколько золотоордынских поселений, например на р. Кагальник Пешково I, Ведерники, Пятый I, у д. Верхняя Платино, Петровка, Шиловка (25, 1981, с. 133; 25, 1986, с. 142; 107, с. 11; 258, с. 113; 373, с. 46).

Находки золотоордынского времени выявлены на Таманском городище, где располагался средневековый город, известный по итальянским источникам как Матрега, и где была генуэзская колония (182, с. 79—81), и на Патрейском городище (104), а также в других местах северо-кавказского побережья Черного и Азовского морей. Итальянские карты показывают в этих местах множество портовых поселений и городов.

Старый Крым обследовали Л. И. Маркевич, А. С. Башкиров, П. П. Бороздин, А. Л. Якобсон и др. (40—43, 50—52). В этом городе, бывшем при монголах центром Крымского тумена и носившем имя Крым или Солхат и чеканившего монеты, от золотоордынской эпохи остались руины какого-то общественного здания, судя по планировке — медресе (42; 51; 453, с. 105—108). Здесь крупных археологических работ не производилось до 1977 г., когда этот памятник подвергся широким раскопкам М. Г. Крамаровского. Ему удалось доказать, что мечеть была пристроена к медресе 1330-х годов позднее, а портал с надписью, содержавшей дату 1314 г., был взят у другой мечети. Под этими зданиями были обнаружены следы ремесленной и жилой застройки с водостоком. Этим исследователем проводились раскопки еще двух мечетей, в том числе купольной (о ней см. 42, с. 132—133), а также караван-сарая. Изучались различные жилые и хозяйственные постройки и гидротехнические сооружения, а также участок площади перед медресе. Раскапывался христианский храм второй половины XIV—XV в. и более раннее христианское кладбище (хронику этих работ см. 25, 1979—1982 и 1986; см. также 222) Имя «Крым» носил также какой-то город в Казахстане, чеканивший монеты в XIII в. (33, с. 43).

Золотоордынскими городами были Кырк-Иер, локализуемый на месте Чуфут-Кале, где от XIV в. сохранилась мечеть, а от XV в. — мавзолей дочери Токтамыша, и Эски-Юрт, где сохранились некрополи и мавзолей золотоордынского времени (43; 453, с. 128—130). Одновременно существовали города со смешанным населением: Воспоро (Керч), Каффа (Солдайя), Судак, Херсон, Чамбало, Феодоро, а также итальянские колонии на побережье (29; 40; 43; 46, 49, 50; 52; 168; 255; 431, 467).

Древний Монкастро, молдавский Четатя Альба, он же Аккерман, теперешний Белгород-Днестровский, — большой золотоордынский город с итальянской крепостью — изучается археологически. Его раскапывали Э. Р. Штерн, Л. Д. Дмитров, М. Г. Рабинович, но главным образом А. А. Кравченко, а также

изучали Г. Братиану, Н. Константинеску. На этом памятнике открыты жилые комплексы и горны для обжига керамики и извести (147, 205—211; 332; 319, с. 67—68; 466; 478). Где-то между дельтами Дуная и Днестра располагался пока что точно не локализованный золотоордынский порт Килия (319, с. 65—67).

Большие раскопки под руководством Г. Д. Смирнова, а затем В. В. Бырни проводились в Молдове на городище Старый Орхей, который С. А. Янина сопоставила с городом Шехр ал-Джедид («Новым городом»), чеканившим свои монеты в 1363—1367 гг. (319, с. 69; 460). В Старом Орхее кроме жилых домов изучены гончарные комплексы, печи для обжига извести, здание мечети, цистерны для воды, баня, ювелирная мастерская. В Молдове раскапывались гончарные горны и жилища ремесленников на золотоордынских городищах Бутучены, Костешты и Лозовое. Остатки поселения у Костешты можно квалифицировать как золотоордынский город (хронику работ см. 25, 1970—1981, 1983—1985; 1—8; 23; 76—84; 314—319; 336; 338; 347; 353; 369; 370; 478, с. 209 и сл.). В Молдове открыто много сельских поселений золотоордынского времени (320, с. 26—42), сосредоточенных около Старого Орхея, Костешт и Лозового.

Большой клад сельскохозяйственных орудий XIV в., найденный на городище Старый Орхей, свидетельствует о развитии земледелия в этом районе (320, с. 38).

У с. Бравичены близ Старого Орхея открыты печи для обжига кирпича и извести, а также мавзолеи золотоордынского времени (436).

Чеканка в 1360-е годы монет с именем «Шехр ал-Джедид» связана с кочевкой где-то между Днестром и Днепром орды Мамая, которая кочевала затем в Приазовье, где стала выпускать в 1370-е годы монеты с именем Орды. В организации этого чекана в Орде, очевидно, приняли участие монетчики Шехр ал-Джедида (460, с. 209).

На Днепре в районе Запорожья известно золотоордынское поселение, так называемое Кучугурское городище, на котором открыты баня, мечеть, большой дом. А. О. Добролюбский предложил, что сюда откочевала Орда Абдуллаха и Мамая после битвы при Синих Водах и что это место носило унаследованное от Старого Орхея имя «Шехр ал-Джедид» (148; 149; 163, с. 85; 185).

Оседлые поселения и могильники, восходящие к XII—XIII вв., но продолжавшие существовать в золотоордынское время, известны в степях Нижнего Днепра. Их оставило смешанное население — частично перешедшие к оседлости половцы, потомки болгар, аланы, русские и др. Такие поселения были на о. Березань, о. Хортице, у с. Игрень, Кичкас, Днепровские и др. (202).

Около Херсона на Днепре, на острове против мыса Тягинки,

расположается городище, исследованное В. И. Гошкевичем, который отождествил его с более поздним пунктом Тавань. В. Л. Егоров высказал предположение, что так поселок назывался и в золотоордынское время (127, с. 2, 10—11; 163, с. 85—86).

Перечисленные памятники были, за небольшим исключением, новыми степными городами и поселениями, построенными в XIII или начале XIV в., в эпоху Золотой Орды. На городищах, оставленных этими городами, не выявлено подстилающего домонгольского культурного слоя, хотя площади на многих из них были вскрыты большие. (Он обнаружен только на Самосделкинском поселении в низовьях Волги.)

От них резко отличаются старые города, построенные еще до монголов в Хорезме, в низовьях Сырдарьи и в Волжской Болгарии, в предгорьях Северного Кавказа (Нижний Джулат), где сохранились традиции домонгольского их развития, а также и некоторые новые, возникшие в этих местах при монголах. Они представляют собой самостоятельный культурно-исторический феномен. Здесь мы их не рассматриваем.

География расположения золотоордынских поселений следующая: сплошная полоса по Волге от среднего ее течения до дельты, междуречье Волги и Дона, Урал (Яик), Нижний Дон, степная часть междуречья Днестра и Буга, степной Крым, степное Предкавказье и отчасти предгорья Кавказа, отдельные участки по течению западносибирских рек.

В научной литературе со ссылками на работы В. Л. Егорова бытует представление о большой урбанизации Золотой Орды, которое, очевидно, является реакцией на старое представление о Золотой Орде как о стране совсем без городов либо с малым их числом. Называют 110 золотоордынских городов или близкую цифру. Однако в статье и книге В. Л. Егорова (160; 163) названы пункты, где встречаются золотоордынские древности вообще, не всегда города, которых, конечно, было значительно меньше.

Список золотоордынских памятников, составленный В. Л. Егоровым, следует сократить за счет непроверенных, недостоверных известий, например, ростовского краеведа Х. И. Попова, В. Н. Ястребова, Д. И. Эварницкого о развалах кирпичных строений (они могут относиться к другой эпохе), сведений о татарских мечетях или руинах в «Книге Большому чертежу», в описаниях путешествий XVIII в. и т. п. (163, с. 82, 91—92, 107, 127, 128).

География городов Золотой Орды дополняется итальянскими картами: Пицигани 1367 г., Каталонского атласа 1375 г. и Фра Мауро 1459 г. (163, с. 130—139; 438; 439; 474). Следует отметить, что для Поволжья и, видимо, вообще для Восточной Европы сведения этих карт анахронистичны и отстают от реальности примерно на 50—60 лет. Так, на двух первых картах нет

двух Сараев, что отражает ситуацию до 1330-х годов (163, с. 135; 471, с. 31). Пицигани и составитель Каталонского атласа использовали карту Дульцерта 1339 г., на которой отсутствовало обозначение Нового Сарая, что было вполне естественно: Новый Сарай только что появился (163, с. 136, 137; 204, с. 41. Ср. противоположное мнение Ф. К. Бруна: 56, с. 3).

На карте Фра Мауро есть два Сарая, что отражает действительное положение дел во второй половине XIV в. (очевидно, в конце столетия, судя по пояснению к карте, в котором говорится о походе Тимура 1391 г.), а никак не о начале XV в., когда после разрушения Нового Сарая опять существовал только один Сарай.

ФОРТИФИКАЦИЯ

Существенной чертой золотоордынских городов является слабое или полное отсутствие оборонительных линий вокруг них, хотя в названия некоторых золотоордынских городов вошли тюркские наименования укреплений (Укек — башня, Крым — укрепление). В Болгарах перед монгольским завоеванием были сооружены новый вал и ров. Но вал срыли и ров засыпали сразу же после разгрома города монголами (366, с. 6). В упадок приходит фортификация Нижнего Джулата после монгольского завоевания. На Царевском и Селитренном городищах линия рва и вала возникает только в период смут и междоусобиц, т. е. в 1360-е годы (423, с. 79). Иезди пишет, что у Хаджи-Тархана были укрепления, но это сообщение относится к концу XIV в., когда и другие города, например Крым, обзавелись фортификацией (222, с. 144; 388, с. 184). Русские летописи сообщают, что Секкиз-бек в Запьяньи «укрепился рвом».

До этого политика централизма и сила центральной власти препятствовали образованию сильных фортификационных сооружений вокруг городов (410, с. 75—76). Ал-Омари прямо говорит об отсутствии стен вокруг Сарая (388, с. 241). Интересно, что в Центральной Азии, например в Туве, в период монгольского градостроительства XIII в. города сооружались без стен (233, с. 61).

Есть известие Марко Поло (версия Рамузио): «Во всех областях Китая и Манги и в остальных его (Хубулая) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска; их располагать вне города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск» (197, с. 280).

Не имели укреплений и некоторые города Хорезма золотоордынского времени (Шахерлик, Миздахкан), несмотря на

крепленные традиции, связанные с мощными городскими укреплениями домонгольского периода. В некоторых (Шемаха-кала, Шахерлик, Ярбекир-кала) разрушенные старые домонгольские стены в XIV в. не были восстановлены (90, с. 53; 232, с. 49, 61). Не имел стен Самарканд в XIV в. до Тимура. Некоторые города Хулагуидского Ирана тоже были без стен, например Султания.

Можно думать, что требование монгольских властей оставить поселение открытым относилось не только к завоеванным городам, но и к замкам самих монгольских феодалов, обосновавшихся в завоеванных землях. Этим ханы боролись против сепаратизма. Столицы оставались открытыми потому, что при крепкой центральной власти они не нуждались в защите, помимо сильной руки ханов, а периферийные поселения и замки был лишал укреплений с целью пресечь возможные центробежные поползновения местной знати. Интересным примером замка или поселения XIV в. в мордовских землях является Итяковское городище. На месте старого первобытного городища с хорошо сохранившимися валами селится монгольский князек или темник, прельщенный, видимо, его расположением, удобным именно с точки зрения безопасности. Но в XIV в. он вынужден был уничтожить валы и засыпать ров, и только XV в., когда единство Золотой Орды распалось, замок вновь обстраивается мощной фортификационной системой (424).

Возможно, у некоторых городов и были какие-то линии вала и рва, не замеченные археологами. Но неглубокий ров (до 1,5 м) и низкий вал на Царевском городище, недостроенные вал и ров на Водянском городище, маловыраженный вал на Старом Орхее — все это свидетельствует о неразвитости фортификации в золотоордынских городах. Так же как и в Каракоруме, где внешний вал слаб и вряд ли мог быть серьезной защитой города, в золотоордынских городах внешняя фортификация (там, где она была) играла роль не столько военной защиты, сколько административной границы города. Более глубоким был ров на Селитренном городище (2,5 м).

Заметим, что и в собственно Монголии строительство оборонительных линий вокруг городов началось в период упадка и раздробления при Тогон-Тимуре (151, с. 174).

В насыпи вала Царевского городища не прослежено никаких деревянных конструкций, кроме вертикального кола в северном углу городища. Под валом был найден череп собаки, возможно, положенный туда с магической целью, как оберег (обычай, известный у тюркских племен).

Непривычность жителя Золотой Орды к укрепленным городам проявилась в разговоре И. Барбаро с купцом-татарином у стен итальянской торговой колонии Таны. Барбаро спросил купца, указывая на башню: «Не кажется ли тебе эта

вещь замечательной?» Купец усмехнулся и ответил: «Ба! кто боится, тот и строит башни!» (38, с. 148).

* * *

Огромная территория, на которой были распространены золотоордынские города, не была единой в культурном отношении. Поволжье отличается от районов Поднестровья и Крыма, Северный Кавказ дает несколько другую золотоордынскую городскую культуру, чем Сарай, Новый Сарай, Укек и Бельджамен. Районы Поднепровья также выделяются в особый локальный вариант золотоордынской городской цивилизации. Мы избираем для дальнейшего детального рассмотрения золотоордынскую городскую культуру районов Нижнего Поволжья — центра улуса Джучи, домена золотоордынских ханов, привлекая данные о золотоордынских городах других районов только как сравнительный материал.

Глава III

СТРОИТЕЛЬСТВО

Жилища в золотоордынских городах делятся на следующие типы, хорошо отражающие социальный статус их обитателей.

ЗЕМЛЯНКИ

Низшую ступень социальной лестницы занимали рабы и полурабы. Мы предполагаем, что они жили в больших прямоугольных (редко округлых или овальных) землянках без отопительных систем. Эти жилища имели земляные лежанки, так называемые суфы, вдоль двух или трех стен и узкую лестницу. На полу землянки имелся слой золы и углей от жаровни, которой она отапливалась. В суровых условиях поволжских зим свободная индивидуальная семья, даже беднейшая, без печи жить не стала бы. Можно думать, что эти землянки были своего рода камерами для рабов, куда их запирали после работы и где им давали для обогрева только жаровни. Некоторые из подобных помещений имели выложенные сырцовым кирпичом стены. Жилая площадь землянок — от 11 до 32 м² (158, с. 179, рис. 10,*2*; 471, с. 33).

Зафиксированы случаи перестройки больших землянок без углубления в землянки с дымоходами-канами и печами-тандырами и с дополнительными суфами и тошнау (устройствами для умывания) (420, с. 149—153). Возможно, это свидетельствует о постепенном высвобождении рабского населения городов Золотой Орды и превращении его в свободный и полусвободный городской плебс. Такие землянки раскопаны на Царевском городище (139, рис. 4; 405, рис. 7,*1*; 422, рис. 10; 423, с. 96, 133, 150; 472, рис. 4), на Водянском городище (166, с. 117—122, рис. 10, 11) и на Селитренном городище (420, с. 149—153, рис. 3, 5, 7; 471, рис. 2; 472, рис. 8).

Другой вид землянки — жилище индивидуальной семьи бедного, но свободного или полусвободного люда. Обычно оно было несколько меньше по размерам, прямоугольное или овальное в плане и имело вдоль двух или трех стен Г- или

П-образную суфу или две суфы вдоль длинных стен, вырубленные в земле. Иногда делалась узкая суфа вдоль одной стены — на Тумак-тюбе (446), иногда вдоль всех четырех стен — на Шареном Бугре (170, рис. 2). Землянки эти имеют отопительные системы типа канов. Каны устраивались так: вдоль одной стены делались двойные горизонтальные дымоходы, часто просто прорубленные в земляной суфе или полу, выводившие дым в вертикальный дымоход, прорубленный в углу землянки и обычно перекрытый кирпичами, поставленными ребром вертикально один на другой. Землянки на Шареном Бугре и некоторые на Царевском городище имели одноканальные каны. Печь, круглая или прямоугольная, располагалась у начала дымохода. Иногда печь и горизонтальный дымоход устраивались в полу землянки. Дымоход перекрывался кирпичами, положенными плашмя. Печи канов и дымоходы обычно обкладывались обожженными кирпичами, но есть землянки с канами, вырубленными в земляных суфах, без этих обкладок — на Тумак-Тюбе и на Шареном Бугре. В землянку вел ступенчатый вход, реже просто наклонный спуск без ступенек. Иногда стены покрывались белой известковой штукатуркой.

Площадь такой землянки — 9—15 м² (158, рис. 9; 423, с. 96, 123, 140, 146—148; 471, с. 34, рис. 3, III; 472, рис. 6). В этих жилищах устраивались иногда тандыры, в которых пекли лепешки. Тандыр представлял собой круглую печь, которая имела толстую глиняную обожженную стенку с насечками в виде косых или вертикальных прямых и волнистых полос или полос в косую клетку, оставленных зубчатым штампом (158, рис. 14). У тандыра был открытый верх, через который лепешки сырого теста накладывались на раскаленную обмазку тандыра. Во время топки печь закрывалась сверху керамическими крышками. В обмазке устраивались отверстия для соединения с горизонтальными дымоходами и топочное отверстие. Под обмазку подкладывались обломки жженых кирпичей. Тандыры изготовлялись отдельно от отопительной системы или покупались и затем вставлялись в каны. Наблюдаются случаи замены старых тандыров новыми. Диаметры тандыров 45—65 см, но есть и маленькие — около 35 см. Основание тандыра мостилось обычно обломками жженых кирпичей.

В одной землянке на Селитренном городище, которая сначала была без отопления, а потом перестроена, у входа обнаружен погребок в виде квадратной ямки. Его пол обложен сырцовыми кирпичами, а стены обмазаны глиной и побелены. Погребок имел деревянную крышку (420, с. 151).

Иногда в землянках делали тошнау — устройство для умывания, представлявшее собой отверстие в полу, под которым сооружался конический обложенный обломками жженого кирпича и камней резервуар, где вода скапливалась и отводилась вниз до уровня водопоглощающего слоя (166, с. 120, рис. 11,

11). Тандыры-каны и тошнау устраивались и в наземных домах всех типов.

Большая землянка была обнаружена на Царевском городище в комплексе богатого «Дома с юртами». Она имела небольшую квадратную суфу в углу, круглую печь с коротким горизонтальным дымоходом, подсоединенным к вертикальному дымоходу в углу землянки. Землянка не имела ступенчатого входа, а проходом соединялась с небольшим углубленным двориком этого богатого дома. Она предназначалась, как и землянка без печей, для слуг, усадебной челяди (158, рис. 9,*б*; 100, рис. 6, 7; 423, с. 120—121; 472, рис. 5).

Небольшие землянки без суф с печами и вертикальными дымоходами открыты на Шареном Бугре (170).

На раскопе XI на Селитренном городище обнаружена двухкамерная землянка. Камеры были соединены коридором. Одна из них не имела отопления, в другой находились суфа и кан. Стены обеих камер были обложены сырцовыми кирпичами. В землянках нет следов деревянных конструкций стен. Одна небольшая, сильно разрушенная землянка, раскопанная на Царевском городище, имела в середине пола след от вертикального опорного столба (158, рис. 9,*4*; 423, с. 146). Перекрытия землянок были, видимо, деревянные.

ОДНОКОМНАТНЫЕ ДОМА, ЧАСТИЧНО ЗАГЛУБЛЕННЫЕ В ЗЕМЛЮ

Эти дома имели деревянные стены, облицованные глиной. Пахсовый пол углублен примерно на 40—55 см. Вдоль стен — суфы, выложенные жженными или сырцовыми кирпичами, есть печь, кан и вертикальный дымоход в углу, облицованный обычно обломками жженых кирпичей. Дома имели наклонный или ступенчатый вход, прорезающий суфу. Некоторые печи одновременно были и тандырами. Они соединялись с горизонтальными дымоходами. В плане они имели круглую форму с диаметром 40—55 см. Площадь таких домов — 11—18 м², площадь пола 2—4 м² (471, с. 37).

Эти дома, предназначавшиеся для слуг и усадебной челяди, обнаружены в одной из усадеб (третьей) в юго-восточной части Царевского городища (415, рис. 8). Но они есть и в другой его части (423, с. 74, рис. 3).

В центральной части Царевского городища обнаружено также большое прямоугольное жилище с деревянными стенами, заглубленное в землю на 35 см. Его размеры — 6,9×4 м. Пол вымощен обломками жженых кирпичей. На полу стоит печь из сырцовых кирпичей. Вдоль одной из узких стен сделана суфа, ограниченная деревянной доской. В суфе у стены устроен большой тандыр. Топить его приходилось с суфы. В одном из углов имелся вход в виде дромоса (423, с. 96—97, рис. 6).

Рассмотрим теперь наземные постройки.

ОДНОКОМНАТНЫЕ ДОМА С ДЕРЕВЯННЫМИ СТЕНАМИ

Дома этого вида принадлежали, видимо, бедняцкой части населения города, а также слугам и зависимым людям в усадьбах (158, с. 173, рис. 1, 2). Их деревянные стены там, где это удалось проследить, имели следующую конструкцию: из брусьев были сооружены рамы с пазами, в которые вставлены вертикальные доски (158, с. 182; 165, с. 54, 58). Хорошо сохранились у этих домов сложенные из сырцового кирпича внутренние сооружения. Это П-образная, реже Г-образная суфа, ограниченная стенкой из кирпичей и заполненная глиной, мусором и обломками кирпичей, и печь с кирпичными горизонтальными дымоходами в суфе вдоль одной из стен. Редко, но все же есть каны с каналами вдоль двух или даже трех стен (34, рис. 14; 35, рис. 23). Они подводили дым к вертикальной трубе в углу дома, которая обычно не сохраняется. Суфа возвышалась над полом комнаты на 40—50 см. Иногда внешняя боковая поверхность суф покрывалась белой штукатуркой. Ни в этом типе домов, ни в других не устраивался вход в помещение через суфу.

Горизонтальные дымоходы сверху перекрывались жженымн кирпичами, положенными плашмя. Полы обычно земляные, обмазанные глиной. Печи прямоугольные или круглые, как в землянках, перекрывались по принципу «ложного свода» (165, рис. 12; 405, рис. 7,*2*; 422, с. 94, 102, 111, рис. 4, 5, 10; 423, с. 77, 151, рис. 3,*25*). В некоторых домах этого типа пол мостился жженым кирпичом (422, рис. 10, с. 111; 471, рис. 2, II; 472, рис. 9).

В отдельных случаях деревянная стена делалась в виде плетня, обмазанного глиной и укрепленного на вертикальных кольях и столбах. Глиняная обмазка стен штукатурилась. В проходе помещали порог в виде доски (166, с. 138).

На Мечетном городище раскопан дом с деревянными стенами из горизонтально лежавших бревен и брусьев в несколько рядов в высоту, подпираемых вертикально вбитыми в землю кольями. Эти деревянные стены примыкали в некоторых местах к внутренним стенам, сложенным из сырцового кирпича (34, с. 29—30, рис. 11, 12). Другой деревянный дом на Мечетном городище имел перед входом две Г-образные стенки, сложенные из кирпичей внизу и деревянных плах вверху и образовавшие вестибюль (34, с. 33—34, рис. 14).

Подобного типа дома, обычно квадратные в плане, имеют размеры 5—7×5—7 м. Иногда площадь пола оказывалась очень малой — 2—3 м² (420, рис. 3, 5, 12; 471, с. 39).

Особый вид деревянного дома обнаружен в южных пригородах Царевского городища — так называемый «Дом на дюне». Открыта только одна стена и центральная часть дома. Стена была из горизонтальных брусьев или бревен, покоящихся на вертикальных сваях, забитых в песок. В центральной части

тем же способом было возведено внутреннее помещение с суфой и двумя канами. Длина внешних стен составляла не менее 16 м, так что размеры дома значительны. Вероятно, этот дом представлял собой теплую комнату с суфой и канами, окруженную коридорами, проходившими между ее стенами и внешними стенами дома (158, с. 175, 187, рис. 5, 6; 423, с. 155—160, рис. 29, 30).

ОДНОКОМНАТНЫЕ ДОМА С ДЕРЕВЯННЫМИ СТЕНАМИ И ЦОКОЛЯМИ

Эти дома аналогичны во всем домам просто с деревянными стенами. Под деревянные конструкции стен клали несколько слоев кирпича-сырца (с включением иногда жженых кирпичей) в один ряд плашмя или на ребро или ряды камней на глиняном растворе (158, с. 175, рис. 4, 12; 166, рис. 32). Последнее характерно для Водянского городища.

Стены выше цоколя возводились так называемой каркасной кладкой. Вначале на сырцовый цоколь ставили вертикальные деревянные рамы, служившие опорной конструкцией и несшие перекрытие. (Несколько раз были обнаружены от этой конструкции деревянные брусы с пазами для вертикальных брусков.) Затем пространство между вертикальными брусками заполняли плашмя положенными кирпичами. В других случаях рамы обшивались досками. Внешние поверхности стенок суф часто белились слоем извести. Высота цоколей — примерно 30—50 см (165, рис. 19; 166, с. 135; 121; 122, рис. 10, 11, 13; 422, с. 92, 99—101, рис. 4, 6; 423, с. 142, 143, рис. 20; 471, рис. 5, I; 472, рис. 10).

В суфах устраивались обычно каны с печами или тандырами, почти всегда с каналами вдоль одной стены, но в отдельных редких случаях вдоль всех стен, сложной планировки (34, рис. 11). В некоторых домах в середине суфы устанавливали тандыр с двойными дымоходами и без дымоходов. Около него иногда делали углубление, обложенное обломками жженых кирпичей. В это углубление опускали ноги, когда сидели около тандыра на суфе. В полу перед печью устраивали углубление для золы.

В некоторых случаях пол выкладывался кирпичами, иногда на известковом растворе и иногда с применением кирпичей, покрытых голубой поливой (34, с. 38).

Кирпичная кладка пола, так же как в домах без цоколя, часто разделялась на прямоугольные участки положенными между кирпичами деревянными брусами. Встречаются полы из плиток на жердях-переводинах (165, рис. 7, 9).

В полу устраивалась тошнау. Вокруг нее кирпичная кладка пола иногда усложнялась дополнительными вставками кусочков кирпичей, уголков, поставленных на ребро половинок кир-

пичей, иногда с голубой поливой. Встречаются тошнау с кирпичным поглощающим резервуаром того вида, который открыт в некоторых землянках и домах без цоколей с деревянными стенами. Тошнау другого типа, известная в домах с цоколями, имела в качестве резервуара перевернутый вниз горлом большой сосуд без дна (422, с. 100; 449, с. 148).

Крышка тошнау представляла собой или кирпич с отверстием в центре, или каменную плитку со звездчатым орнаментом и тоже с отверстием (34, табл. 5,*3*, с. 38; 471, рис. 62,*2*). На Селитренном городище обнаружена терракотовая плитка в виде правильного восьмиугольника с розеткой и отверстием в центре, покрытая голубой поливой, — тоже крышка тошнау. Были мозаичные крышки (34, табл. 5,*1*; 449, с. 148).

Входы, там, где их удается проследить, располагались или в середине стены, свободной от суф, или сбоку, у печи кана.

Размеры домов этого вида, обычно квадратных в плане, — от 3,3×3 до 7×7 м (471, с. 41). Площадь пола иногда уменьшена до 4 м², а иногда занимает больше половины всей площади дома.

Некоторые дома с сырцовыми кирпичными цоколями имели одну широкую суфу, в середине которой был встроен кан, так что печь выступала за границы суфы, а вертикальный дымоход был сделан в середине стены (422, с. 102, рис. 5). Есть дом на Селитренном городище с тройным каном в центре суфы.

На Водянском городище открыт дом с двойным цоколем из жженых кирпичей и из ряда мелких камней внутри. В суфу, противоположную суфе с каном, вделан сырцовый массив с прямоугольной печью без горизонтальных дымоходов. Рядом в полу — большая квадратная яма с глиняным сосудом, заполненные золой и углями от расположенной рядом печи. У входа внутри дома кирпичная вымостка (165, с. 50—51, рис. 7, 8; 471, рис. 4,III; 472, рис. 11).

В домах с цоколями жили люди, более высоко стоящие на социальной лестнице. Эти постройки часто входят как главные дома в комплексы мелких усадеб. Но встречаются они и в плебейской части Царевского и Водянского городищ, хотя имеют черты более богатого быта. Такие дома могли быть и жилищами усадебных людей в сравнительно богатых усадьбах.

ОДНОКОМНАТНЫЕ ДОМА СО СПЛОШНЫМИ КИРПИЧНЫМИ СЫРЦОВЫМИ СТЕНАМИ

Эти дома имеют стены в 2—4 ряда сырцовых кирпичей без фундамента. На Водянском городище под кирпичные стены подводили иногда цоколь из рваных камней высотой до 50 см (165, с. 60, рис. 12). Такие стены были способны нести большую нагрузку перекрытия и могли иметь значительную высоту. Внутренние сооружения этих домов полностью аналогичны

конструкциям домов с деревянными стенами (ср. 125, рис. 118). В некоторых случаях дома имели две или три стены кирпичные, а все другие — деревянные. Проходы были или сбоку, или у противоположной суфы, или в середине стены, свободной от суфы. Размеры этих домов — от 5,3×3,7 до 7,5×5 м. Площадь пола — 9—19 м² (165, рис. 14; 423, с. 81—84, 132, рис. 4, *1*, 171, с. 42, рис. 4, II; 472, рис. 13).

Два одинаковых дома с толстыми сырцовыми стенами из кирпича, раскопанные на Водянском городище, кроме обычных суф и тандыров имели каморки за каркасной стеной. В одних каморках располагались суфы с тандырами, а в других, расположенных напротив и отделенных стенкой из камней, — хранилища для зерна. Маленькое помещение с жерновом было в доме, открытом в Маджарах (125, рис. 118). По обе стороны от входов имелись Г-образные конструкции из каркасных стен. Возможно, в них помещались деревянные лестницы, ведущие на второй этаж. Оба дома, симметричные друг другу в главных своих деталях, были соединены деревянным настилом, лежавшим на мощных деревянных брусах, под которые были подведены камни. Дома имели сырцовые стены, облицованные по низу каменными блоками. Один из домов имел дополнительно внешнюю облицовку стен рядом жженых кирпичей. Размеры домов 8×4,5—5 м (278. Рис. 1, II, р. 7).

Дома с толстыми сырцовыми стенами принадлежали более высоким слоям общества. Такими были главные дома усадеб в аристократическом (юго-восточном) районе Царевского городища.

МНОГОКОМНАТНЫЕ ДОМА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ СОБОЙ ПРОСТОЕ СОЕДИНЕНИЕ ОДНОКОМНАТНЫХ

Жилые постройки в золотоордынских городах Поволжья имеют тенденцию образовывать парные симметричные соединения. В ряде случаев попарно соединены одинаковые землянки. В некоторых усадьбах два главных дома также образуют симметричную композиию (278, 422, рис. 4, 5; 423, с. 80—85, 110, рис. 4, 10; 471, 5, I). Иногда один дом пристраивался к другому вплотную так, что получался дом с двумя, тремя или даже пятью комнатами, при этом каждое помещение имело свой вход. Соединялись обычно деревянные дома. Но могли соединить с деревянным домом и дом, имеющий кирпичные стены, или дом, имеющий цоколь из сырцового кирпича.

Эта тенденция привела к тому, что стали сразу по единому плану строить многокомнатные дома, кирпичные и деревянные, как несколько механически соединенных однокомнатных домов, обычно каждый со своим выходом (35, с. 51—55, табл. 22; 139, рис. 6; 165, рис. 12, с. 58—60; 282, с. 96—98, рис. 5, 6; 422, рис. 3—6, 10; 423, рис. 12; 471, рис. 5, VIII).

На Селитренном городище рядом с общественной баней н раскопе XIII открыт двухкомнатный дом с двумя стандартным комнатами с обычными суфами и канами. Комнаты соединя лись проходом, но при перестройке дома проход был заложе и они оказались изолированными, с собственными выходами Характерны дома, пристроенные к богатым, большим, многоком натным домам, открытым на Селитренном городище (раскоп VIII, XI, XV).

Для этих составных конструкций характерно, что один дом мог иметь разные стены — деревянные и из сырцового кирпи ча (158, рис. 3, с. 174). В таких домах средняя площадь ком наты составляла от 20 до 36 м² (471, с. 44). Пороги делалис из деревянных брусьев, каменных плит или кирпичей.

БОЛЬШИЕ МНОГОКОМНАТНЫЕ ДОМА

Эти дома были жилищами верхов золотоордынского город ского общества.

Во второй усадьбе в юго-восточной части Царевского горо дища был открыт ее центральный дом. Он представлял собой группу помещений, расположенных по периметру внутреннего дворика размерами 5,8×6,8 м. Все сооружения имели деревян ные стены на кирпичных сырцовых цоколях. Основу описываемого здания составляли два дома, построенных первыми. Один из них имел П-образную суфу с двумя канами — одним вдоль стены, другим в середине суфы. Оба кана были с печами-тандырами. Второй дом также имел деревянные стены на сырцовых цоколях. В нем была П-образная суфа с каном вдоль суфы Эти дома располагались на противоположных углах дворика и были соединены небольшими, очевидно хозяйственными, помещениями по его периметру.

Позднее комплекс достраивается еще одним домом, тоже на углу внутреннего дворика. Дом имеет П-образную суфу с двумя канами — вдоль стен и в середине суфы.

В помещении на четвертом углу дворика были сооружены П-образная суфа с двумя канами, имевшими тандыры.

Следует обратить внимание на то, что центральный дом сооружен с определенной тенденцией к симметрии. Его постройки, появившиеся во 2-й период, завершают те элементы симметрии, которые были заложены в первоначальной планировке, и все здание становится симметричным по отношению к меридиональной оси. Общая дата существования этого дома — 1350—1360-е или 1370-е годы. Возможно, в запущенном состоянии он дожил до тимуровского разгрома 1395 г. (158, рис. 8; 471, рис. 5, VI; 472, рис. 18; 282, с. 90—94, 102).

Рядом с этой усадьбой частично раскопана третья усадьба, центральный дом которой в период своего существования представлял собой такое сооружение: его стены толщиной 70—

сложенные из трех и четырех рядов сырца, были частич- лицованы жженными кирпичами. В одном из углов дом предвходовую айванную нишу. На ее полу, вымощенном ными кирпичами, были поставлены Г-образные стенки, ог- вшие вход. Вероятно, перед айваном находилась сту- вымостка из обломков жженого кирпича на песчаной ке. Стены изнутри имели известковую штукатурку. реднее помещение дома имело пол из жженого кирпича и выступом в середине, облицованную белой штукатур- ль одной стены. В выступе были устроены кан и тан- суфе имелась еще одна печь прямоугольная, и тоже кан. прямоугольной печью в полу находилось углубление, женное половинками жженых кирпичей, среди которых несколько поливных кирпичей голубого цвета (ср. 384,). Общие размеры дома — 15,2×10 м. Он датируется ми годами. Потом его сломали и на развалинах, как на , построили новый дом из жженого кирпича, просущест- ший до середины 1360-х годов. Сначала были возведены ные стены шириной около 70—90 см, включившие и пере- шие конструкции более раннего дома; затем между сте- была насыпана забутовка и на ней выложены из жженого пича полы и внутренние сооружения, почти не сохранив- ся. Планировка этого дома совершенно новая. Он намного ше старого (24×16,8 м). Дом имеет в середине южной, дной, стены нишу — айван, — очевидно, входную, и две ративные колонки на углах, в концах фасадной стены. йвана вход ведет в центральное помещение, которое делит пополам. Обе части перегорожены стенами на 11 неоди- вых и несимметричных комнат. Стены облицованы белой катуркой и расписаны краской коричневых, красных и синих в. По какой-то причине в доме второго периода отсутст- тошнау (280; 471, рис. 3, *V*, *VI*; 472, рис. 17).

Богатое здание раскопано на Селитренном городище В. Баллодом. Оно имело деревянные стены и представляло ой трапециевидный в плане дом. Одна комната снабжена мной суфой с большой печью и отходящим от нее двухка- ным каном и с особым одноканальным дымоходом, имею- сложный план и выходящим в вертикальный дымоход. выстлан жженым кирпичом на известковом растворе, в ором уложен деревянный брус. Остальные комнаты лишены ительных систем и имеют земляные полы. Оштукатурен- стены помещения расписаны разноцветными красками. от богатый дом функционировал в 1330 — начале 1360-х го- в, а потом пришел в упадок и в нем жили ремесленники- чары, от которых остался склад неиспользованных элемен- в мозаик, заготовленных для производства кашинной кера- ки (35, рис. 22, с. 51—54).

Большой многокомнатный дом из сырцового и жженого кир-

ница и частично из камня с фундаментом под капитальными стенами, с углами в виде башенок открыт на Кучугурском поселении, у Запорожья. Его размеры — 17,4×28 м. В западной части дома — жилой блок. Он имеет три жилых комнаты с П-образными суфами, с встроенными в них печами и канами, в том числе с печью в середине суфы и изогнутым дугой двойным дымоходом, отводящим дым в один из углов помещения. Одна жилая комната мощена каменными плитами. В жилые комнаты ведут проходы из вестибюля без суфы. Восточная часть дома — большой пустой, не предназначенный для жилья зал или двор с непонятными сооружениями-камерами в углах, возможно обрамляющими северный и южный входы в этот зал (149). Э. Д. Зиливинская предположила, что восточная часть дома пристроена позднее. Двор также имеет на углах декоративные колонки.

Большой четырехкомнатный дом открыт В. В. Плаховым у с. Красные Баррикады на развалинах предполагаемого Хаджи-Тархана. Две смежные комнаты имеют П-образные суфы и каны, причем у одного помещения кан перед вертикальным дымоходом расширен и проложены четыре дополнительных канала. Другая комната имеет две печи без кана, четвертая свободна от внутренних помещений. Все проходы были «скользящими» вдоль стен. Внутренние стены располагаются крестообразно и, как и внешние, сложены из большемерного кирпича. К большому дому пристроен однокомнатный.

На Селитренном городище раскопан большой центральный дом усадьбы (на раскопе VIII) (рис. 2). Его внешние и внутренние стены были сооружены из большеформатных сырцовых кирпичей и имели толщину 0,90—1,05 м. Общие размеры прямоугольного дома — 23,8×24,2 м. (рис. 2). В середине двух противоположных стен (северной и южной) имелись симметричные ниши-айваны с Г-образными суфами по сторонам проходов, сделанных в глубине айванов. Проходы с двух сторон вели в центральный зал (помещение № 5) размерами 14,8×6,7 м. После того как посетитель, минуя проход в южном айване, входил в этот зал, он попадал на возвышенную платформу, с которой должен был затем спуститься на кирпичный пол, окаймленный с боков узкими ступеньками из кирпичей с положенными на них досками. В середине этого пола находился бассейн со стенками и дном из обожженных известковых кирпичей глубиной около одного метра. Вода поступала в бассейн через канал, обложенный жженым кирпичом и идущий прямо по центральной оси зала под настилом пола и под платформой. Далее к северу посетитель видел еще одну возвышенную платформу. На ней было выстланное жженными кирпичами квадратное возвышение, над которым на четырех столбах висел балдахин. Выводящий воду из бассейна канал шел под полом на юг, огибая возвышение. С обеих сторон возвышения был проход

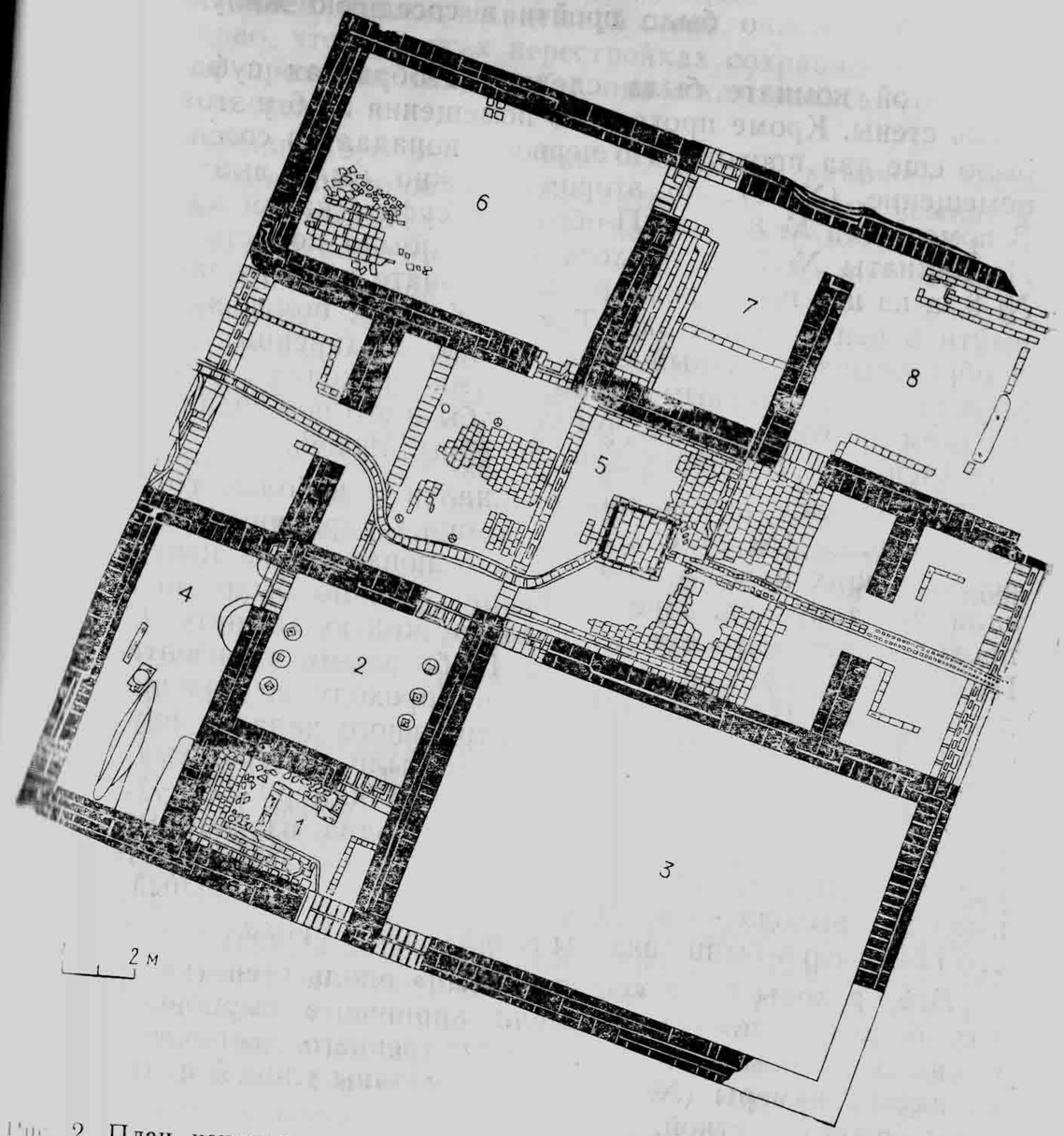


Рис. 2. План центрального дома усадьбы на раскопе XIII в. на Селитренном городище

можно было выйти из зала через северный вход и айван. В дни торжественных церемоний и приемов глава дома сидел на возвышении под балдахином, а в зале вокруг бассейна, наполненного водой, стояли и сидели вдоль стен домочадцы и гости (471, рис. 6; 472, рис. 19).

По обеим сторонам центрального зала располагались два больших совершенно пустых помещения (№ 3 и № 6). Западное (№ 3) было выстлано жженым кирпичом на песчаной подстилке и соединялось проходом с центральным залом. Второй проход вел наружу. Таким образом, эта комната не соединялась ни с одним другим помещением, кроме центрального зала. Восточное помещение (№ 6) было также вымощено жженым кирпичом. Один проход соединял его с центральным залом, а

по другому можно было пройти в соседнюю жилую комна
(№ 7).

В этой комнате была сделана Г-образная суфа с кано
вдоль стены. Кроме прохода из помещения № 6 у этой комнат
было еще два прохода. По первому попадали в соседнее жило
помещение (№ 8), по второму можно было выйти наружу
В помещении № 8 была П-образная суфа с каном вдоль стен
Из комнаты № 7 по проходу можно было попасть в комнат
№ 8, а из нее по второму в этой комнате проходу можно был
выйти в центральный зал. Таким образом, помещения № 6, 7
8 образовывали единый блок комнат, соединенных двумя про
ходами с центральным залом, двумя проходами между собо
и одним проходом со двором усадьбы и его помещениями, пред
назначенными, очевидно, для усадебных людей.

Третий блок помещений начинался с небольшого внутрен
него дворика (№ 2) с 7 колоннами на кирпичных базах, под
державших навес у стен. В него попадали из центрального
зала через проход. Пройдя дворик, можно было по другому
проходу направиться в маленькую жилую комнату (№ 1)
П-образной суфой и каном с Г-образными горизонтальными
дымоходами. Из этой комнаты по проходу во внешней стене
выходили наружу. Войдя из центрального зала во внутренний
дворик и свернув направо, можно было по третьему в этом
дворике проходу попасть в складскую камеру (№ 4), где не
было других сооружений, кроме ям, одна из которых перек
рывалась деревянными досками. Таким образом, и этот блок
имел два выхода — во двор усадьбы и в центральный зал — и
его помещения были связаны между собой проходами.

Все проходы были «скользящими» вдоль стен (как и в дру-
гих больших домах) и имели кирпичные сырцовые пороги.
Стены всех помещений, кроме внутреннего дворика (№ 2) и
складской камеры (№ 4), были обмазаны глиной и отштукату-
рены белой известкой.

Так выглядел этот большой дом в первый период своего
существования, в середине XIV в. Затем в течение 20—30 лет
производились многочисленные перестройки, охватившие все
помещения. В их результатате резко увеличилась жилая пло-
щадь. Пустые большие комнаты делились пополам. При этом
каждая половина превращалась в жилую комнату с суфами
и канами. Из старых блоков вычленялись помещения, связан-
ные только с центральным залом (обе части помещения № 3;
сначала западная, затем северная части помещения № 6; по-
мещения № 1 и 2). Некоторые комнаты (обе части помещения
№ 4) остались связанными только с наружным двором). Вос-
точная, потом южная части комнаты № 6, помещения № 7 и 8
по-прежнему соединялись проходами и с центральным залом,
и с внешним двором. Внешний проход вел непосредственно в
многокомнатный дом для слуг и усадебных людей. Этот дом

был возведен в начале перестроек. Именно для сообщения с
ним был оставлен проход во внешней стене.

Характерно, что при всех перестройках сохранялся принцип
размещения проходов так, чтобы они оказывались «скользя-
щими» вдоль стен.

Как объяснить эти перестройки? Очевидно, какая-то часть
населения дома продолжала сохранять связь своих комнат с
центральным залом. Другая часть полностью изолировала от
него свои помещения. Можно предполагать, что центральный
зал еще функционировал как какое-то воплощение единства
семейной общины, распадавшейся на несколько независимых
ячеек. Центральный зал перестройкам не подвергался.

Скоро, видимо в 60—70-е годы XIV в., наступает упадок
дома и его центрального зала, а следовательно, и всей семей-
ной общины. Бассейн забрасывается мусором. В помещениях
№ 3, 6 и 7 пол сильно поднимают и на новом уровне строят
суфы с канами. Комнаты № 6 и 7 изолируют от помещения № 8
и тем самым от центрального зала и сохраняют единственный
выход — во внешней стене дома. В этот период в развалинах
дома живут какие-то новые люди. В 1380—1390-е годы насту-
пает полная гибель дома и усадьбы, территорию которой зани-
мает некрополь.

Большой дом соседней усадьбы на Селитренном городище,
исследованный В. Л. Егоровым (раскоп XI), еще больший,
чем описанный выше, имел капитальные стены из жженого
кирпича толщиной 95 см (164, с. 41). В южной части сущест-
вовал проход с небольшой кирпичной ступенькой перед ним,
который вел через айван с Г-образными суфами по краям в
небольшой тамбур, а затем в центральный зал. Все внутренние
стены были построены следующим образом: в глинистом плот-
ном массиве цоколя толщиной около 25 см рыли узкие тран-
шеи до 30 см шириной и в них укладывали ряды жженого и
сырцового кирпича. На эти основания клали деревянные брусья
рам, служивших основой для каркасных стен с заполнением
сырцовыми кирпичами, положенными косо. Несущими тяжесть
перекрытия были деревянные рамы.

Центральный зал был размерами 7×15,2 м. Попадавший в
него через южный проход оказывался вначале на вымостке из
жженого кирпича, по бокам которой были суфы. Затем он сту-
пал на квадратный пол, уложенный жженым квадратными
кирпичами, образующими крестовидную фигуру, и шестиуголь-
ными плитами, заполняющими пространство между ними.
(Полы из обожженных кирпичных шестиугольных плит извест-
ны и в других сооружениях. См. 35, с. 50; 384, с. 367.) В цент-
ре имелась квадратная вымостка из квадратного жженого кир-
пича, ограниченная с боков вертикально поставленными его
половинками. Это был верх тошнау. Внизу оказался большой
яйцеколовидный поглощающий резервуар.

Далее в глубине зала имелось квадратное возвышение, также выстланное квадратными жженными кирпичами, на котором находилось, очевидно, сидение хозяина — крупного аристократа или чиновника.

Таким образом, этот зал подобен центральному залу дома, описанного выше. Так же справа и слева от него располагаются жилые и хозяйственные помещения. Но их значительно больше. Это комнаты с суфами, печами и тандырами с канами, иногда с отдельными тандырами, тошнау, обычно с кирпичными полами.

В одной комнате обнаружена тошнау, вокруг которой в полу выложена квадратная рамка из голубых поливных кирпичей. Полы из жженых кирпичей были также в соединительных коридорах. В одной комнате обнаружен глинобитный плотный диск с желобком вокруг него — подставка под жернова. Это помещение служило домашней мельницей. В нем имелись ямы; некоторые из них были перекрыты досками. В другой комнате располагались в массивной суфе два больших тандыра без канов. Здесь находилась пекарня. Одна комната в центре пола, устланного жженым кирпичем, имела выложенный по краю жженными кирпичами на известковом растворе квадратный бассейн, из которого отводили воду глиняные трубы-кубуры и желоба.

Стены центрального зала были побелены и украшены панно из кашинных изразцов с наглазурной росписью с позолотой (296; 471, рис. 65, 66, 67, *1, 2, 4—6*, 68), а также красноглиняными налепами (471, рис. 94,*12*). Другие помещения имели роспись по белой штукатурке. В росписи преобладали красные, коричневые и сине-голубые тона, встречается зеленый, а также позолота, иногда с рельефом поверхности штукатурки. Одна комната имела белую штукатурку без росписи, на которой обнаружены граффити, в частности изображения человека в короне с надписью уйгурскими буквами, всадника, человека с зонтиком, зверя. На обмазке суфы начертан «вавилон» — разметка для игры (471, рис. 81,*2*; 472, рис. 31). Судя по детским рисункам с надписями на штукатурке, это детская комната. В доме были окна с гипсовыми решетками для стекол, двери с алебастровыми орнаментированными наличниками. С запада к дому примыкал обширный комплекс бани. Далее к западу размещался многокомнатный дом для усадебных людей. Дом был построен, видимо в 1330-е годы.

Период жизни этого большого дома, относящийся примерно к 1370—1380-м годам, связан с варваризацией жизни в нем. Кирпичи полов и многих комнат и коридоров приходят в ветхость, их не берегут, они разрушены, многие комнаты перестроены, разделены на более мелкие помещения. В некоторых коридорах на поверхности кирпичных полов отлагается слой грунта и полы становятся земляными. Стенки бассейна сруба-

ются, и ванная комната превращается в обычное помещение. В этот период дом перестал быть дворцом и его занимал простой люд, вероятно ремесленники-керамисты. В частности, в одном из помещений в этот период жил керамист, который запас у себя большое количество обломков кашинных мозаичных элементов с какой-то стройки, чтобы пустить их на производство кашинных изделий. Декор центрального зала был содран и лежал в нескольких больших кучах, а частично растащен по помещениям. Он представлял ценность, так как на нем была золотая фольга.

Затем дом был перестроен. Появилась новая южная капитальная стена, сделан вход в центральный зал с юга, снабженный пандусом.

Э. Д. Зиливинской раскопан на Селитренном городище (раскоп XV) еще один сырцовый многокомнатный дом. Он имел один айван с юга, ведший в парадный зал с подиумом в северной части, и узорно выложенный кирпичный пол. По бокам зала было по три помещения с суфами, канами и тошнау, расположенных в целом симметрично относительно зала. Размеры дома — 20×19,5 м. Он похож на дом на раскопе VIII, но имеет один вход. Жилые помещения несколько раз перестраивались и перепланировались.

Заметим, что все богатые дома на Селитренном городище раскопаны примерно в одном месте — в районе больших усадеб между холмами «Кучугуры» и «Красный» и показывают одну и ту же картину запустения усадеб в 1370—1380-е годы.

Большой многокомнатный дом открыт на Водянском городище в 1914 г. Судя по интерьеру — бордюр на стене из майоликовых плиток, мозаичные покрытия тошнау — и размерам (21×10 м), дом был богатый (449, с. 147—148).

ЮРТЫ

На Царевском городище обнаружены остатки трех круглых юрт. Юрты обкладывались обломками жженого кирпича по краю. Они-то и сохраняются. Диаметр этих кругов из обломков кирпича — 2,7; 3,1 и 4 м. В двух юртах сохранились скопления углей от открытых очагов и частично мощение пола жженными кирпичами (158, с. 179—180, рис. 11; 423, с. 127—128, рис. 15).

Круглые конструкции из обломков жженых кирпичей, напоминающие обкладку юрт, обнаружены на Селитренном городище на площади рядом с общественной баней и мечетью (раскоп XIII).

Жилища типа юрты открыты в Азаке, Нижне-Джулатском и Алханкалинском городищах (39, с. 89—90; 99).

ПОДСОБНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВБЛИЗИ ЖИЛЫХ ДОМОВ

В усадьбах перед главными домами иногда делали откры-

тые платформы со стенками из жженых и сырцовых кирпичей с легкими (видимо, деревянными) навесами. Такая платформа размерами 7,1×8,5 м была сооружена, например, перед большим домом в одной из усадеб восточной части Царевского городища. Она была двухступенчатой. Высота сооружения — около 70 см. На нее вел узкий пандус или лестница. Такие платформы изображены иногда на персидских миниатюрах XV—XVI вв. (415).

Следы другой платформы обнаружены на Селитренном городище перед входом в большой дом на раскопе XI.

Во дворах у домов стояли тандыры, открытые или под навесом, и отдельные каны. Встречаются также открытые очаги в виде круглых и Т-образных ямок, а также прямоугольные и овальные, углубленные в землю и обложенные кирпичом печи иногда с предтопочными ямками (423, рис. 19, с. 141, рис. 22, 23, 24, с. 148).

Встречаются хозяйственные ямы, в том числе и небольшие зерновые, с прямыми стенками, круглые и овальные (384, с. 373). На Водянском городище открыта очень большая зерновая яма глубиной около 5 м, с резким колоколовидным расширением в нижней части (165, с. 72, рис. 17).

На Селитренном городище около дома на раскопе II найден погреб глубиной 1,2—1,4 м. Он представлял собой прямоугольную яму, которая соединилась проходом с другой ямой, овальной. Дно обеих ям было выложено досками и в них вбиты деревянные колья. Там же обнаружено круглое углубление и в нем — дно деревянного чана (420, с. 162, рис. 3; 471, рис. 2; 472, рис. 9).

УСАДЬБЫ

В восточном пригороде Царевского городища открыты три усадьбы, отделенные друг от друга глинобитными дувалами и арыками (на плане городища см. 422, рис. 1,*13*; 471, рис. 113, 1,*13*; 472, рис. 2,*13*. Рис. 1,I, р. 13).

Две усадьбы расположены одна за другой вдоль улицы за пределами городского рва и вала. Первая усадьба, функционировавшая в 1340—1360-е годы, имела два симметрично поставленных рядом главных дома с сырцовыми цоколями и деревянными стенами и глиняный дувал. Позже на месте дувала был поставлен многокомнатный дом для усадебных людей, состоявший из трех соединенных домов с деревянными стенами.

Во второй усадьбе открыт дом с сырцовым цоколем и деревянными стенами и пристроенными маленькими деревянными мастерскими, ювелирной и косторезной. Затем к этому дому был пристроен еще один такой же. Вместе они образовали главный дом усадьбы. Вдоль улицы тянулся многокомнатный дом, составленный из 4 домов с деревянными стенами и одного

дома в середине с деревянными стенами на сырцовом цоколе. Эти дома для усадебных людей были построены по одному плану — сначала по одной линии возводились внутренние сооружения из сырцового кирпича и цоколя стен, а затем ставились деревянные стены. Во второй усадьбе открыт большой овальный водоем. Время жизни этой усадьбы — 1350-е — начало 1360-х годов.

Третья усадьба существовала в 1360—1370-е годы. В ней раскопаны землянка, возможно служившая мастерской золотых дел мастеру, многокомнатный деревянный дом, составленный из четырех помещений с деревянными стенами, отдельно стоящий дом с деревянными стенами, два гончарных горна и фрагмент сырцовой ограды усадьбы.

Это — небольшие, среднего достатка усадьбы. Их главные дома имеют сырцовые цоколи, жилища для слуг и зависимых усадебных людей составлены из домов главным образом с деревянными стенами (86; 139; 422, с. 89—126).

Более богатыми представляются усадьбы в юго-восточных кварталах Царевского городища (на плане городища см. 422, рис. 1,*5*; 471, рис. 113, I,*14*; 472, рис. 2,*14*). Они располагались между улицами, обнесенные стенами или глинобитными оградами. В каждой был главный дом, дом для усадебных людей и водоем. Здесь раскопано тоже три усадьбы. Рис. 1,I, р. 14).

В первой усадьбе два центральных дома, симметрично поставленные рядом и соединенные стенкой, были с кирпичными сырцовыми стенами, т. е. на ранг выше главных домов только что описанных усадеб. Жилище для слуг в виде дома с деревянными стенами на сырцовом кирпичном цоколе примыкало к одному из главных домов, так что у них был общий вход, который вел сначала в дом для слуг, а затем в главный дом (171, рис. 4, I). На усадьбе исследован круглый водоем глубиной около 2 м, диаметром 6 м. Примерные размеры усадьбы 30×40 м (423, с. 80—85; 471, рис. 4, I).

Вторая усадьба имела описанный выше центральный дом в виде соединения четырех жилых домов с цоколями из сырцового кирпича и деревянными стенами и таких же хозяйственных построек, сгруппированных вокруг внутреннего двора. Этот дом относится к виду больших домов, рангом выше конгломерата простых механически соединенных однокомнатных домов. В соответствии с этим и помещение для слуг было жилищем тоже на ранг выше, чем в первой усадьбе этого района. Оно представляло собой соединение трех домов с кирпичными сырцовыми стенами. В этой усадьбе центральный многокомнатный дом был с деревянными в основе стенами на сырцовом цоколе, а дом для усадебных слуг — полностью из сырцового кирпича. Общие размеры усадьбы были большими — примерно 70×75 м. Время существования обеих этих усадеб, видимо, 1350—1370-е годы (282, с. 83—102; 471, рис. 5, *III*, *VI*).

В юго-восточных кварталах Царевского городища была построена рядом и одновременно со второй и имела с ней общую стену третья усадьба (471, рис. 5, *III*; 472, рис. 16). Она имела описанный выше центральный дом. Сначала он был сырцовым двухкомнатным, а затем из жженого кирпича, с 11 комнатами. Около дома проходила дорожка из кирпичного боя, за ней располагался прямоугольный водоем с обкладкой в виде сруба из сосновых бревен. Перед домом была ступенчатая платформа с лестницей и легким деревянным навесом. Усадьба имела два въезда — северный и южный, один напротив другого. Главный дом находился на линии, соединяющей эти два въезда. Южный въезд, расположенный напротив входа в центральный дом, представлял собой простой проем в стене, ограничивавшей усадьбу. В этом проеме было мощение кирпичным боем. По сторонам северного въезда в усадьбу стояли два дома с сырцовыми стенами в несколько рядов кирпичей, имевшие по 4 однотипных комнаты с индивидуальными входами, — жилища привилегированной части усадебных людей, может быть, военной охраны или дружины. От этих домов в одну сторону отходила сырцовая кирпичная стена усадьбы, в другую (на запад) — ряд строений: пять однотипных домов с деревянными, обмазанными глиной стенами и углубленными полами и один полностью наземный дом с деревянными и кирпичными сырцовыми стенами. Все дома были с суфами и канами и представляли собой жилища усадебных зависимых людей. Далее начиналась стена усадьбы. В связи с перепланировкой главного здания где-то на рубеже 1350—1360-х годов перестройке подверглись и некоторые другие сооружения. Северный въезд в усадьбу между двумя домами закрыли и в этом месте возвели жилое помещение с суфами и каном. Два крайних деревянных дома с углубленными полами были разрушены во время постройки нового дома с сырцовым цоколем — тоже жилища усадебных людей.

Таким образом, усадебный люд, живший вне главного дома, делился на две части — привилегированную, для которой были построены мощные кирпичные дома, состоявшие из жилых ячеек с индивидуальными входами, и приниженную, жившую в бедных деревянных домах.

Во дворе усадьбы были обнаружены открытые очаги и отдельно стоящие каны.

Примерные размеры усадьбы — 100×75 м. Она прекратила существование в середине 1360-х годов, когда через нее были проведены ров и вал Царевского городища, разрушившие ряд построек (280; 415).

Как отмечалось, вторая и третья усадьбы в юго-восточных кварталах Царевского городища были построены одновременно и имели общую стену. Но судьбы их оказались разными. Одна разрушена в 1360-е годы городскими или ханскими властями,

проведшими фортификационную линию через ее территорию. Другая, хотя и в состоянии упадка, просуществовала до 1390-х годов и подверглась разрушению, судя по костякам погибших и наскоро погребенных под стенами людей, в результате взятия города войсками Тимура в 1395 г.

Еще больше по площади, чем усадьбы в восточных кварталах Царевского городища, была усадьба, исследованная на Селитренном городище и имевшая описанный выше восьмикомнатный большой дом с мощными сырцовыми стенами (раскоп VIII). Центральный дом отличается своими размерами и богатством. Протяженность усадьбы в широтном направлении — около 100 м. К одной стороне главного дома примыкает постройка, составленная из двух домов с деревянными и каркасными стенами, к другой стороне — два отдельных дома с деревянными стенами. Это жилища для привилегированной категории усадебных людей. Для слуг и работников более низкого социального статуса были сооружены большие дома, разделенные на комнаты без суф и без печей, с открытыми очагами, по одному на большую комнату. Время жизни усадьбы — 1340—1370 гг.

Большая усадьба на Селитренном городище исследовалась частично на раскопе XI. Здесь открыт описанный выше центральный многокомнатный дом с баней и павильоном у входа. Рядом располагался сырцовый дом для усадебных людей и деревянные дома на карпичных цоколях для них же. Обнаружен фрагмент западной стены усадьбы на расстоянии примерно 70 м от центрального дома. В нее со стороны двора усадьбы был встроен дом из нескольких комнат в линию вдоль стены. Время жизни усадьбы — 1340—1370-е годы.

Кроме больших усадеб аристократии и средних усадеб зажиточных горожан частично раскопаны усадьбы бедные, небольшие по площади, огороженные частоколом, как, например, усадьбы с небольшими домами вокруг мечети на Водянском городище (166, с. 133—138).

Усадебная планировка отличает золотоордынские города от среднеазиатских и южно-казахстанских, например Отрара, где наблюдается застройка жилыми кварталами-массивами.

Усадебный принцип планировки золотоордынских городов восходит к монгольским городам XIII в.

Заметим, что даже средние усадьбы золотоордынских городов превосходят размерами богатые древнерусские городские усадьбы (например, пасаднические усадьбы Новгорода, которые не превышали 2000 м^2). Это связывается с особо большими площадями золотоордынских городов, не ограниченных по крайней мере в первые периоды их жизни линией фортификации. Нами была составлена сводка открытых ПАЭ усадеб (418, с. 87). Чем больше усадьба, тем более богат центральный дом, тем сложнее и обширнее дома усадебной администрации и уса-

дебного люда. Близкие по типу дома в малых усадьбах были центральными, а в богатых — предназначенными для усадебных людей (табл. 1).

ВОДОСНАБЖЕНИЕ ДОМОВ И УСАДЕБ

Часть крупных улиц Царевского и Селитренного городищ имела арыки. Это были канавы различной ширины — обычно от 70—100 до 2—3 м., глубиной от 60 см до 1,5 м.

Арыки Царевского городища соединялись в поздний период жизни города с рвом, окружавшим его. А ров в свою очередь соединялся сетью каналов с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города. Там холмы и отроги речной надпойменной террасы Волги—Ахтубы были соединены дамбами из шлаков и обломков кирпичей, и вода, стекавшая весной и осенью в низменный район, где был расположен город, задерживалась в этих искусственных водоемах. Таким образом достигалось предохранение городской территории от заболачивания и одновременно создавались запасы воды (35, с. 21—22, табл. 3; 423, с. 160—161).

Кроме того, арыки наполнялись водой из колодцев, включенных в их систему. На перекрестке двух улиц в центральной части Царевского городища открыт один такой колодец диаметром около 1,5 м и глубиной 1,7 м. От него начинался арык (423, с. 91, рис. 6. Рис. 1,I, р. 6).

В кварталах рядовой части населения Царевского городища водоснабжение осуществлялось, вероятно, такими общественными колодцами и большими квартальными водоемами на перекрестках-площадях. Иначе было в усадьбах. Здесь воду брали из усадебных водоемов, а также из колодцев. В золотоордынских городах Поволжья колодцы цилиндрические, иногда немного сужающиеся книзу, часто обложенные обломками жженых кирпичей. Размеры их в поперечнике по верху — 0,5—1,5 м. Глубина зависела от уровня почвенных вод (420, с. 163, 179; 471, рис. 2, *I*). На Селитренном городище обнаружен колодец глубиной до 15,6 м (35, с. 46, табл. 17). Иногда колодцы делались в полах жилых помещений (423, рис. 12, с. 132). На Водянском городище найден большой колодец, который был вырыт в яме с пологим спуском. Общая глубина ямы и колодца — 4,3 м (165, с. 53, рис. 6).

ДРЕНАЖИ

На Селитренном городище открыта система дренажа, служившая для отвода воды из тех конструкций и заведений, в которых потреблялось много воды, главным образом из бань. Она представляла собой канавы, в которых были уложены деревянные трубы, сложенные из половинок долбленых стволов. Дренажи ремонтировались, и при загрязнении системы новые

Усадьба	Размеры усадьбы	Главный дом	Дома второстепенного усадебного люда и рабов (?)	Дома привилегированного усадебного люда	Размеры главного дома, м	Дата обитания
Восточные пригороды Царезского городища, первая усадьба	≈30×? м	Два дома с деревянными стенами на кирпичном цоколе	Три дома с деревянными стенами	Соединение трех домов с деревянными стенами	6×6 5×5	1340—1360-е годы
Там же, вторая усадьба	≈30×45 м =1350 м²	Два дома с деревянными стенами на кирпичном цоколе	Пять домов с деревянными стенами	Соединение пяти домов с деревянными стенами и с деревянными стенами на кирпичном цоколе	5,5×5,5 6×6	1350-е—начало 1360-х годов
Там же, третья усадьба	≈35×? м	?	Четырехкомнатный дом с деревянными стенами, отдельный дом с деревянными стенами и землянка без кана	Четырехкомнатный дом с деревянными стенами, отдельный дом с деревянными стенами и землянка без кана	?	1360—1370-е годы
Юго-восточный район Царевского городища, первая усадьба	≈30×40 м =1200 м²	Два дома с кирпичными стенами	Дом с деревянными стенами	Дом с деревянными стенами	6×6 6×6	Середина XIV в. (?)
Там же, вторая усадьба	≈70×75 м =5250 м²	Многокомнатный дом с кирпичными стенами	Дом в виде соединения трех домов с кирпичными стенами	Дом в виде соединения трех домов с кирпичными стенами	с 18×11,5	1350—1370-е годы

Окончание таблицы 1

Усадьба	Размеры усадьбы	Главный дом	Размеры главного дома, м	Дома привилегированного усадебного люда	Дома второстепенного усадебного люда и рабов (?)	Дата обитания
Там же, третья усадьба	≈75×100 м = 7500 м²	Одномнатный дом с кирпичными стенами (I период)	10×15,2	Два дома, составленные из четырех домов с кирпичными стенами	Землянка с каном, дома с деревянными и кирпичными стенами	1350—1360-е годы
		Многокомнатный дом со стенами из жженых кирпичей (II период)	16,8×24			
Селитренное городище, усадьба на VIII раскопе	100×? м	Многокомнатный дом с сырцовыми кирпичными стенами	23,8×24,2	Соединение домов с деревянными и каркасными стенами	Дом с деревянными стенами без печей и канов	1340—1370-е годы
Селитренное городище, усадьба на XI раскопе	145×? м	Много.омнатный дом из жженого кирпича с баней	≈34×50	Соединения домов с деревянными на кирпичных цоколях, с каркасными и кирпичными стенами		1340—1370-е годы

трубы укладывались поверх старых или же для них прорывались новые канавы. Диаметр труб — 65—70 см (420, рис. 5, 10, 11, 13, с. 145—149; 471, рис. 1, 2, *I*; 472, рис. 8).

ПОСТРОЙКИ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В комплексе гончарной мастерской на раскопе II на Селитренном городище открыто подполье большого дома производственно-складского назначения. Стены были сложены из жженого кирпича. Внешние размеры подполья — 7,3×7,25 м. В него вела кирпичная лестница. Пол был земляной. В стенах имелись ниши и один световой люк. Глубина подполья — 2,1 м (420, с. 166—169, рис. 7; 471, рис. 8).

Около большой общественной бани на площади на раскопе XIII на Селитренном городище был открыт, видимо, общественный двухкамерный бáтраб, сложенный из сырцовых и жженых кирпичей, с ямой, вырытой под полом.

МЕЧЕТИ

По сообщению Ибн-Баттуты, в Сарае было 13 соборных и много других мечетей, в Маджарах — соборная мечеть (388, с. 306, 326). На Водянском городище раскопана соборная мечеть, представляющая собой прямоугольник 26×35 м, вытянутый с севера на юг и ориентированный михрабом на юго-восток (412, рис. 71, 471, рис. 5,*V*; 472, рис. 142). Стены здания сложены из рваного камня с включением обтесанных каменных блоков на глиняном растворе. Изнутри они были покрыты белой штукатуркой, снаружи штукатурка покрывала северную и восточную стены, выходившие на открытое пространство перед зданием. Внутреннее пространство мечети расчленялось колоннами на шесть нефов. Сохранились ряды каменных баз от деревянных колонн, поддерживавших перекрытие. Пол был выстлан досками. Рис. 1, II, р. 7).

В южной стене находился михраб, выложенный из жженого кирпича и обложенный белой штукатуркой (473, рис. 6). Над михрабом помещалась алебастровая плита с рельефной надписью куфическим шрифтом.

Перед михрабом находилась прямоугольная площадка, отделенная от остального пространства мечети деревянными колоннами, опиравшимися на каменные базы. В центре этой площадки, напротив михраба, была вкопана мраморная колонна, и под ней укреплена часть мраморной капители ранневизантийской эпохи, привезенная из какого-то древнего города Причерноморья, вероятно Херсонеса.

Вход в мечеть, находившийся в северной стене, оформляли два пилона, сложенные из больших обтесанных каменных плит.

У северо-восточного угла здания сохранилась прямоугольная площадка цоколя минарета (5×4,2 м) из больших каменных плит

и блоков. Выше цоколя, очевидно, находился круглый ствол минарета, сложенный из обожженных кирпичей, имевших дуговидное ребро. Поверхность минарета украшали плитки с бирюзовой поливой, чередовавшиеся с ганчевыми вставками, на которых были оттиснуты надписи «Аллах», «Мухаммед» и узоры. Мечеть северной своей стеной, где был вход, располагалась вдоль улицы, имевшей арык. Вход в мечеть вел с этой улицы. На противоположную сторону улицы выходили плотно прижатые друг к другу усадьбы с бедными деревянными домами на каменных цоколях, огражденные частоколом.

Мечеть была построена в середине XIV в. и просуществовала, видимо, до конца 1360-х годов. Позднее на ее месте возникло большое кладбище, первые захоронения которого были сделаны еще во время существования мечети. Кладбище не распространилось на противоположную сторону улицы, за арык, хотя эта часть застройки, судя по монетам, перестала существовать после 1370-х годов.

С южной стороны мечети также имелась рядовая, бедняцкая застройка, главным образом с деревянными на каменных цоколях домами. Между усадьбами этих домов была прямоугольная площадь размерами примерно 47×60 м. Эта часть застройки существовала с 1330-х годов, т. е. до появления мечети, частично была разрушена в 1350-е годы для того, чтобы встроить мечеть в плотный жилой массив города, существовала в период функционирования мечети до 1370-х годов и перестала быть обитаемой в 1380—1390-е годы. Сюда распространилось кладбище с мавзолеями, первоначально возникшее у самой мечети (166).

Аналогичной была мечеть на золотоордынском памятнике Кучугуры, близ Запорожья: тот же колонный зал (4 нефа) с каменными базами под деревянными колоннами, те же пилоны при входе, правда более мощные. Но есть и отличия: в западной и восточной частях мечети на Кучугорском городище существовали дополнительные проходы, а в западной стене был встроен минарет, имевший в цокольной части восьмигранник. Пол мечети выстлан жженными кирпичами, стены сложены из рваного камня и частично из жженого кирпича. Размеры — 26×17,9 м, вдвое меньше мечети на Водянском городище (149, с. 177—181). Сходной была и недостроенная мечеть в Старом Орхее (79).

На Селитренном городище В. Л. Егоровым раскопана большая соборная мечеть со стенами из жженых кирпичей. Вход в мечеть был оформлен мощным порталом, образовавшим перед входом пештак с айваном. Внутри имелись базы колонн в восемь рядов, сложенные из жженых кирпичей и заглубленные в землю. Колонны делили зал на девять нефов. Размеры зала — 37,5×37,5 м. У входа внутри был вымощенный кирпичом дворик без колонн. В центре его находился круглый

водоем, обложенный кирпичом. Центральный неф немного шире остальных. Он вел к украшенному ганчем михрабу в южной стене мечети. Две колонны перед михрабом, как предполагает Э. Д. Зиливинская по особому устройству их баз, были каменными. В середине восточной стены имелся небольшой проход с пилонами. Можно думать, что такой же проход был и в западной стене. К западу от главного портала находилось небольшое помещение с двумя колоннами и кирпичным полом, со стенами, богато украшенными мозаикой с позолотой. Мечеть была построена в 1340-е годы и функционировала до 1370-х (185, с. 12—16).

Рядом с этой мечетью раскопан Г-образный дом с несколькими изолированными жилыми комнатами с канами, печами, самостоятельными входами. Внешний угол имел декоративную колонку. Одна комната была пустая, с небольшой нишей, направленной по кыбле. Это, очевидно, маленькая мечеть. Все здание можно предположительно рассматривать как странноприимный дом — хонако (185, с. 18).

На городище Верхний Джулат раскопана мечеть размером 9,8×6,6 м, внизу каменная, а вверху кирпичная. Квадратный в основании минарет имел на внутренней поверхности стен три пары пилонов, на которых покоились арки. Раскопанная там же большая мечеть, к которой относился Татартупский минарет, была вытянутым зданием шириной 11,4 м. Она имела кирпичный пол, стены из камней и кирпичей с известковой штукатуркой и, видимо, плоское черепичное перекрытие, поддерживаемое деревянными колоннами, базы которых не сохранились (264).

БАНИ

Бани, открытые ПАЭ на золотоордынских городищах, подробно описаны Э. Д. Зиливинской. Часть бани найдена на Водянском городище. Общие размеры ее — примерно 16×12 м. Исследовано 9 помещений. Баня имела входной тамбур, стены которого были покрыты белой штукатуркой. За ним находился обширный предбанник с глинобитным полом, каном, суфой и маленьким погребком. Рядом располагалось небольшое промежуточное помещение без подпольного отопления, где посетитель мог остыть после бани. В горячих помещениях кирпичный пол покоился на кирпичных столбах и под ним проходил горячий дым. Вода подавалась по водопроводу, составленному из керамических труб-кубуров, и отводилась при помощи подземного водостока, перекрытого каменными плитами. Это была общественная баня для рядового населения города (165, с. 44—48; 184, с. 251—256. Рис. 1, II, р. 4).

К западной стене большого дома — центра усадьбы, исследованной на раскопе XI на Селитренном городище, примыкала

ходятся в Средней Азии, особенно в Хорезме. Мавзолеи второй группы, возможно, возникли в Волжской Болгарии и оттуда распространились по Золотой Орде. В архитектуре мавзолеев Золотой Орды на Северном Кавказе, имеющих вид граненых башен, есть черты закавказско-азербайджанской архитектуры (ср. 54, с. 128—129, 199). Мавзолей № 1 в Мохше с зиярат-ханой и дополнительными помещениями (13, рис. 3) имел в планировке сходство с мавзолеем Наджим ад-Дин Кубра в Хорезме.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В строительстве использовался главным образом кирпич — обожженный и сырцовый — и дерево (зафиксированы дуб и сосна). В качестве связующего раствора бралась глина, редко известь. Они же использовались для обмазки стен и полов. Применяли камень, рваный и реже тесанный в виде блоков. Особенно часто камень употребляли при строительстве на Водянском городище. Находят каменные архитектурные детали (34, рис. 27, 28).

Формат жженого кирпича на памятниках Нижнего Поволжья — 21—22×21—22×4—4,5 см с тенденцией к концу XIV в. становиться толще — до 4,5—5 см (158, с. 184; 280, с. 155; 282, с. 90). В Мохше и Азаке применяли жженый кирпич размером 22—23,5×5,5—6 см (13, с. 230; 112, с. 50). Кирпич сходного формата известен в Средней Азии с X в. вплоть до золотоордынского времени (25, 1982, с. 468; 31, с. 139; 98, с. 448, 450; 128, с. 38; 146, с. 315; 152, с. 260; 232, с. 26; 235, с. 534; 398, с. 505) и в Закавказье предмонгольского и монгольского периодов (451, с. 103, 111).

На Северном Кавказе и в Молдове на золотоордынских памятниках встречается жженый кирпич размерами 21×21,5×4 см, 22×22×4 см и большего формата — 23×23×4—5 см; 23,5×23,5×4—5 см; 24×24×4—5 см; 25×25×5—5,5 см (125; 264, с. 66, 73, 78, 79, 85; 298, с. 230, 231; 318, с. 89; 341, с. 262, 263; 344, с. 150; 345, с. 272; 436, с. 46).

На городище Красный Хутор в Воронежской области жженый кирпич имеет размер 25—27×25—27×4 см (243, с. 177, 179, 180). Такие же кирпичи (26—27×26—27×4—6 см) зафиксированы в горне XIV в. на Нижнем Еруслане (362, с. 107), в памятниках Южного Урала (326, с. 140), в Средней Азии, в Отраре и Сыгнаке XIV—XV вв. (10, с. 116, 178; 181, с. 110, 115; 232, с. 114, 119, 121; 254, с. 183; 441, с. 88), в Байлакане 270, с. 173; 427, с. 47, 49).

На Южном Урале в кладке мавзолеев использовался жженый кирпич 27×27×5 см 30×30×6 см и 30×12—15×6 см (326, с. 140, 142). Аналогии такому крупному кирпичу есть в памятниках Хорезма золотоордынского времени (98, с. 462)

На городище Сарайчика наряду с кирпичом 21—22×21—22×4,5—5 см есть большеформатный кирпич 36—37×36—37×8 см (303, с. 221). Такие примерно размеры кирпича (37×35—36×5—6 см) имеют аналогии в Центральной Азии XIII в. (151, с. 83, 316).

Применялся лекальный жженый кирпич, например для кладки ствола минарета на Водянском городище (166, с. 125—126). Для полов иногда использовался крупный кирпич размерами 40×40×4,5—5 см (264, с. 73).

Сырцовый кирпич имел несколько форматов. В Поволжье известны такие его размеры: 23×23×6 см; 40×24×5,5; 30×19×6; 25×45×5; 34—38×14—18×5—7; 34—38×24×6; 38—40×8—14×5—7; 40×40×8; 50—52×27—28×6; 50×20×6—8 см (166, с. 133—136). Большеформатный кирпич применялся для строительства внешних стен усадеб, капитальных стен больших многокомнатных домов (278, с. 83).

В Белгороде-Днестровском зафиксированы жженые кирпичи размерами 22—24×13×4 и 24×12×4 см и сырцовые — 28×15×8, 23×23×5 и 28×28×8 см (208, с. 118, 121, 124, 129; 210, с. 40, 43).

Кирпичеобжигательные печи были раскопаны в Низовьях Еруслана (362, с. 108—109) и на Селитренном городище. Это печи типичного для того времени устройства. Аналогии могут быть названы в Средней Азии (441) и Волжской Болгарии (91, с. 186—187).

Песок и строительный мусор использовался для подсыпок под полы из жженых кирпичей. Иногда при заполнении суф насыпался песок и в него укладывался кирпич.

Из развалин Причерноморских городов привозили в Поволжье мраморные детали, колонны и капиталии античного и византийского времени, стелы с надписями и использовали их в строительстве (34, с. 37; 141, с. 40; 166, с. 128).

Иногда стены клали в виде двух рядов сырцовых или сырцовых и жженых кирпичей, между которыми насыпали забутовку из обломков жженого и сырцового кирпича и земли и иногда укладывали деревянные брусья в углах (34, с. 82, рис. 29). Дом с двойными стенами из жженого и сырцового кирпича с широким пазом между стенками открыт на Селитренном городище (раскоп VIII).

На том же городище обнаружен участок, где в XIV в. готовили известь для строительства. Найдено несколько врытых в землю хумов с застывшей известью и печи для пережигания известняка. В Молдове обнаружены относящиеся к золотоордынскому времени печи для пережига извести в виде ям (8, с. 37; 436, с. 47—50).

ПЕРЕКРЫТИЯ

О перекрытиях домов мы почти ничего не знаем. Были и своды, и купола, и шатровые перекрытия мавзолеев и бань.

большая «дворцовая» баня, обслуживавшая обитателей усадьбы. Баня состояла из топки, горячего помещения с подпольным отоплением, от которого сохранились кирпичные опоры пола, предбанника. Вода отводилась при помощи водостока. Еще при функционировании центрального дома усадьбы баня была перестроена, значительно увеличена и получила размеры 8,1× 11 м. Был сооружен бассейн в предбаннике, расширенно горячее помещение, построен новый водосток. Топка осталась прежней (184, с. 256—264).

В комплекс общественных зданий, исследованных на раскопе XIII на Селитренном городище, входила общественная баня. Вход в нее вел с площади перед мечетью. Длина бани 26 м, ширина в южной части 13,3, в северной — 15,8 м. Здание имело 9 помещений. Из тамбура через коридор посетитель попадал в холодный предбанник с суфами вдоль трех стен. Пол его был узорно выложен обломками и целыми жженными кирпичами. Очевидно, в центре предбанника находился фонтан, к которому вел кубурный водопровод. Предбанник имел окна с ганчевыми застекленными решетками — панчжара. Кроме предбанника были еще две раздевальни. Из входного тамбура можно было попасть либо в них, либо в предбанник с фонтаном. Горячие помещения имели подпольное отопление и общую для них топку. Они образовывали типичную для восточных общественных бань типа «хаммам» крестовидную планировку. Имелся отводящий воду канал с отстойником. Баня, как считает Э. Д. Зиливинская, предназначалась для зажиточных людей (184, с. 264—279). Такие бани хорошо известны в Отраре XI—XIV вв. (31, с. 142), Болгаре XIV в., Баку и других.

Баня с каменными фундаментами, подпольным отоплением, крестовидной планировкой горячих помещений и водоемом в центре раскопана в Мохше. .Вокруг нее обнаружено еще 6 построек с подпольными дымоходами и фундаментами из сырцового кирпича, а также одна с фундаментом из битого жженого кирпича (14, рис. 1). Большая прямоугольная кирпичная баня с подпольным отоплением обнаружена в Мохше А. А. Кротковым (240, с. 23—26).

Баня с подпольным отоплением того же типа, с крестовидной, видимо, планировкой найдена на золотоордынском поселении у Запорожья (149, с. 184—186). Двойная баня с подпольным отоплением, по планировке очень близкая к крестообразным в плане, открыта на Старом Орхее (81, рис. 3).

МАВЗОЛЕИ

Классификация золотоордынских мавзолеев по их планировке предложена Я. М. Паромовым и дополнена мной (см. 471, с. 206—210). В Нижнем Поволжье в городах известны мавзолеи следующих групп.

К первой группе относятся мавзолеи квадратные в плане,

встречающиеся также на Урале и Северном Кавказе (156, с. 366; 192, с. 91, 92; 193, с. 61, 62, рис. 68; 345, с. 273, 274, рис. 1, 8, 9; 366, с. 11; 350, с. 63; 432). Это мавзолеи № 1, 2 (немного вытянут) на Водянском городище (162, рис. 1, 2), мавзолеи № 1, 2 на Селитренном городище (раскоп VIII), мавзолей на Мечетном городище, судя по описанию Ф. В. Баллода, с каменным фундаментом (34, с. 23—27). Завершался мавзолей, возможно, шатровокупольным перекрытием.

Мавзолеи второй группы — квадратные в плане с порталом в виде тамбура, с двумя длинными пилонами по бокам входа. Объемная композиция у этих мавзолеев, видимо, была сходна с таковой у мавзолеев первой группы. В Нижнем Поволжье открыт мавзолей этой группы № 4 на Селитренном городище на раскопе VIII и на раскопе XI, а также в Бахтияровке (262а, с. 34). Кроме того, такие в плане мавзолеи известны в Волжской Болгарии, Мохше, в Крыму, на Южном Урале, на Северном Кавказе, в Молдавии (13, рис. 2; 25, 1969, с. 171; 208, рис. 2,2; 341; 365, рис. 7; 432; 436, с. 45—47). Это самый распространенный тип мавзолеев в Золотой Орде.

К третьей группе относятся однокамерные мавзолеи с массивным порталом, аналогичным среднеазиатскому пештаку. Таковы мавзолей с мозаичным порталом на раскопе VIII, 1975 г., на Селитренном городище с вымосткой из жженых кирпичей над могилами и мавзолей № 3 на раскопе VIII, 1977 г., на том же городище. Шатрово-купольные мавзолеи этого типа известны на Южном Урале (92, рис. 8; 192, с. 49—50; 193, с. 62—63, рис. 72; 365, рис. 8).

Четвертая группа — мавзолеи с двумя камерами: собственно усыпальницей («гур-хана») и местом оплакивания («зиярат-хана»). Мог быть портал типа пештака. Погребения производились и в «зиярат-хана». К этой группе относится мавзолей № 3 на Водянском городище (162, рис. 6). Есть такие мавзолеи на Южном Урале (326, с. 141—143), в Мохше (13, рис. 3), на Увеке (223) на Северном Кавказе (298, рис. 2,*1*; 345, рис. 1,*1—4*).

Портал мавзолея на Водянском городище украшала мозаика. «Гур-хана» Водянского мавзолея № 3 была обложена вдоль стен изнутри деревянными брусами и сохранила ганчевую облицовку стен и купола. Мавзолей на Увеке имел два портала и входы в обе камеры.

Подземный мавзолей из жженого кирпича на Селитренном городище (281) был квадратным в плане. Он имел перекрытие, сложенное как «ложный свод» (473, рис. 5). Такой же мавзолей обнаружен около мечети на раскопе XIII. На Селитренном городище были и более обширные подземные мавзолеи с четырьмя стрельчатыми нишами в углах при переходе кубического объема в купол (35, с. 45, рис. 16).

Наиболее близкие параллели мавзолеям первой группы на-

В Старом Крыму раскопана купольная мечеть (222, с. 148). Дома перекрывались плоскими деревянными перекрытиями, мечети — такими же перекрытиями на деревянных колоннах (166, рис. 29). На Селитренном и Царевском городищах обнаружены единичные фрагменты керамических черепиц типа, известного в Монголии XIII в. (262а, с. 39; ср. 151, рис. 14, 15). В. Л. Егоров реконструировал крышу квадратного золотоордынского дома как четырехскатную (158, рис. 12).

* * *

Особенностью золотоордынского градостроительства было большое многообразие типов домов и строительных материалов. Имелась связь между типом дома и социальным статусом его обитателей.

В золотоордынских домах не было мебели — ее заменяли устланные кошмами теплые с одного края суфы и различные дополнительные конструкции на полу и на суфах. Пол обычно занимал мало площади — домашняя жизнь происходила главным образом на суфах.

Обращают на себя внимание частые перестройки в домах золотоордынских горожан. Два-три строительных периода прослеживаются в домах и землянках на протяжении 20—30 лет. Нестабильность общества отразилась в частых перестройках богатых домов.

При разнообразии типов домов следует отметить грубую технику возведения стен. Часто они сооружались для одного дома из разных материалов, причем деревянные совмещались с мощными многорядными кирпичными. Клали их неровно; прямоугольная планировка не выдерживалась. Даже большую соборную мечеть строили из рваного камня на простом глиняном растворе. Стены ее были весьма непрочны и неровны и на некоторых участках сложены из другого материала (не жженых кирпичей). Под стены не подводили фундаментов (34, с. 110; 158, с. 183). Исключения представляют мавзолеи у Ак-Сарайской, Бахтияровки и Мечетного. Это отличает золотоордынское строительство в Нижнем Поволжье от строительства того же времени в Волжской Болгарии и на Северном Кавказе.

Многие крупные здания сооружались на скорую руку, в спешке. Привозили издалека мрамор и использовали его, не понимая особенностей этого строительного материала. Но при этом владели приемами домостроительства и правильно рассчитывали ширину и высоту стен, тяжесть перекрытия, умели возводить своды и купола. Они использовали строительные приемы и традиции многих народов, главным образом покоренных ими.

Происхождение типов золотоордынских домов — вопрос, до сих пор не поддающийся решению. Л. Р. Кызласов считает,

что золотоордынский квадратный дом с П-образными суфами и каном зародился у оседлых, «лесных» монголов в Центральной Азии еще до образования империи Чингиз-хана. Распространение этого типа дома на запад он объясняет тем, что вместе с монгольскими войсками пришли и строители и ремесленники из Монголии (234, с. 174). В. Л. Егоров, оспаривая эту гипотизу, пишет, что этот тип дома возник в степи в период создания монгольского государства, как трансформация жилища, круглого или восьмиугольного в плане, типа юрты (158, с. 180—182; 390, с. 213—214). В. Л. Егоров правильно считает, что усвоив хорошо известный у чжурчженей и киданей кан, монголы в XIII в. создали тип квадратного дома с П-образной суфой и каном вдоль одной стены — западный вариант этого дома. П- и Г-образные каналы канов в некоторых домах золотоордынских городов (158, с. 186), что отмечалось нами выше, могут рассматриваться как реминисценция центральноазиатских канов.

С. М. Ахинжанов и Л. Б. Ерзакович полагали, что каны были заимствованы из Южного Казахстана, где они известны задолго до монгольского нашествия (27; ср. каны XII—XIII в. на городище Бабы-ата в Казахстане, 24, с. 158). Это предположение вряд ли можно поддержать сейчас, после раскопок слоев XIII—XIV вв. в Отраре. Там жилища этого времени не имеют суф и канов того типа, который характерен для золотоордынского дома. И вообще отрарское домостроительство отличается от золотоордынского достаточно сильно: в Отраре тандыры имеют одинарные дымопроводы — горизонтальные каналы, ведущие к угловому вертикальному каналу через суфу, нередко вдоль стены; есть проходы в комнаты через суфу (171).

Некоторые черты домостроительства в Золотой Орде сходны со среднеазиатскими: квадратные жженые кирпичи, тошнау, тандыры, колонки на углах зданий, айваны (185, с. 10). Но сходство только весьма общее. В деталях прослеживается различие. Каны, тошнау и тандыры известны в Средней Азии издавна (24, с. 158); есть они и в Хорезме XIV в. (232, с. 32, 38; 290, с. 199). Среднеазиатские, в частности афрасиабские, тошнау очень глубокие, имеют под перевернутым хумом без дна еще несколько резервуаров и колодец. В золотоордынских тошнау всегда отсутствует кубурный водопровод (ср. 16, с. 101—109). Близкие аналоги тошнау золотоордынских домов Нижнего Поволжья есть в памятниках Хорезма XIII—XIV вв. (232, с. 31) и предшествующего периода (290, с. 82). Ванные, огражденные поставленными на ребро жженными кирпичами, как в большом доме на Селитренном городище (раскоп XI), есть в хорезмских богатых домах хорезмшахского времени.

Э. Д. Зиливинская обратила внимание на большое сходство золотоордынских домов и домов с центральным залом в Хорезме предмонгольского времени (185, с. 11): наличие парадного

зала с тахтой-сиденьем в северной части, комнат по обе стороны от него (290, рис. 42). Но непосредственной преемственности с этими домами Хорезма золотоордынские дома не имеют.

Богатые усадьбы Селитренного городища и их главные дома с центральными залами обнаруживают сходство с усадьбой XIV в., открытой на городище Акчий в Киргизии (181). Тошнау в доме этой усадьбы точно повторяет устройство золотоордынских тошнау с перевернутым хумом; каны отличаются от золотоордынских.

В Средней Азии и Южном Казахстане в эпоху средневековья, в частности в XIII—XIV вв., жилые кварталы имели сплошную застройку (10; 171; 232, с. 26), что резко отличает их от золотоордынских городов Поволжья.

В некоторых средневековых городах Киргизии наблюдается усадебная застройка, главным образом в окраинных частях (126, с. 47). Но усадьбы здесь, кроме той, что на городище Акчий, совсем другие, чем усадьбы золотоордынских городов. Усадьба Акчий своей единичностью заставляет думать, что это — перенесение золотоордынского типа усадьбы и характерного для нее центрального дома на Восток. Истоки усадебной планировки городов Золотой Орды мы склонны видеть в усадебной планировке монгольских городов Центральной Азии (151, рис. 1, 80).

Есть параллели золотоордынскому дому с деревянными стенами на сырцовом цоколе в современном монгольском жилище и в некоторых изобразительных материалах из Каракорума XIII в. Панельные деревянные стены — видимо, элемент, заимствованный в Центральной Азии. Несомненна связь П-образной суфы и канов со строительными традициями монгольских городов Центральной Азии XIII—XIV вв. Заимствованным из монгольского домостроительства XIII в. является принцип обрамления входа Г-образными стенками или суфами. В. Л. Егоров указал на центрально-азиатские параллели деревянному дому на дюнах, с центральной теплой комнатой, раскопанному на Царевском городище (158, с. 187—188).

В центральных залах трех богатых домов, раскопанных на Селитренном городище, и в большом доме на Царевском городище вход обращен на юг, а сидение главы дома было в северной части. Так описывают расположение входов и трона, или сидения хозяина во дворце каана в Каракоруме и в монгольских юртах, В. Рубрук и Марко Поло (158, с. 18; 197, с. 88; 330; с. 92).

Усадьбы золотоордынских городов, ориентированные стенами по странам света, сходны с каракорумскими и другими усадьбами древнемонгольских городов Центральной Азии XIII в.

Есть, хотя и менее заметные, черты влияния болгарского строительства — пилоны у портала мечети и мавзолеев, болгарского типа колоколовидные зерновые ямы. Мечеть на Водянском городище имеет сходство с мечетью «Четырехугольник» на Болгарском городище.

Типы домов поволжских золотоордынских городов были распространены на Северном Кавказе, но в несколько измененном виде; по-другому соединялись жилые комнаты больших домов; иначе устраивались печи и каны: тандыры иногда были с кубурными дымоотводами (125, с. 194, 198—201). Тандыры с трубами-кубурами, отходящими от самого дна тандыра, встречаются в Азаке, а также в золотоордынских памятниках Молдовы и в Белгороде-Днестровском (6, рис. 1, 3; 8, с. 41—45; 210, с. 23). Тандыры с кубурами были в домонгольских памятниках Азербайджана (451, рис. 60). Каны имеют в домах Старого Орхея золотоордынского времени, даже двухканальные, отходящие от тандыров, но в жилищах, отличных от поволжских (4, рис. 1; 353, рис. 2,*1*). Встречаются эти элементы и в Сарайчике, и выше по Волге, в Мохше и Волжской Болгарии, где, однако, в XIII—XIV вв. были главным образом распространены местные домонгольские домостроительные традиции. На западе — в Крыму и приднестровских городах — элементы сходства со строительным делом поволжских городов очень редки. В Белгороде-Днестровском имеются П-образные суфы, похожие на суфы в домах золотоордынских городов в Нижнем Поволжье (210, с. 24). В Старом Орхее есть баня типа хаммам, жилища с канами. Но в целом строительство этих западных городов Золотой Орды резко отличается от строительства нижневолжских городов. На запад принципы нижневолжского домостроительства и монументальной архитектуры распространяются до Днепра (городище Кучугуры на Днепре близ Запорожья).

Глава IV

КЕРАМИКА И АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР (РЕМЕСЛО И ИСКУССТВО)

Ремесло в каждой средневековой цивилизации — один из важнейших составляющих ее элементов. В золотоордынских городах изучено много остатков ремесла, прежде всего керамического. Оно же дает больше всего памятников прикладного, декоративного искусства.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Поливная, или глазурованная, керамика — ярчайшее и характернейшее проявление цивилизации и культуры золотоордынского города. Быт даже средних, а иногда и бедных горожан был украшен этой многокрасочной посудой, так разительно отличающейся от однотонной посуды Древней Руси.

Поливная керамика ярко выразила общий стиль искусства того времени, те художественные явления, которые были связаны с бурной эпохой образования и развития монгольских государств. В ней хорошо выявились синкретизм и смешанность культуры золотоордынского города. Поливная керамика была самой массовой художественной продукцией, отражавшей социальную психологию и вкусы и мощно влиявшей на них, заполнявшей рынки и дома. Это были изделия развитого ремесла, оснащенного всеми техническими достижениями гончарного дела Среднего Востока.

В этой области культуры на территории золотоордынского Поволжья столкнулись три мощных течения. Первое было связано со странами восточного мусульманского мира — Ираном и Средней Азией, второе — с культурой Византии, Херсонеса и Восточного Закавказья, третье — со странами Дальнего Востока.

Классификация поливной керамики на материалах, извлеченных из культурного слоя нижневолжских золотоордынских городищ, была создана Н. М. Булатовым (59—68) и дополнена мной (420, с. 195—204; 471, с. 63—76). Имеются также работы

О. А. Дудко, Н. Ф. Калинина, В. И. Перевозчикова, В. А. Ларенок (154; 191; 237; 306). Классификация основана на анализе состава теста (красноглиняное и кашинное) и полив, их цвета и прозрачности, способа нанесения росписи и подбора цветов. Таким образом, эта классификация — технологическая. Одновременно поливная керамика разделена на группы по формам. Один и тот же технологический тип может быть представлен разными формами сосудов. Больше всего чаш разных вариантов с кольцевыми поддонами; последние характерны именно для поливной керамики всех форм и почти не встречаются среди неполивной керамики. Имеются также тарелки; горшковидные сосуды без ручек; горшковидные с коническим носиком без ручек с рифлеными или ажурными коническими налепами с низким вертикальным горлом; одноручные и двуручные горшковидные сосуды без носика; одноручные кувшины без носика и с носиком, так называемые альбарелло, с высоким, близким к цилиндрическому туловом с усеченноконической придонной и верхней частью, с невысоким цилиндрическим горлом; бутылки с ручкой с округлым туловом, плавно переходящим в высокое цилиндрическое горло с расширением в виде раструба; бутылки без ручек; светильники с цилиндрическим туловом, открытым сверху, с носиком для фитиля и ручкой; светильники с туловом в виде двенадцатигранника с носиком и ручкой и в виде чашечки с носиком и ручкой, иногда с цилиндрической втулкой внутри; фляги с двумя ручками; миниатюрные сосудики и чернильницы (60; 300, рис. 13; 471, рис. 33,*1*).

Поливная керамика делится по тесту на кашинную и красноглиняную. Кашинная разделяется на керамику с подглазурной и надглазурной росписью.

В Азове найден фрагмент кашинной антропоморфной статуэтки — голова усатого мужчины в конусовидной шапке (307, рис. 3,*15*, с. 28).

ОРНАМЕНТАЦИЯ КАШИННОЙ КЕРАМИКИ С ПОДГЛАЗУРНОЙ ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ С РЕЛЬЕФОМ

Невозможно описать все орнаментальные мотивы и схемы, украшающие золотоордынскую поливную посуду. Мы укажем только на наиболее характерные и наиболее распространенные.

Все описанные сосуды, кроме тех, чье место находки указано в тексте, происходят из раскопок Селитренного городища.

Т. В. Скоробогатова установила, что каждой группе кашинной керамики с подглазурной росписью соответствует (за некоторыми исключениями) определенный вид орнаментации внешней стороны сосуда при значительном разнообразии декора внутренней его поверхности (363).

На полихромной рельефной керамике узор обычно нанесен на белый, реже светло-бирюзовый фон и сопровождается лег-

ким рельефом черепка, акцентирующим основные элементы декора. Характерны темно-зеленый, реже темно-синий или темно-коричневый контуры рисунка и расцветка светлых деталей орнамента синими точками и бирюзовыми пятнами. В ряде случаев свободный фон и светлые части декора заполняются мелкими штрихами или точечками.

Наружная сторона чаш-пиал украшается почти всегда рельефным арочным орнаментом, также расцвеченным обычно синими точками (рис. 4,*1*, 5,*2*, 6,*3*; 21 рис. 3, 5, 8; 363, рис. 1,*1*; 412 рис. 113). Встречаются арочки без рельефа и точек. Иногда арочный орнамент на внешней стороне сосудов вырождается в вертикальные линии с синими точками, упирающиеся вверху в поясок растительного орнамента (471, рис. 9,*3*), с косыми штрихами, завитками или отрезками прямой линии между ними (61, рис. 1,*2*. Ср. чаши из Азова, 309а, рис. 39, 3,*4*). Мы опускаем ниже описания внешнего вида чаш, если он не относится к типу арочного. Оговорены только исключения.

Внешняя сторона сосуда иногда покрывается орнаментом другого типа — в виде медальонов с синими точками, вокруг которых расположены дуговидные линии, овалы и точки (363, рис. 1,*2*; 471, рис. 11), узор, близкий к внешнему оформлению чаш следующей группы. Есть и другие исключения.

Край украшается синими точками. Ниже точек по внешней поверхности чаши обычно проходит кольцевой поясок с крестообразной косой штриховкой и с четырьмя-пятью вписанными в него незаштрихованными кругами или овалами (рис. 3,*3*, 5,*1*,*2*; 412, рис. 104, 107, 110—112) или поясок из листьев (412, рис. 108—109).

Орнаментация на внутренней стороне чаш разнообразна. Часто в центре помещается цветок в виде круга, расчлененного шестью радиусами на сектора, которыми передаются лепестки (420, рис. 24,*2*,*5*; 363, рис. 2,*9*; 471, рис. 12,*3*, 13,*2*,*4*). В одних случаях такой цветок окружают еще лепестки (420, рис. 24,*4*), в других — кольца каплевидных фигур с 1—3 точками — так называемых «павлиньих глаз» (132, рис. 35; 300, рис. 10; 412, рис. 107), часто встречающихся на этой группе (471, рис. 10,*1*, 11), а иногда и сплошь покрывающих поверхность чаш (363, рис. 2,*1*; 471, рис. 23,*2*; ср. 309а, рис. 36,*4*). Есть блюдо, на котором центральная зона из колец с «павлиньим глазом» окружена узкой полосой в виде зигзаговидной линии с точками. В этом элементе декора есть иногда дуга у его круглого конца, что действительно придает ему сходство с глазом (рис. 3,*3*; 4,*1*; 5,*2*; 6,*1*).

Встречается мотив центрального цветка, составленного из «уголков» и окруженного овалами и точками (471, рис. 12,*6*).

Вокруг центрального цветка на некоторых сосудах развивается сложный растительный орнамент из толстых побегов с

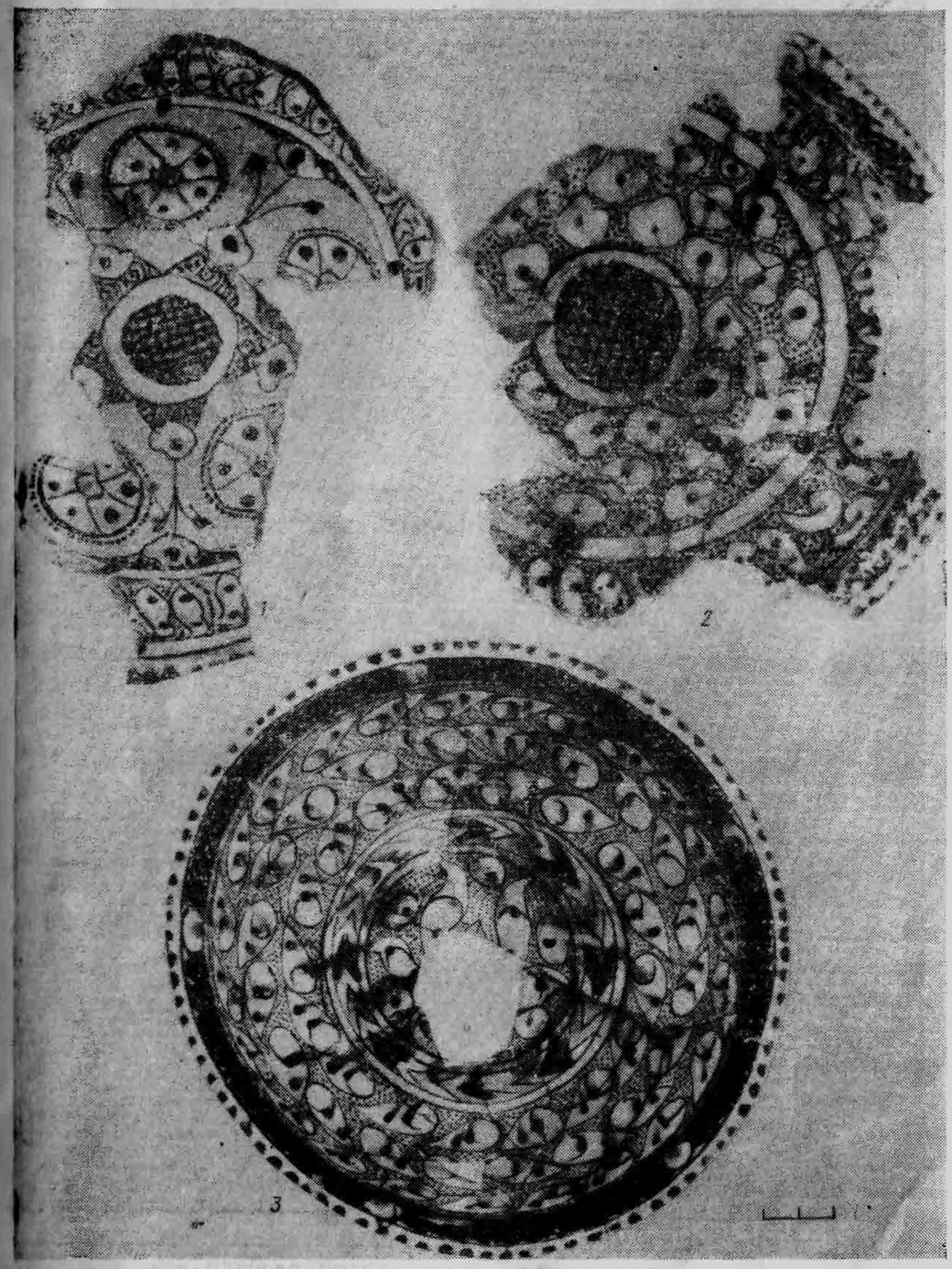
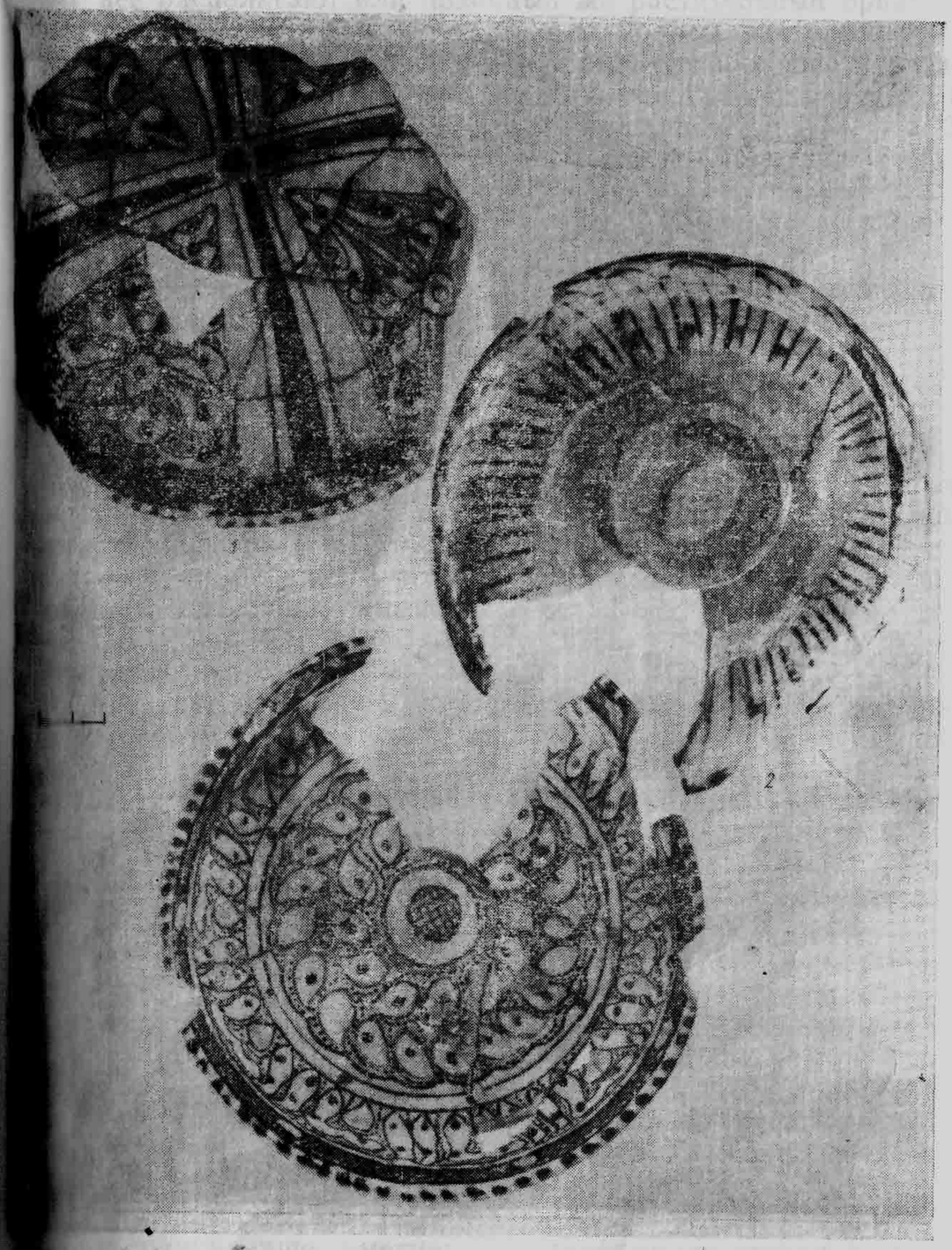


Рис. 3. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью с рельефом.

Рис. 4. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью: *1* — с рельефом; *2* — без рельефа



Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью: *1* — без рельефа, *2,3* — с рельефом

Рис. 6. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью: *1, 3* — с рельефом, *2* — без рельефа

листьями. Типичен лист с двумя выступами и третьим большим в виде рога между ними или сбоку.

Иногда цветок помещают в шестиконечную фигуру и вокруг нее располагают или подобный же растительный орнамент, или полосу «павлиньего глаза», или полосы эпиграфического орнамента (300, рис. 10). В некоторых случаях шестилучевая звезда в таких композициях лишена цветка в центре (8, рис. 36; 132, рис. 36; 412, рис. 111; 420, рис. 23,3; 473, рис. 2). Аналогичный декор имеет чаша из Азова (309а, рис. 38,*1*) и другая чаша из Азова, у которой вокруг пятиугольной звезды в центре располагаются пять медальонов с шестилепестковыми цветами (309а, рис. 38,*2*).

В некоторых композициях, имеющих в центре описанный цветок с розеткой, вокруг него помещены такие же цветки в виде кругов с трапециевидными лепестками; обычно они соединены веточками с узкими листочками (412, рис. 112; 457, рис. 5).

Часто в центре располагается другой элемент декора — цветок лотоса или лотосовый куст. Этот элемент был очень широко распространен в искусстве Золотой Орды и сопредельных стран после монгольского нашествия. В большинстве случаев цветок окружен листьями неправильной формы на двух побегах, отходящих симметрично от нижней части ножки цветка (363, рис. 4,*5*; 471, рис. 10,*1*, 12,*5*; 472, рис. 45). Обычно цветок лотоса с побегами располагается в центре чаши, в круге, а вокруг него идут зоны с «павлиньими глазами» и арабским словом «успех» (363, рис. 4,*5*; 412, рис. 104), или несколько зон «павлиньих глаз» (8, рис. 34, 84, рис. 6), или зона «павлиньих глаз» и зона листьев, а за ней, как почти всегда, зона косой штриховки. Пример — сосуд из Сарайчика (21, рис. 6). Аналогичный орнамент имеют чаши из Азова (309а, рис. 39,*1*) и Новгорода (276). Иногда цветок лотоса помещают в шестилучевой звезде.

Но есть орнаментальные композиции, у которых в центре цветок-розетка, а его окружают медальоны с цветком лотоса без побегов (412, рис. 108; 470, рис. 89). Иногда цветок лотоса находится в центре цветка-розетки с трапециевидными лепестками. Есть чаши, на которых цветок лотоса без дополнительных побегов помещен в центре композиции из круглых цветков с шестью трапециевидными лепестками с тонкими побегами и листочками (363, рис. 3,*1*; 412, рис. 109; 471, рис. 10,*2*; 472, рис. 51).

На одной чаше, имеющей шестиконечную звезду с трехлепестковой розеткой в центре, изображены на внутренних боковых поверхностях четыре медальона в форме луковицы с упрощенным вариантом цветка лотоса в них. Между медальонами — растительные побеги с листьями неправильных очертаний. По краю — поясок со штриховкой и овалами.

На другой чаще в центре помещен круг с цветком лотоса без дополнительных побегов, затем идут зона из характерных для этой группы листьев, зона трилистников, зона «павлиньего глаза» и на краю — зона с штриховкой и белыми овалами.

Есть чаша, у которой центральный круг с цветком лотоса и дополнительными трилистниками окружен полосой, заполненной «уголками», затем идет кольцевая зона из трех рядов «павлиньев глаз», обращенных в разные стороны, и затем крайняя кольцевая полоса со штриховкой и белыми овалами (рис. 3,*3*).

Выделяется из обычных чаш этого вида большая чаша, найденная на Селитренном городище. Внешняя поверхность ее оформлена двумя орнаментальными поясами: вверху узкий поясок с повторяющимся арабским словом «успех», под ним широкий пояс из темных кругов с пятном посередине и между ними тонкой линией проведены побеги. Внутренняя поверхность имеет в центре круг, в котором изображен типичный лотос с побегами, и вокруг него еще 4 круга с лотосами, а между ними побеги и круглые цветы, имеющие по шесть трапециевидных лепестков с точками. Вверху идет поясок с арочками с четырехлепестковыми цветочными розетками и точечный край.

Вместо цветка лотоса помещали «жемчужину» (471, рис. 12,*1*) или цветок из трилистников с синими точками и кружочком в центре (61, рис. 1,*5*). Иногда он, окруженный побегами, располагался в центре композиции в круге (363, рис. 2,*7*; 471, рис. 12,*4*), в других случаях — между медальонами, в которых могли быть цветки-розетки или другие растительные или геометрические элементы (363, рис. 5,*2*; 471, рис. 12,*2*). Есть чаши, где в круглой центральной зоне цветок лотоса заменен сложным растительным побегом, а вокруг — обычные кольцевые зоны: трилистники, эпиграфический мотив, штрихованная зона по краю с белыми овалами (471, рис. 11). Есть серия чаш с заштрихованным кругом в центре (рис. 3, *1*,*2*; 4,*1*; 5,*2*; 471, рис. 13,*6*). Вокруг него зоны с обычными для этой группы элементами в разных сочетаниях: зоны эпиграфического орнамента, пояски из листьев, «павлиньего глаза», трилистников, круглых цветов-розеток с шестью лепестками секторами и с тонким растительным побегом между ними, крайняя штрихованная полоска с белыми овалами (363, рис. 2,*3*).

Сходный орнамент можно видеть на двух чашах из Азова (309а, рис. 37,2, 39,*1*), а также на третьей оттуда же, у которой в круговых узких зонах помещены зигзаговидная линия и овалы с точками (309а, рис. 38,*4*). Из Азова происходит и чаша с четырьмя спиралями в виде растительных побегов вокруг центрального круга без орнамента (309а, рис. 39,*3*), на внешней стороне которой помещен вверху растительный поясок.

Часто встречаются маленькие трилистники или четырехлистные розетки, обычно с синей точкой, располагающиеся отдельной кольцевой зоной, как правило, с вертикальными двойными или одинарными линиями или точками, отделяющими один элемент от другого (в тех случаях, когда ряд трилистников открывается в свободную от орнамента зону). В некоторых случаях эти фигуры примыкают друг к другу, образуя большое орнаментальное поле, покрывающее всю или значительную часть внутренней поверхности чаши (59, рис. 4,*1*; 363, рис. 2,*4*, рис. 9,*1*). У такой чаши внешняя сторона орнаментирована вертикальными линиями по три. Между ними спиральные узоры. Иногда трилистники как бы вытесняют на внутренней стороне чаши крайнюю штрихованную полосу с белыми овалами, которая перемещается на верх внешней стороны чаши, а под ней располагается арочный орнамент, обычный для внешней поверхности.

В орнаменте господствуют кольцевые зоны, но есть и радиально построенные композиции. Радиальные полосы и линии разбивают всю внутреннюю поверхность чаши на треугольные или трапециевидные зоны, заполненные растительным побегом. С внешней стороны чаша украшена по краю пояском с побегами и листьями, от которого вниз отходят вертикальные полосы с точками (471, рис. 9,*2*,*3*). Найдена чаша, у которой внутренняя поверхность разделена на четыре зоны расширяющимися к краю полосами, отходящими от центра радиально. В двух противоположных орнаментальных зонах-секторах находится изображение лотоса, в двух других — сплошной орнамент из «павлиньих глаз». На одной из чаш в четырех зонах расположены цветы лотоса (рис. 5,*1*). По краю идет обычная штрихованная полоса с овалами (ср. 300, рис. 11).

Из Сарайчика происходят две чаши, у которых расширяющиеся к краю полосы делят все поле на четыре треугольные зоны, занятые изображением цветка лотоса (21, рис. 35).

Зооморфные орнаменты сравнительно редки и ограничены изображением в центральной зоне водоплавающей птицы — символа благополучия — или крылатого кентавра с точками и растительными побегами (21, рис. 8; 35, рис. 13; 130, рис. 1,*2*; 131, рис. 10; 132, рис. 37; 194, рис. XVII; 300, рис. 10; 363, рис. 5,*3*; 412, рис. 110; 422, табл. VIII,*4*; 426; 457, рис. 1,*2*; 471, рис. 9,*1*, 13,*1*).

Из Азова происходят несколько чаш с летящими птицами (309а, рис. 36,*2*,*3*, 37,*1*, 39,*4*), а также с попугаем (309а, рис. 37,*3*), с барсом (309а, рис. 36,*1*). Там же найдены чаша с летящей птицей в центральном круге, от которого радиально отходят четыре полосы с поперечными зигзаговидными линиями, и в секторах чередуются растительные побеги и декор типа «павлиний глаз» (309а, рис. 36,*2*), и чаша с четырьмя радиальными полосами с зигзагом, образующими сектора, в которых помещены фигуры водоплавающих птиц в окружении расти-

тельного побега. По краю этой чаши идут две узкие полоски с растительным побегом и «павлиньим глазом».

Эпиграфический орнамент у всех сосудов этой группы одинаков — это повторяющееся арабское слово «успех». Одинакова в общем и манера его написания: арабским буквам придается сходство с побегом (21, рис. 8; 61, рис. 1,*1*; 130, рис. 1,*1*; 132, рис. 36; 300, рис. 10; 409; 412, рис. 104, 107, 111; 457, рис. 3, 10; 471, рис. 10,*1*, 11; 473, рис. *2*. Ср. чаши из Азова 309а, рис. 36, 3,*4*, 37, *1—3*, 38, *1,3*, 39, *1,2,4*).

Сосуды закрытых форм орнаментировались теми же элементами. На внешней поверхности горшковидного сосуда с коническими налепами и носиком внизу располагается арочный орнамент, над ним — зона трилистников с точками. По внешнему краю поясок с зигзаговым орнаментом и на горке — пояс трилистников, разделенных вертикальным линиями. Внутри крупные шестилепестковые круглые цветы по всему полю (рис. 7,1). На другом таком сосуде внешняя поверхность украшена так же, только верхняя зона представляет собой полосу со штриховкой и белыми овалами; внутри в центре круговая зона с обычными цветами в виде кругов, расчлененных на шесть секторов с пятнами, а по краю — свободная без орнамента полоса, окаймленная с обеих сторон полосками с трилистниками, которые разделены вертикальными линиями. На золотоордынских городищах встречаются фрагменты такого типа сосудов — с арочным орнаментом снаружи внизу и расположенной над ним зоной эпиграфического орнамента или зоной «павлиньего глаза». Создается впечатление, что если мы перегнем этот горшковидный сосуд посередине и вдавим верхнюю часть стенок внутрь, то получим построение орнамента, характерное для чаш.

ОРНАМЕНТАЦИЯ КАШИННОЙ КЕРАМИКИ С ПОДГЛАЗУРНОЙ ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ БЕЗ РЕЛЬЕФА

Это самая сложная и разнообразная по орнаментации группа керамики. Сохраняется цветовая гамма полихромной керамики с рельефом, но больше бирюзового, синего и коричневого цветов. Чаши этой группы чаще всего имеют на внешней стороне широкую полосу с крестообразными фигурами, которые образуются темными линиями или рядами штрихов. Между этими фигурами — синие круги, уголки, цветы, трилистники (рис. 13,*2*; 15,*2*; 16,*1,2*, 19,*2*; 21,*2*; 22,*1*; 363, рис. 1, 3; 470, рис. 87). Иногда крестообразные фигуры усложнены дополнительными штрихами, завитками, дужками (471, рис. 16,*1*, 19,*2*, 21), которые порой принимают вид нечитаемого эпиграфического орнамента. При описании чаш этой группы мы опускали декор внешней поверхности, если он оказывался этого типа, но оговаривали исключения. А они встречаются, хотя и редко. Так

Рис. 7. Кашинные сосуды с подглазурной росписью: *1* — с полихромной росписью с рельефом; *2* — с черной росписью под бирюзовой поливой; *3* — с полихромной росписью без рельефа

например, полоса из крестовидных фигур у некоторых чаш дополняется другой полосой, из кругов с точками (471, рис. 21). Имеются чаши, у которых внешнюю поверхность украшает ряд луковичных медальонов с растительным орнаментом внутри, между которыми нанесены тонкими линиями штрихи или псевдоэпиграфический орнамент (рис. 18,*1*). На некоторых чашах этой группы, например из Сарайчика (21, рис. 7), встречаются на внешней стороне арочный орнамент или вертикальные линии, упирающиеся наверху в широкий сплошной поясок по краю сосуда (рис. 8,*2*; 10,*2*; 11,*2*; 23,*2*). Эти орнаменты восходят к мотивам внешней поверхности чаш, имеющих полихромную роспись с рельефом.

На некоторых чашах без рельефа на верху внутренней стороны расположены полосы со штриховкой и белыми овалами (рис. 12,*3*)—элемент декора полихромной керамики с рельефом (412, рис. 120). Встречаются точки по краю, хотя у чаш без рельефа чаще край оформляется сплошной узкой полосой. Чаши со сходными орнаментальными схемами могут украшаться по краю как сплошной полосой, так и точками.

В центре чаш часто располагается шестилепестковая розетка (60, рис. 1,*6*); вокруг нее — шесть таких же цветков. Между ними тонкой линией прорисована сложная сеть растительных побегов, расцвеченных точками. Этот орнамент вместе с полосами зигзагового декора образует большой круг, вдоль внешнего края которого идет кромка из дуг, разделенных вертикальными поперечными линиями, заканчивающимися иногда трилистниками. Он открывается в полосу светлого фона (сходный мотив есть на полихромной посуде с рельефом), а по краю сосуда идет полоса из трапециевидных элементов — медальонов, образованных линиями в виде фигурных скобок, в каждом из которых помещено по 4 крупных точки, — мотив, заимствованный из керамики с росписью кобальтом или фарфора. Край обрамлен сплошной темной толстой линией, а иногда точечками и волнистой линией. В некоторых случаях орнаментальная схема усложняется. Между белой полосой и центральным кругом с цветами помещена полоса зигзагов (363, рис. 4,*3*).

Описанная цветочная композиция в центральном круге встречается на некоторых чашах с другими кольцевыми зонами: например, на чашах с пояском косой сетки, за которой следует поясок овалов и только потом бордюр из групп синих точек, взятых в рамки скобкообразными линиями, и с краем, окрашенным сплошной темно-зеленой линией (412, рис. 116).

Из Старого Орхея происходит чаша с крестовидной фигурой в центре и пятью цветами, каждый с шестью трапециевидными лепестками, на тонких стебельках с листьми.

Довольно характерно сочетание центральной розетки и пояска трапециевидных медальонов с фигурными скобками и точ-

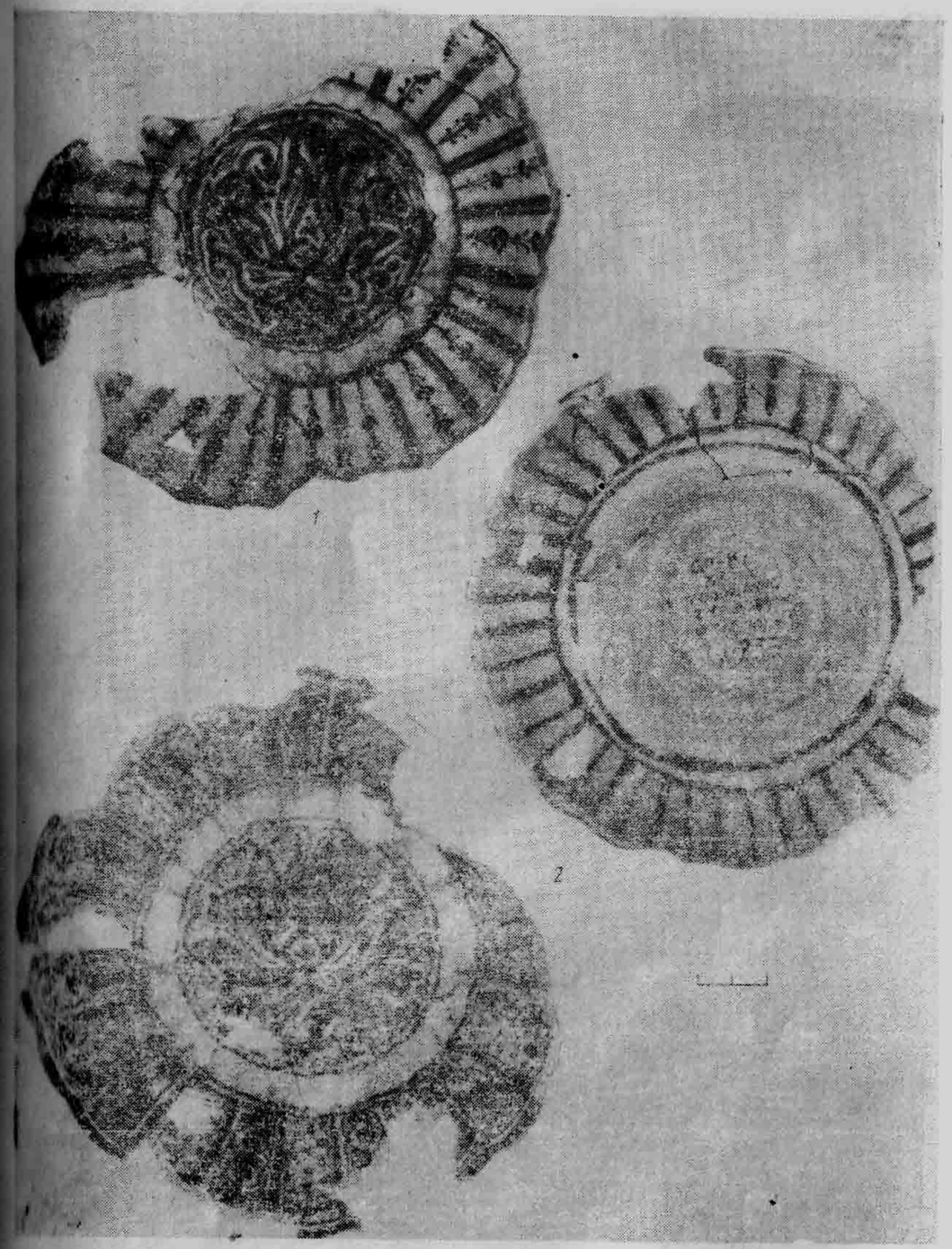


Рис. 8. Кашинные чаши с подглазурной росписью без рельефа

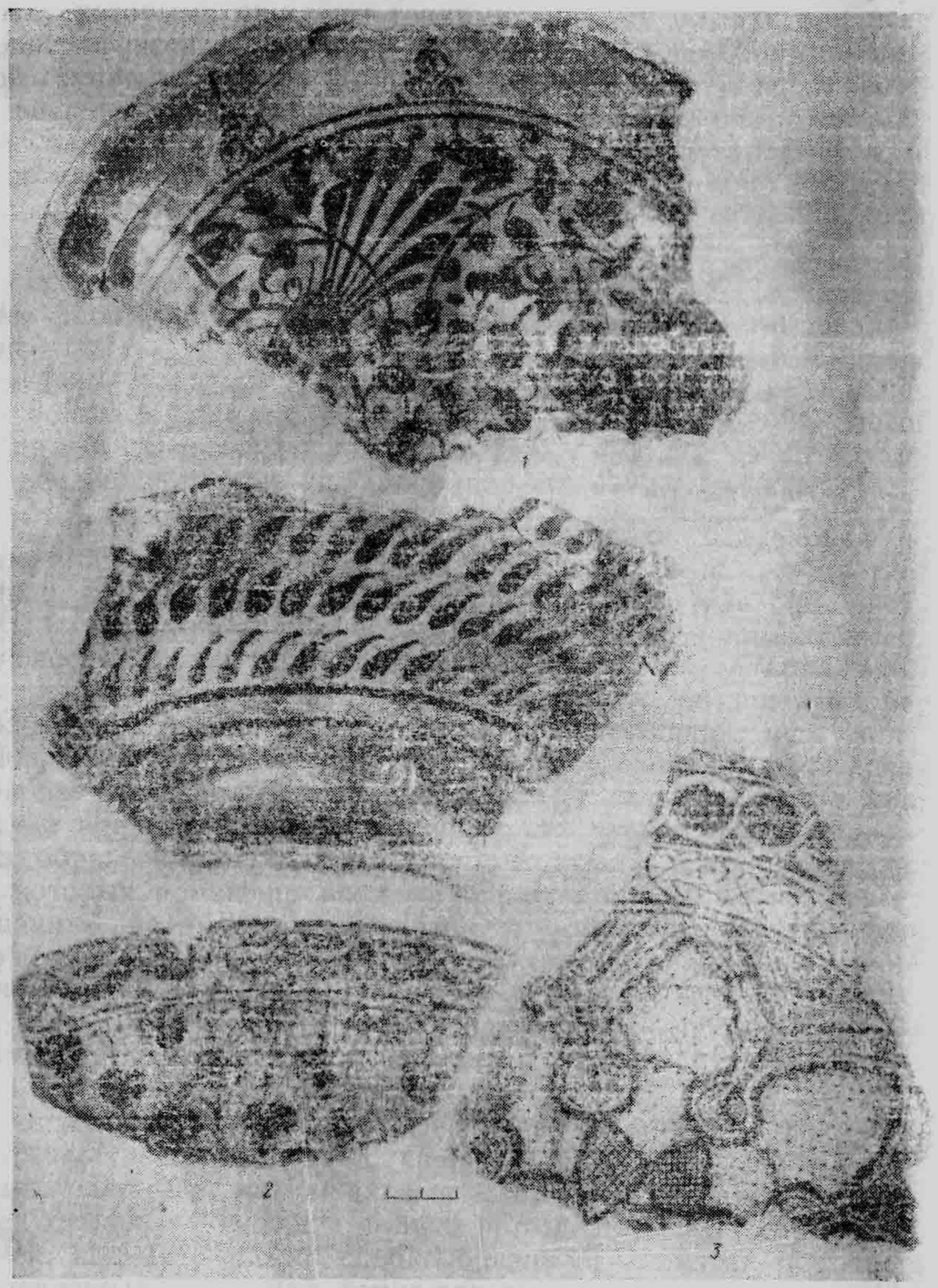


Рис. 9. Кашинные сосуды с подглазурной росписью: *1* — с черной росписью под бирюзовой поливой; *2,3* — с полихромной росписью без рельефа

Рис. 10. Кашинные чаши с подглазурной росписью без рельефа

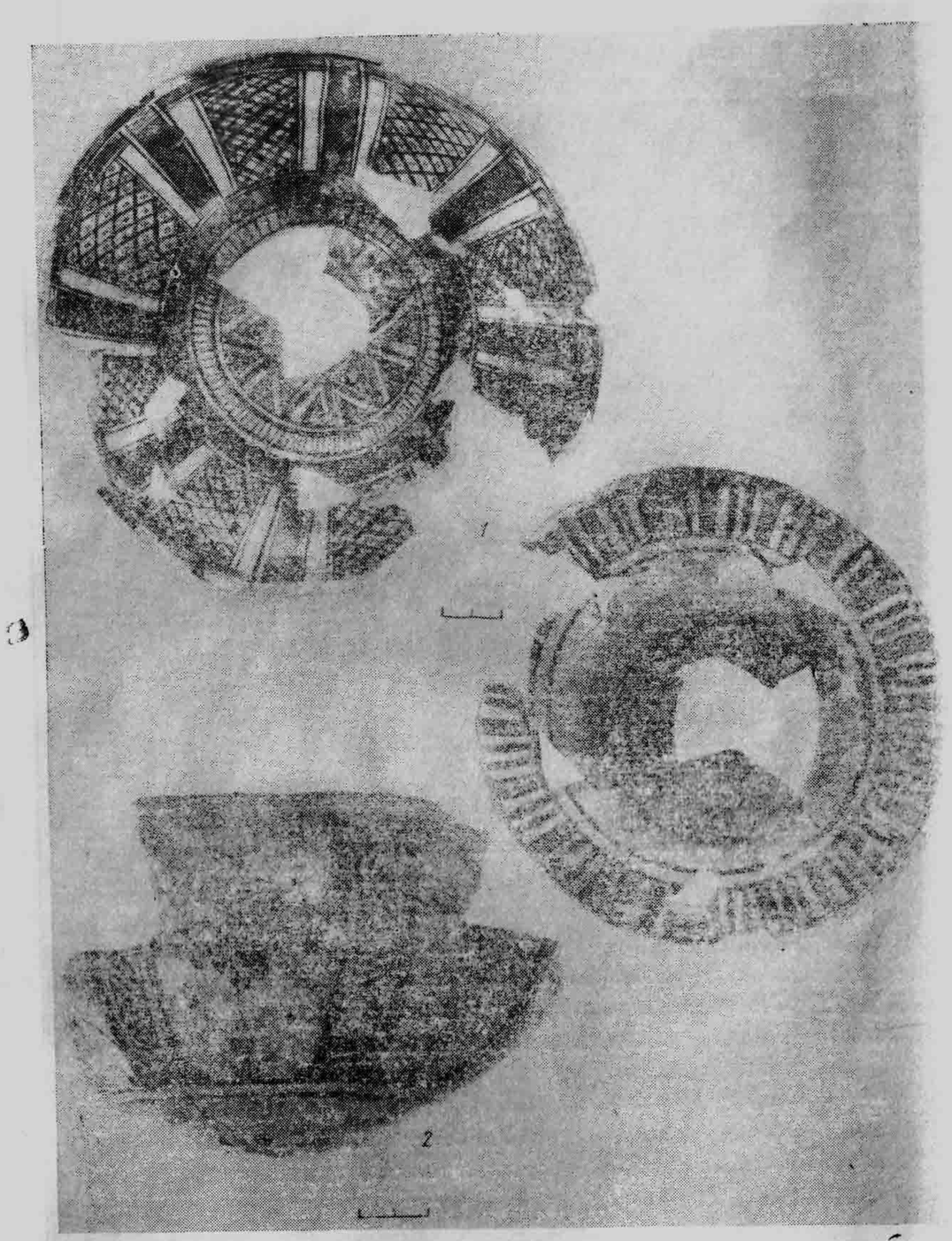


Рис. 11. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью без рельеф

ами внутри, чередующихся с полосами псевдоэпиграфического орнамента. Имеется чаша с таким декором, у которой в центре — круг с точечным фоном и с четырехлепестковой розеткой. Иногда в центре помещали цветок, составленный из четырех трилистников, или многолепестковый цветок, но чаще изображали цветок лотоса (363, рис. 2,*6*, 5,*1*; 471, рис. 17,*1*; 472, рис. 46), в ряде случаев окруженного побегами (412, рис. 105). Этот мотив похож на некоторые лотосы на полихромной керамике с рельефом (рис. 8, *1*,*2*), но обычно рисунок более тонок, а побеги изящнее и меньше. В некоторых случаях цветок лотоса имел грибовидный пестик с двумя листочками.

Вокруг центрального круга располагаются иногда круги с мотивом цветка, имеющего круглую бирюзовую сердцевину с синим, заштрихованным темными линиями лепестком («павлиний хвост»). Такие же «павлиньи хвосты», но поменьше, расположены по два-три между этими кругами. У края чаши есть полоса из нарисованных темной линией листьев, которые напоминают листья папоротника, прерываемая круглыми медальонами с розетками, или полоса из наклонно поставленных овальных фигур. Самая крайняя узкая полоса имеет фигуры в виде вопросительного знака, разделенные вертикальными линиями, — видимо, искаженный эпиграфический орнамент (ср. 482, табл. XXII). Край обрамлен сплошной широкой синей полосой или полосой с белыми точками. Кольцевая зона с «листьями» папоротника и медальонами и зона «павлиньих хвостов» могут меняться местами, при этом цветы в виде «павлиньего хвоста» могут размещаться полосой рядом друг с другом (363, рис. 2,*11*, 4,*2*, 6,*1*; 412, рис. 105; 470, рис. 88; 471, рис. 20,*1*; 472, рис. 46). Иногда в центре чаши располагается розетка из шести «павлиньих хвостов» (471, рис. 13,*3*).

На некоторых чашах в центральном круге с бирюзовым фоном помещен треугольник, образованный тремя ветками с листьями. От этого круга по радиусам отходят лепестки, форма которых близка к ромбовидной. Лепестки покрыты синей сеткой, а фон между ними заполнен точками. Вся эта зона окаймлена зигзаговидной полосой со стилизованным нечитаемым эпиграфическим орнаментом, в котором угадывается арабское слово «успех». В некоторых случаях эпиграфический орнамент вырождается в штрихи и точки. Зигзаговидная полоса иногда имеет на изгибах трилистники, оконтуренные белой каемкой. По краю сосуда располагаются концентрическими кругами полосы стилизованного нечитаемого эпиграфического орнамента, вписанного косо, тонкими темными линиями, и кольцо синей сетки с овалами.

Некоторые композиции этого типа более просты, например, с одной центральной зоной и с синей сеткой по краю.

Есть чаша, у которой центральный цветок-розетка, дополненный четырьмя вытянутыми клиновидными фигурами по бо-

кам, помещен в квадрат, вписанный в другой квадрат, с дугами, отходящими от его углов. Все геометрические фигуры образованы довольно широкими белыми полосами с группами точек на них. Фон заполняют растительные побеги и пальметки с точками, штрихами и скобками между ними. Все это взято в круговую рамку в виде узкой полоски с овалами, расположенными цепочкой. Далее следует сетчатый бордюр и широкая темная полоса по краю (412, рис. 120).

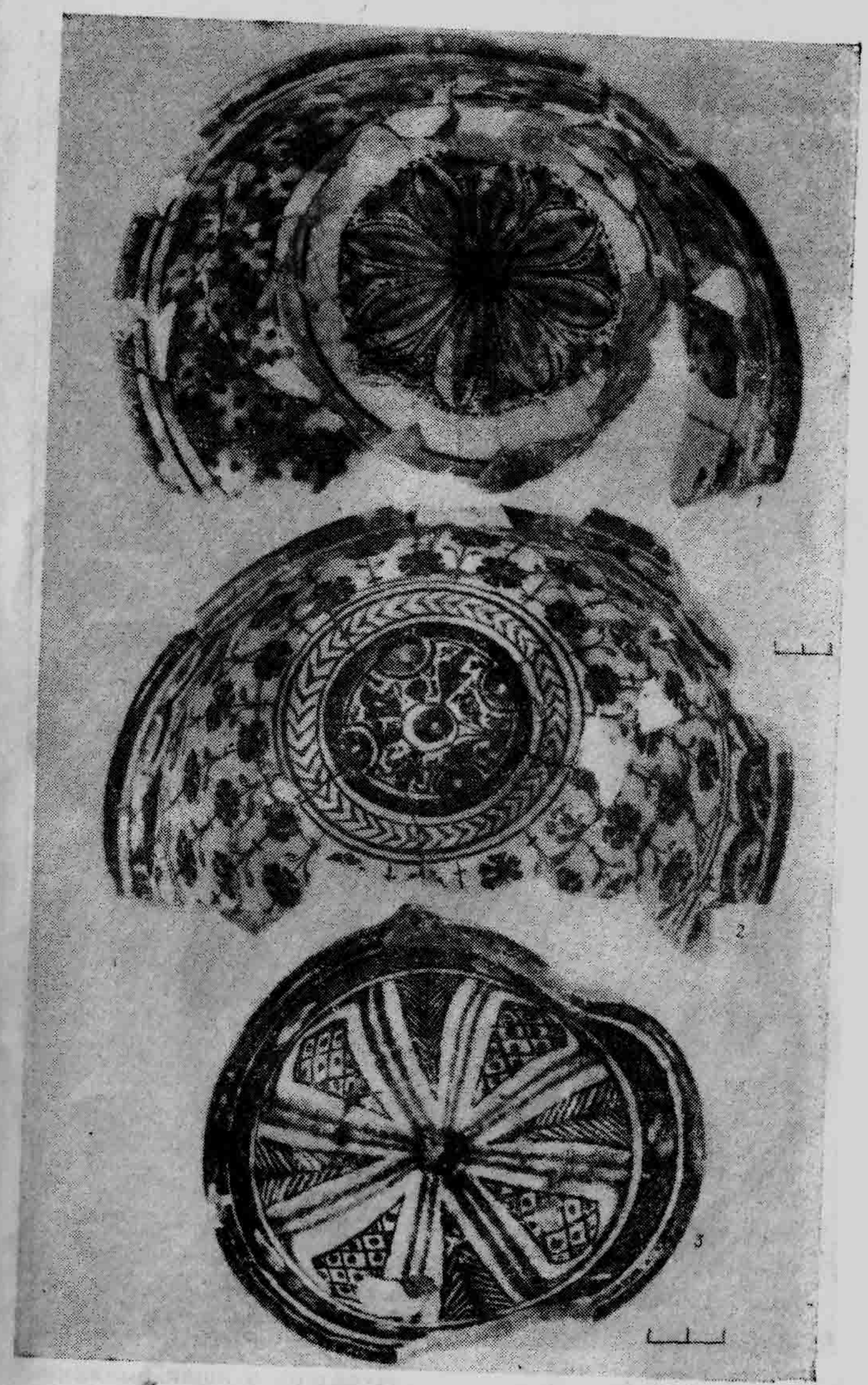
Имеются чаши с растительным орнаментом, в том числе и лотосом, вписанным в шестиугольную звездчатую фигуру. Между лучами звезды — пальметки или трилистники. Вокруг — кольцевая полоса с зигзаговидным орнаментом (420, рис. 23,*5*). Характерна сетчатая штриховка лучей звезды. Иногда в этих лучах помещен побег с листьями.

На некоторых чашах круг с шестиконечной звездой окружен орнаментальным кольцом с косорасположенными листьями, которые заштрихованы зигзагообразными и волнистыми линиями (400, рис. 13,*1*). За этой полосой — зона с медальонами, в которые вписаны цветки лотоса с грибовидными пестиками. Между медальонами — побеги и листья (471, рис. 16,*1*).

На чашах с четырех или шестиконечной фигурой и розеткой или цветком в центре, имеющих в некоторых случаях дополнительный поясок с островершинными арочками или уголками, все внутренние боковые поверхности заполнены маленькими синими шестилепестковыми розетками с круглой сердцевиной, соединенными тонкими побегами с небольшими листочками. По краю у таких чаш иногда идет полоска с фестончатым орнаментом (рис. 9,*2*, 12,*2*) или со штриховкой и белыми овалами. На внешней их поверхности мы видим или обычный крестовидный орнамент, или орнамент из луковичных медальонов с побегами или кругов с точками (363, рис. 4,*4*; 471, рис. 20,*2*, 21; 472, рис. 52).

Цветочные орнаменты в середине чаши иногда вписаны в крестовидную сложную фигуру. В центре ее располагается небольшой круг с цветком в виде розетки или трилистника. В концах креста — медальоны с цветками или ромбы. За пределами этой фигуры на одной чаше — светлое поле с точками, на другой — пышный цветочный орнамент с четырьмя цветками лотоса между концами крестовидной фигуры и трилистниками в окончаниях креста (363, рис. 6,*3*; 471, рис. 14,*2*, 18,*2*). Центральная розетка, четыре клиновидных фигуры по сторонам от нее и все это внутри сложной крестовидной фигуры на точечном фоне — частный мотив в декоре этой группы керамики.

Использовались радиальные композиции. Так, например, есть чаши, дно которых разделено крестовидно пересекающимися полосами или узкими треугольниками на четыре сектора, заполненные побегами с листьями (300, рис. 11) или как и



12 Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа.

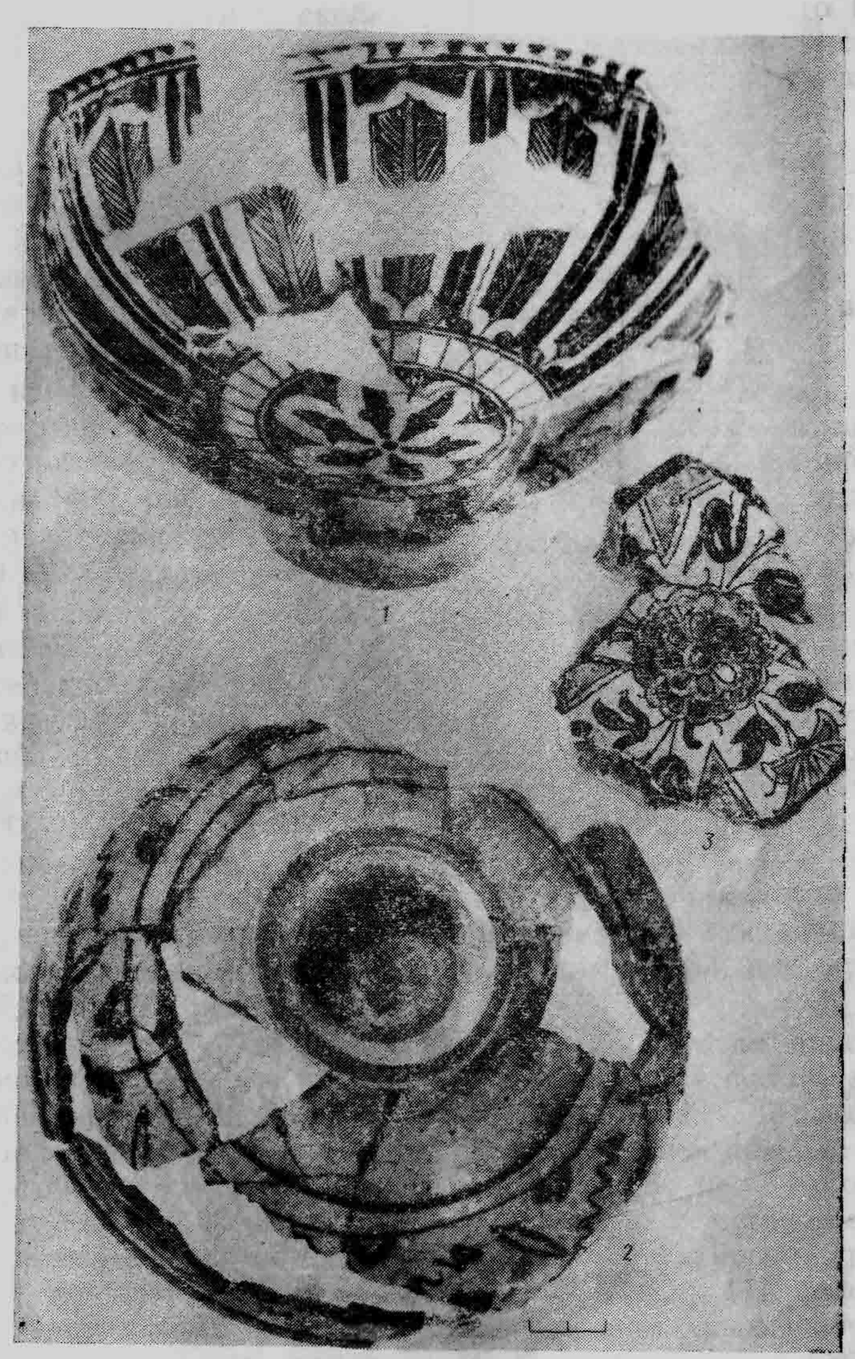


Рис. 13. Кашинные чаши: *1,2* — с подглазурной полихромной росписью без рельефа: *3* — с надглазурной полихромной росписью

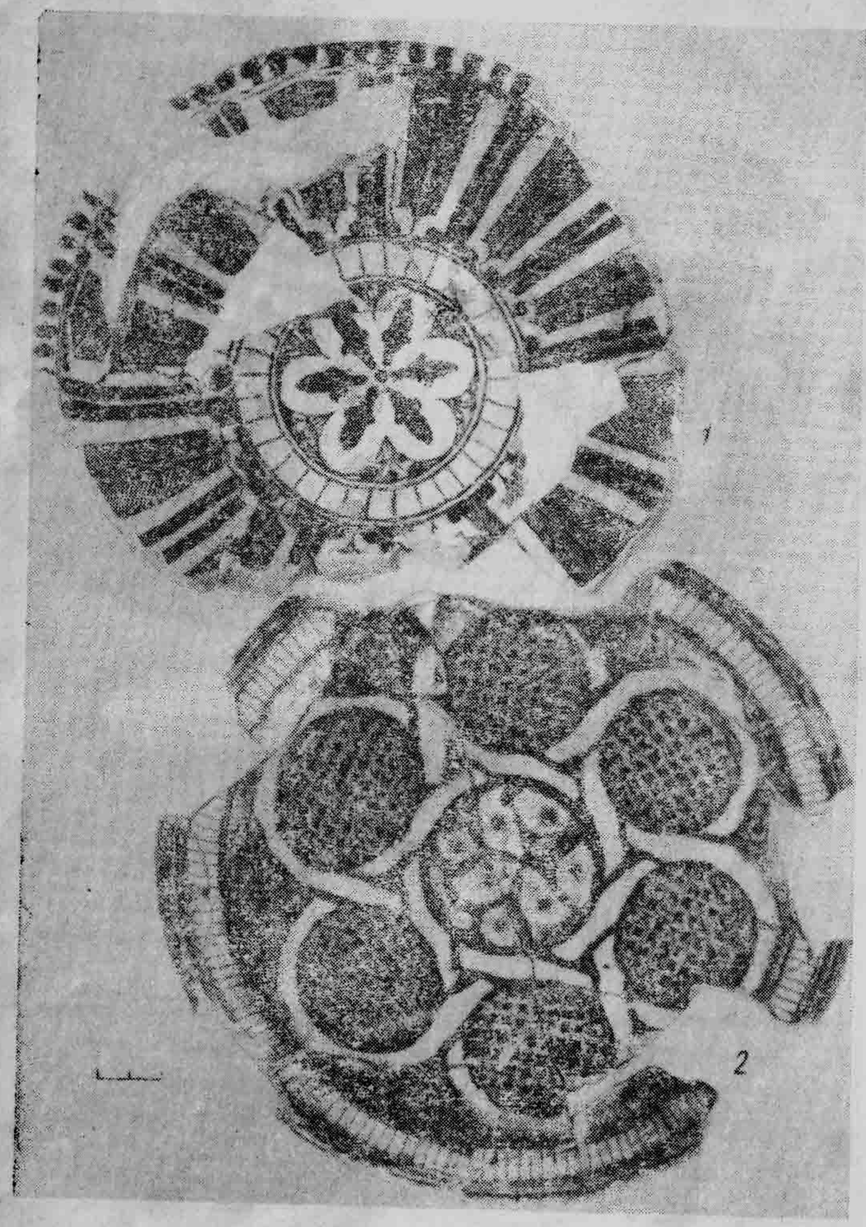


Рис. 14. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа.

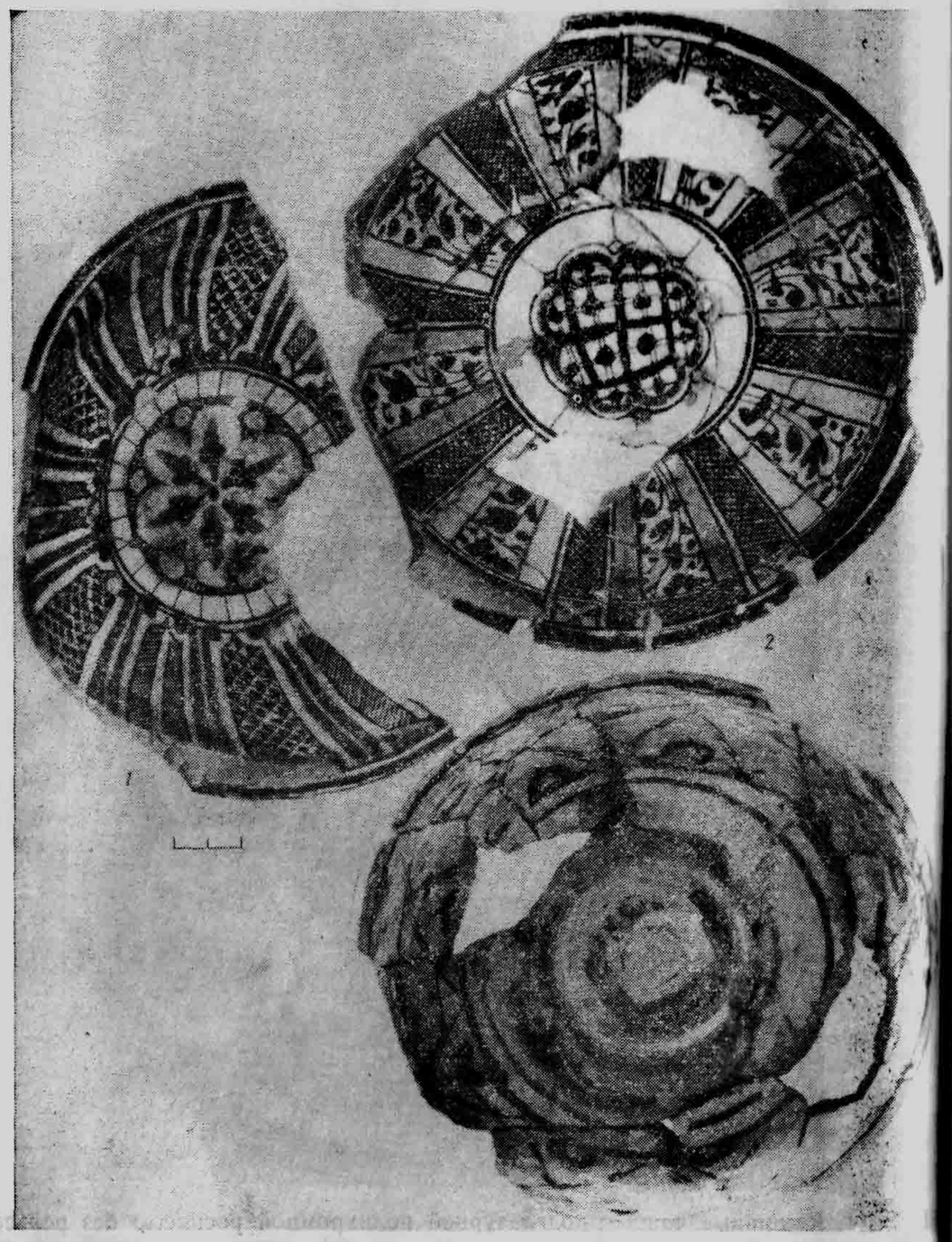
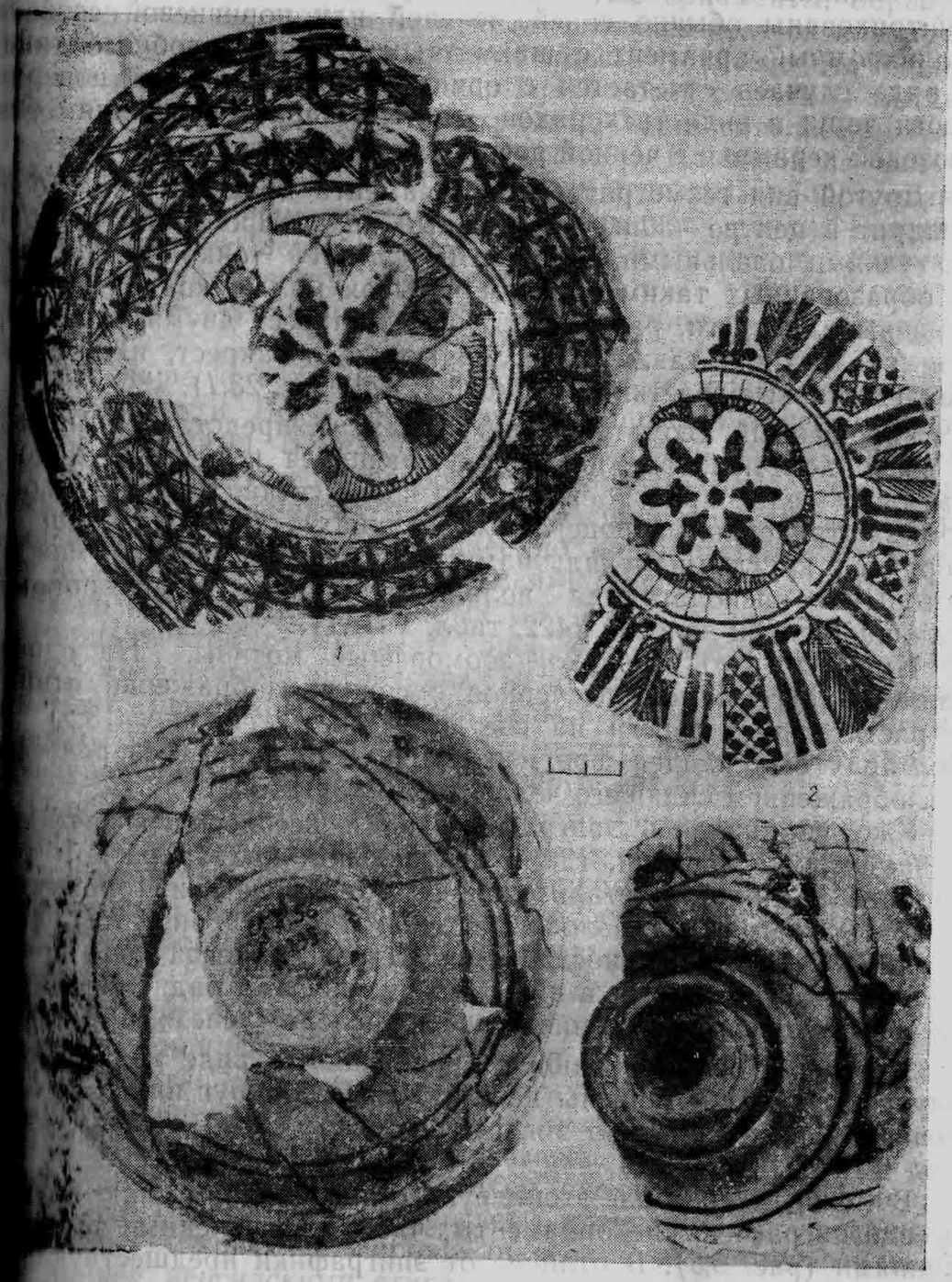


Рис. 15. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью без рельеф



16. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа

чаше из Сарайчика, луковичными медальонами с точками и сложными растительными побегами вокруг них (21, рис. 7).

Геометрические орнаменты в центральном круге представлены простыми фигурами — квадратами, прямоугольниками, треугольниками и т. п. (363, рис. 2,5,8,10; 471, рис. 23,1). Они заштрихованы обычно синей, зеленой или коричневой сеткой. Полихромный орнамент с шахматным узором подобного типа в ряде случаев сочетается с орнаментацией внешней поверхности чаши в виде трех рядов запятых, характерных для бирюзовой керамики с черной росписью.

Другой вид геометрического орнамента представляет собой квадрат в центре чаши, разделенный на четыре части четырьмя узкими овальными лепестками с синей точкой в центре. В образованных таким образом четырех малых квадратах помещены или круги, разделенные крест-накрест двумя линиями, или квадратики, также разделенные крест-накрест, или четырехлепестковые розетки (67, рис. 3,2; 471, рис. 23,1).

Упрощенный геометрический орнамент представлен чашей с восьмиконечной звездой из сужающихся к центру полос, имеющих белые края. Между ними косая сетка. Вокруг — поясок, заштрихованный поперечными линиями, а у края чаши — бордюр с круглыми медальонами с точками посередине, между которыми располагаются волнистые линии. Край покрыт сплошной синей полосой (422, табл. VIII,1).

Имеются, хоть и редко, зооморфные мотивы. На одной чаше в круге помещено черное с синим изображение птицы и растительные побеги на светлом фоне (471, рис. 13,5). В Болгарах был найден фрагмент чаши из кашина без рельефа с изображением сидящего человека (70а, рис. 1,4).

Уже упоминались эпиграфические и псевдоэпиграфические орнаменты. Есть чаши, где в центральном подквадратном медальоне расположен стилизованный эпиграфический орнамент, а вокруг него идет полоса с точками (363, рис. 7,2; 471, рис. 17,3). По краю иногда помещали в кольцевой зоне круги с точечными розетками в них. Между кругами радиально много раз повторено искаженное арабское слово «успех».

Интересен обломок чаши с украшением в виде медальонов, внутри которых помещены цветки лотоса. Вокруг них в полосе почерком пасх написано поперек арабское слово «успех» (363, рис. 6,2; 471, рис. 19,1).

В декоре керамики этой группы преобладают, как видим, псевдоэпиграфические орнаменты, часто прочерченные тонкими линиями (рис. 9,3). В отличие от эпиграфики предшествующей группы в этой группе встречаются пространные читаемые персидские надписи, которые мы приведем ниже.

Встречается в разных сочетаниях орнамент с плетенками (471, рис. 22,2), квадраты с вписанными в них четырехлепестковыми, близкими к кругу розетками, четырехлепестковые

розетки с вписанными в них квадратами с сетчатой штриховкой и с трилистниками в местах соединения лепестков (471, рис. 23,3). Есть чаши, у которых вокруг центрального небольшого круга с розеткой идут фестончатые орнаменты, образуя ячейки в виде вытянутых четырехлепестковых розеток или ромбов с побегами. Фон заполняется иногда точками. На одной чаше центральный круг заполнен синей косой сеткой — мотив, напоминающий некоторые полихромные чаши с рельефом.

Упомянем чаши с уникальной росписью. На одной из чаш — шестилепестковая розетка с круглыми лепестками, образованными переплетением двух полос; в лепестках точки. Розетка вписана в круглую зону. Вокруг нее — 8 медальонов, образующих большую розетку, внутри медальонов — вторые, поменьше, а в них — орнамент растительного типа. Край чаши не сохранился.

Есть чаша с четырьмя луковичными медальонами, между которыми круги. Вся сложная фигура образована переплетающимися полосами. В медальонах растительный побег, в кругах штриховка. Вокруг идет свободная от росписи полоса со штрихами, сгруппированными по три и расположенными на внутренней границе этой зоны. Далее по краю располагается узкая полоса с искаженными арабскими надписями (угадывается слово «успех»), начертанными узкой тонкой линией.

Вариант этой схемы дает чаша, у которой в центре или между медальонами штриховка, а по краю — зигзаговидный орнамент (рис. 10,2). На другой чаше в центре круг с лотосом, а вокруг — четыре медальона с растительными побегами и кольцевая зона по краю со штриховкой и овалами.

Особняком стоит блюдо из Старого Орхея. Наружная его поверхность орнаментирована простыми горизонтальными полосами, внутренняя — восьмиугольником с линиями, пересекающимися в центре. В образованных таким образом треугольниках — растительные побеги, по краю — полоска с арочным орнаментом (8, рис. 38).

На раскопе XI на Селитренном городище в районе гончарных горнов найдены в бракованном и фрагментированном состоянии десятки чаш со своеобразным орнаментом, видимо представляющем особый художественный «почерк» керамистов этой мастерской. Несколько чаш имеют многолепестковую розетку в центре и широкую полосу растительного орнамента вокруг нее (шестилепестковые цветы и трилистники на тонких побегах). По краю — широкий поясок с начертанными тонкой линией персидскими стихами, одними и теми же на разных чашах, и пояс косой штриховки с белыми овалами (рис. 6,2).

Внешний край чаш этого вида оформлен крестообразными фигурами с кругами между ними. Но есть среди них чаша, на внешней стороне которой имеется полоса из луковичных ме-

дальонов с побегами внутри них. Между медальонами — искаженный эпиграфический орнамент.

У мастерской обнаружена чаша такой же орнаментации, но без пояска персидских стихов и с арочным орнаментом снаружи. К этой серии относится и бракованная чаша, на которой также изображены многолепестковая розетка в центре в двойной восьмиконечной звезде с круглыми медальонами и розетки между лучами. Край оформлен, как у предыдущих чаш, полосой с теми же стихами и полосой со штриховкой и с белыми овалами. Одна из чаш этой серии имеет четырехлепестковую розетку с расширенными фигурными концами. Розетка заполнена точками. Между ее лепестками такие же побеги, как на вышеописанных чашах, и такие же две кольцевые зоны, но с другими персидскими надписями, выполненными, однако, в той же манере — тонкими линиями.

В районе горнов на XI раскопе обнаружена также серия бракованных и недорисованных чаш с композицией следующего типа: в центре многолепестковая розетка, цветочный куст или решетка в круге, затем широкая кольцевая зона, разделенная радиальными полосами. В секторах чередуются: растительный побег и штриховка (479, рис. 40); точки и эпиграфический орнамент (арабское слово «успех») и круглые медальоны; косая сетка с точками в ячейках и орнамент «елочкой», заключенный в фигуру, напоминающую лист; растительный орнамент и псевдоэпиграфический орнамент; спиральный узор с точками, полосы зигзагов, помещенные перпендикулярно радиальной оси; иногда в каждой такой полосе — «елочка в листе» (рис. 13,*1*; 14,*1*; 15,*2*; 16,*2*; 17,*2*; 22,*1*; 23,*1*).

Мотив «елочки в листе» часто встречается в орнаментации чаш этой группы, в частности в оформлении широких кольцевых зон по краю внутренней поверхности чаш, заполненной как фоном косой штриховкой с трилистниками в каждой ячейке сетки. «Листья» поставлены радиально. Иногда между зонами шел поясок с листьями папоротника или кольцевая зона с поперечными линиями. В некоторых случаях такая композиция дополнялась широкой полосой квадратиков с пересекающимися диагоналями и точечными розетками.

Есть чаша из того же гончарного комплекса со сходной орнаментальной схемой, но с цветком лотоса в центре. Вокруг него расположена фестончатая белая кольцевая полоса, а за ней — полоса, разделенная поперечными линиями на трапеции, в которой чередуются группы точек на белом фоне и растительный побег. По фестончатому краю идет сплошная синяя полоса. На другой чаше оттуда же лотосовый цветок с дополнительными листьями помещен в центре и обведен двумя белыми кольцевыми полосами. За ними кольцевая зона с двумя переплетенными полосами. Далее расположена широкая полоса, разделенная, как у предыдущей чаши, на трапеции. В них чере-

Рис. 17. Кашинные чаши с подглазурной росписью: *1,2* — с полихромной росписью без рельефа; *3* — с черной росписью под бирюзовой поливой

дуются группы точек на белом фоне, прямая ветка с листьям
и стилизованный растительный побег. По краю — синие точки
Чаша, видимо, бракованная: трапеции разные по ширине, сти
лизованный побег выписан по-разному и узоры не повторяют
ритмически. Внешняя поверхность украшена пояском арочно
декора; внутри арочек — косой крест с четырьмя точками
По краю некоторых чаш с декором этого типа идет зона с
штриховкой и белыми овалами, иногда такая же зона поме
щается в виде кольца между центральным кругом и кольцево
зоной с радиальными полосами.

Эта орнаментальная схема встречается на чашах, найде
ных и на других раскопах. Такова чаша с шестиконечно
звездой в центре, заполненной мелким растительным орнаме
том. Вокруг звезды — кольцевая полоса с поперечными ли
ниями. Затем следуют две штрихованные косой сеткой коль
цевые полосы и поперечные, также штрихованные, радиальны
полосы, делящие боковые поверхности чаши на трапеции
В них чередуются косая сетка из тонких линий с группам
точек в клетках и косая сетка из полос с поперечной штрихов
кой, с крестом в клетках и с точкой посередине. В местах сое
динения широких полос, кольцевых и радиальных с косой сет
чатой штриховкой помещены белые крестики. Снаружи чаш
орнаментирована по верху полосой зигзагов, ниже — полосо
с группами точек по четыре, а под ней — полосой с вертикаль
ными темными сплошными линиями по две, между которыми
расположены широкие полосы с поперечной штриховкой. П
краю чаши идет темная узкая полоска (рис. 11,*1*).

Встречаются чаши, имеющие небольшой круг в центр
обычно с цветком лотоса, и отходящие от него радиально тр
пециевидные зоны, заполненные сеткой, точками, волнами, п
бегами или нечитаемым эпиграфическим орнаментом (47
рис. 14,*4*, 18,*1*, рис. 8,*1,2*).

Есть среди находок на XI раскопе особые чаши. Так, чаш
на которой радиальные полосы разделяют ее декор на секто
ра с растительным побегом и псевдоэпиграфическим орнаме
том, имеет еще дополнительно по краю широкую кольцеву
полосу с двумя переплетающимися зигзаговидными линиями
а по краям этой зоны — два пояска штриховки. Внешняя по
верхность орнаментирована луковидными медальонами с расти
тельным побегом (рис. 18,*1*).

Из мастерской на XI раскопе происходит серия чаш, у кото
рых декор состоит из центральной многолепестковой розет
и широкой кольцевой зоны с сеткой, образующей квадрат
В некоторых случаях все квадраты одинаковые — с перес
кающимися диагоналями и розеткой из четырех точек в центр
в других они чередуются в шахматном порядке с заштрихо
ванными квадратами. Иногда незаштрихованные квадрат
имеют точки посередине сторон. Есть варианты, при которы

Рис. 18. Кашинные сосуды с подглазурной росписью: *1* — с полихромной росписью без рельефа; *2* — с черной росписью под бирюзовой поливой

квадраты имеют растительный побег и вогнутые стороны. На некоторых чашах в центре — цветок лотоса в шестиконечной звезде. Между розеткой и сеткой квадратов помещали иногда кольцевые полосы с арочками. На внейшей поверхности этих чаш — обычный крестовидный орнамент с кругами, но есть, хотя и редко, арочный орнамент (рис. 4,*2*; 7,*3*; 10,*1*; 12,*1*; 16,*1*; 19,*1*). По краю шли точки или сплошная темная полоса. В том же гончарном комплексе на XI раскопе, а также на других раскопах встречены чаши, у которых в центре цветок в шестиконечной звезде с заштрихованными лучами или в фестончатой круглой рамке, затем идет светлый кольцевой поясок без орнамента, а все боковые внутренние поверхности заняты подобного рода шахматным узором с синей клетчатой штриховкой в одних квадратах, с точками — в других (409; 420, рис. 23,*2*; ср. 471, рис. 16,*3*).

Среди отбросов гончарной мастерской на раскопе XI Селитренного городища обнаружено несколько чаш с особо богатой и уникальной орнаментацией. На одной чаше в центре помещена сложная розетка, а в переплетении линий, образующих ее, четырехлепестковые розетки. Вокруг поясок из пышного растительного орнамента — побег с листьями. Внешняя сторона чаши украшена рядом луковидных медальонов с растительными побегами между ними (рис. 20). На другой чаше мы видим четырехлепестковую розетку в центре с длинными острыми лепестками, между которыми — сетка взаимоперпендикулярных линий. В квадратных ячейках этой сетки — точки. Все обведено кольцевой зоной из овалов со штриховкой. Край чаши не сохранился.

Чаша из той же мастерской, имеющая на внешней стороне обычный крестовидный орнамент, на внутренней имеет в центре шестилепестковую розетку, лепестки которой снабжены на концах кругами с точечной розеткой внутри них. Все обведено кольцом с арочным орнаментом и широкой кольцевой полосой из пересекающихся дуговидных линий; в образованных этими линиями ячейках помещены розетки из крупных точек на точечном фоне и прямоугольная сетка, в ячейках которой — трилистники (рис. 17,*1*). Сходный, но упрощенный декор есть на другой чаше (рис. 22,*2*), на которой в ячейках, образованных пересекающимися дугами, помещены трилистники.

На чаше из отбросов тех же горнов в центре — восьмилепестковая розетка с ромбовидными лепестками. На концах лепестков — овальные фигуры, в которых помещены «галочки». Все обведено узкой кольцевидной полосой с поперечными линиями, а за ней — ряд овалов с крестиками. Между деталями рисунка — растительные побеги (рис. 21).

На одной из чаш мастерской на XI раскопе внутренняя роспись представляла собой следующую орнаментальную схему. В центре — маленький кружок; вокруг него семь пятиугольни

Рис. 19. Кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью без рельефа

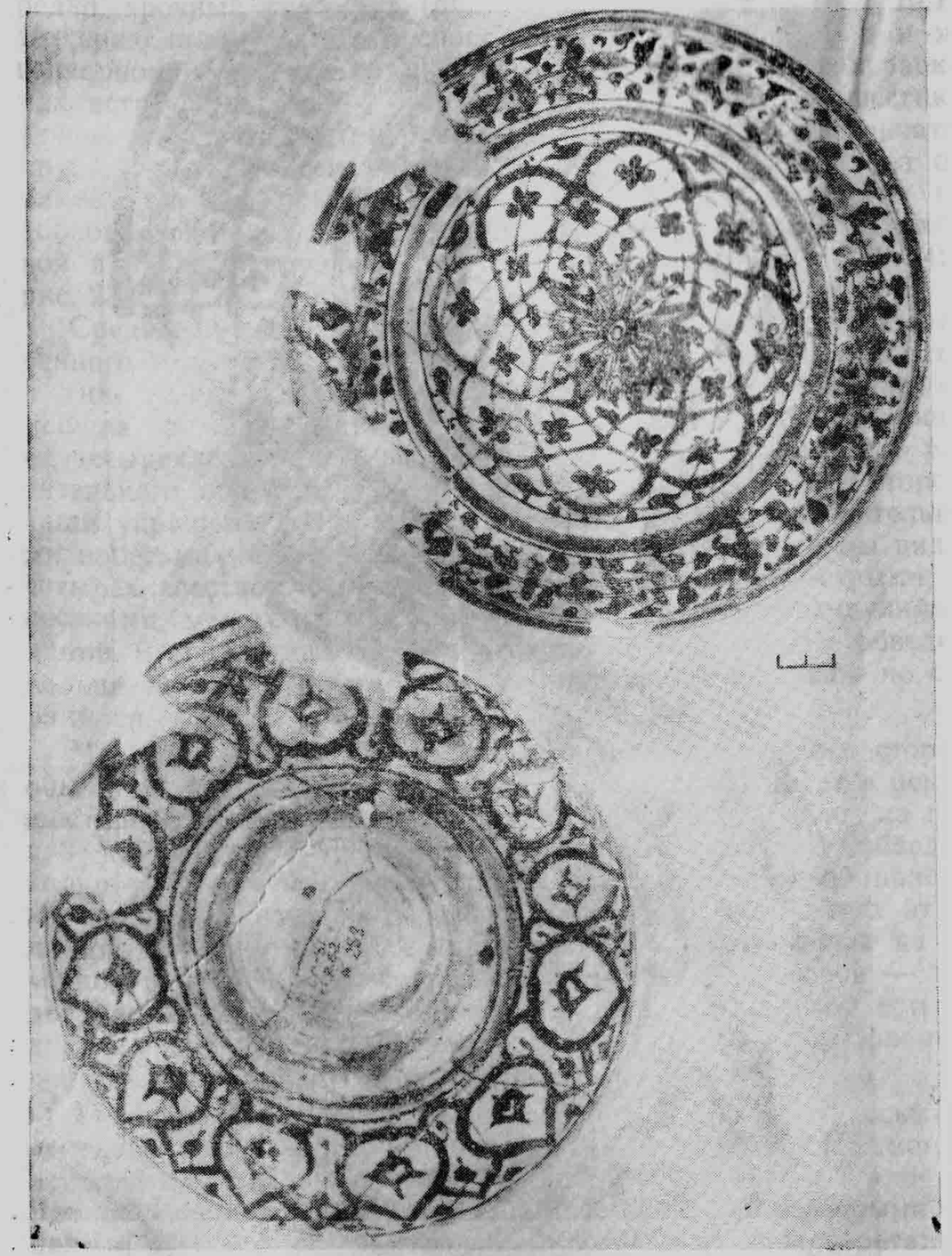


Рис. 20. Кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью без рельефа

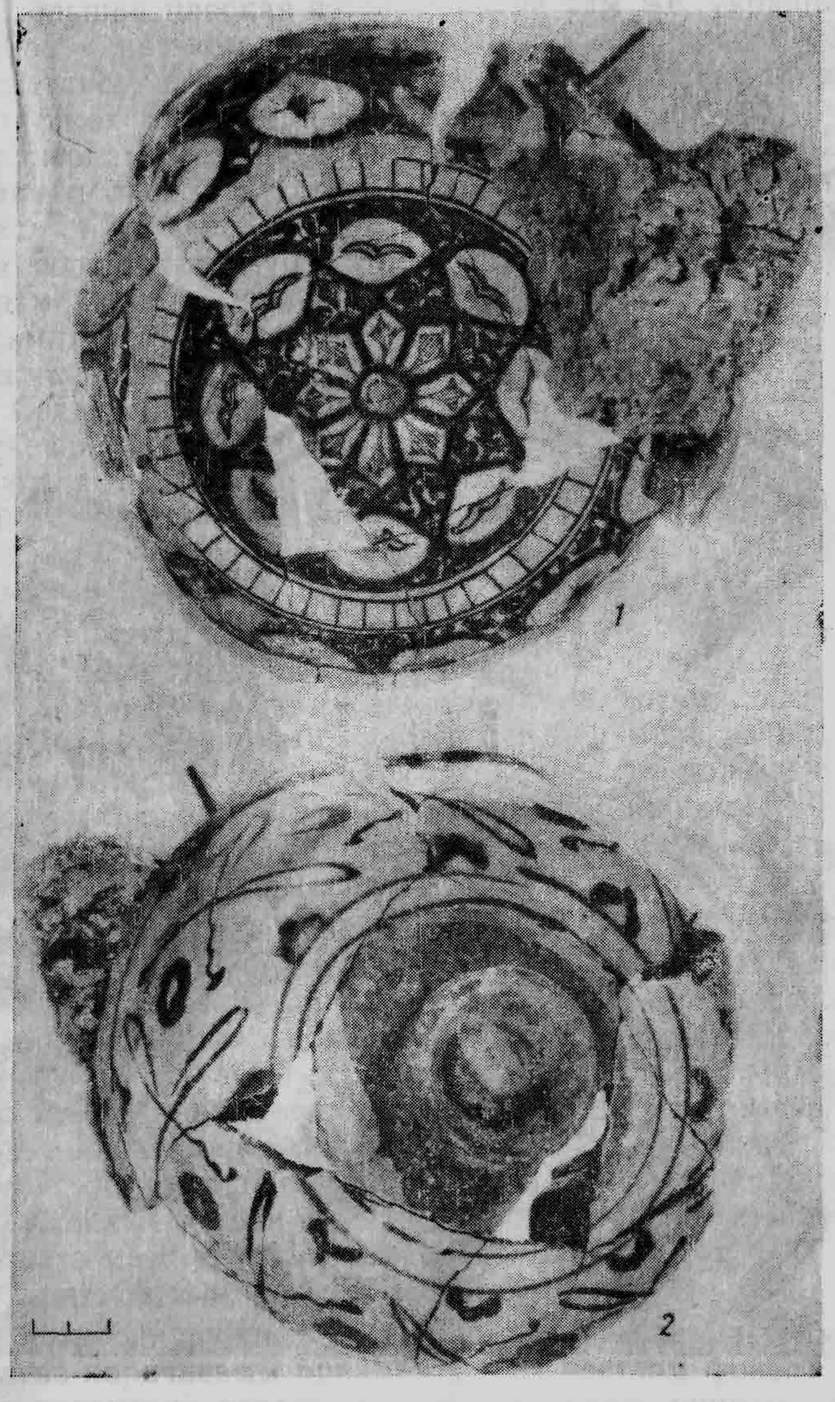


Рис. 21. Кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью без рельефа

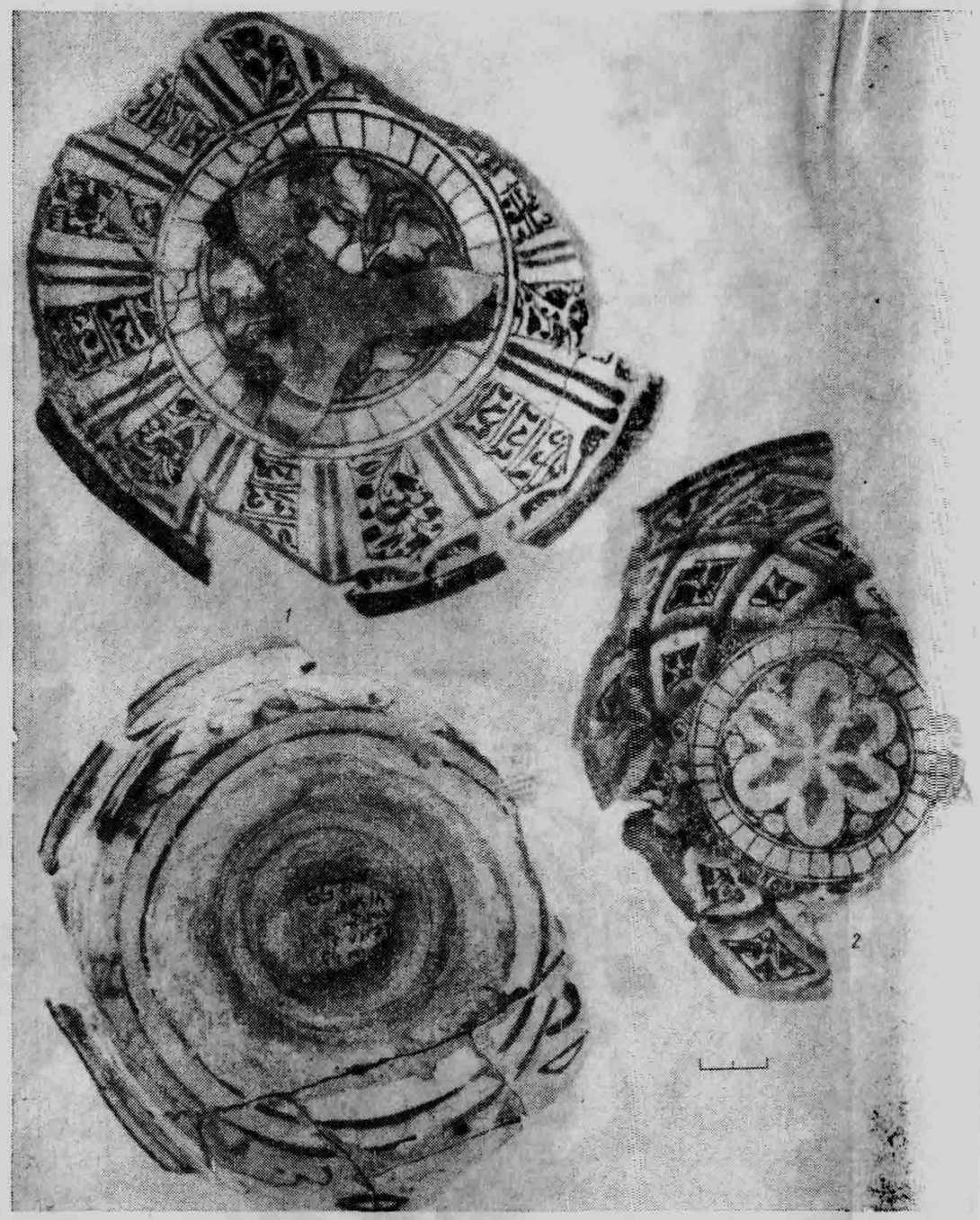


Рис. 22. Кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью без рельеса

ков, в целом образующих розетку; внутри пятиугольников пятиугольники поменьше и в них растительный побег; все это окружено кольцом медальонов тоже с растительными побегами внутри; по краю идет полоса штриховки.

Большая плоская чаша, найдена там же, украшена в центре кругом с цветком лотоса, а вокруг узкий поясок образует, переплетаясь, шесть круглых зон, заполненных косой штриховкой, в ячейках которой помещены трилистники. Между круглыми медальонами — псевдоэпиграфический орнамент. Узкая кольцевая полоса с арочным орнаментом идет по краю чаши (рис. 14,2), а по самому бортику — сплошная полоса. Внешняя поверхность этой чаши украшена обычным крестовидным орнаментом, а на самом дне изображена двойная сложная восьмилепестковая розетка — уникальный случай украшения дна чаши снаружи.

Среди материалов из гончарного комплекса на XI раскопе есть фрагмент чаши, у которой большая круглая зона, занимающая почти всю внутреннюю поверхность, заполнена сеткой из толстых линий и параллельных им тонких с точками в местах пересечения последних (в центре квадратов, образованных толстыми линиями).

Большой фрагмент чаши из того же комплекса показывает сложный декор: в центре восьмилепестковая розетка с заштрихованными лепестками, вписанная в восьмиконечную фигуру, заполненную точками; вокруг нее орнамент из полос и тонких штришков; все это окаймляет кольцевая полоса с псевдоэпиграфическим орнаментом, нанесенным тонкими линиями, а затем кольцевая полоса, сплетенная из двух лент, образующих овальные медальоны, заполненные штриховкой.

Среди сосудов закрытых форм имеется бутыль из Царевского городища без ручки с нижней кольцевой зоной, напоминающей внешнюю орнаментацию чаш, — в виде полосы крестообразных фигур с кругами между ними. Над этой зоной — поясок с поперечными линиями, между которыми расположены изогнутые в виде запятых листья, а фон имеет штриховку. Выше — широкая орнаментальная зона с изогнутой белой полосой, образующей медальоны, в которых помещены розетки, окруженные четырьмя вытянутыми клиньями. Наверху — кольцевая зона с кругами между крестами (59, с. 101; 131, рис. 11; 132, рис. 39; 300, рис. 12; 457, рис. 25).

Есть одноручный кувшин без носика с ультрамариновым и зелено-коричневым орнаментом на светлом фоне. Нижняя часть его расписана вертикальными полосами, упирающимися вверху в горизонтальную двойную полосу. Верхняя часть тулова орнаментирована широкой полосой с круглыми медальонами, внутри которых изображены четырехлепестковые розетки. Между медальонами помещены треугольнички и крестообразно пересекающиеся штрихи и запятые — сильно стилизованный эпиг-

Рис. 23. Кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью без рельефа

рафический орнамент. На горле — вертикальные полосы и группы точек (по четыре) между ними; при переходе от горла к тулову помещена полоса треугольничков (115; 470, рис. 86; 471, рис. 15).

ОРНАМЕНТАЦИЯ КАШИННОЙ КЕРАМИКИ С ПОДГЛАЗУРНОЙ ЧЕРНОЙ РОСПИСЬЮ И БИРЮЗОВОЙ ПОЛИВОЙ

Одни из этих чаш декорировались на внешней стороне крупными каплевидными мазками, которые расположены рядами и направлены острыми концами вверх, наклонно (406, с. 125; 420, рис. 23,*1*; 457, рис. 16; 470, рис. 98). Другие украшались по внешней поверхности крупными точками (по четыре), зубчиками по краю или простыми арками. В некоторых случаях на внешней стороне расположена полоса сетки с крупными точками в местах пересечения линий. Есть чаша, на внешней поверхности которой свободно расположены черные трехлепестковые цветки.

Внутренняя поверхность некоторых чаш часто декорирована точками, сгруппированными по четыре, а внешняя — арочками, т. е. мотивом, заимствованным из орнаментации кашинной полихромной керамики с рельефом. Есть чаша из Старого Орхея, на внешней стороне которой размещены крестообразные фигуры с кругами — мотив декора внешней поверхности полихромных сосудов с подглазурной росписью без рельефа (8, рис. 39).

Известна чаша с росписью под бирюзовой глазурью, у которой внешняя сторона расписана арочками, а внутренняя — полосами с арабским словом «успех» и «павлиньим глазом». Мастер собирался расписать край чаши изнутри пояском косой штриховки с кругами, что характерно для чаш с полихромной росписью и рельефом, нарисовал круги, но передумал и заполнил этот поясок вертикальными линиями, видимо использовав мотив псевдоэпиграфического орнамента.

В орнаментации внешней поверхности чаш есть схемы, заимствованные и из декорирования керамики с кобальтовой росписью, которые будут рассмотрены ниже, например орнаментальная полоса с поперечными двойными линиями и S-видными фигурами между ними.

Таким образом, в керамике с росписью под бирюзовой поливой соединяются мотивы и орнаментальные схемы, взятые из других видов керамики. Но основная масса бирюзовой керамики имеет все же свою собственную достаточно выраженную манеру орнаментации.

Растительные орнаменты представлены чашами с центральным кругом, в котором изображены многолепестковые цветы с несколькими стеблями, растущими как бы из одного корня, с узкими листьями или цветок лотоса. За кругом — широкая

зона крестиков, иногда уменьшающихся к краю (весьма характерный орнамент для этой керамики), затем идет узкая полоса зигзаговидного или сетчатого орнамента и точечный край (471, рис. 26,*5*). На других чашах сходный растительный орнамент в в центральном круге окаймлен кольцевой полосой со светлыми рельефными точками (457, рис. 15, 16; 471, рис. 26,*3*; 472, рис. 54). У некоторых чаш центральный круг заполнен узором из одних узких овальных листьев (471, рис. 26,*1*,*2*). На темных местах рисунка иногда помещали светлые точки.

Есть чаши с цветком лотоса в центральной круговой зоне и с дополнительными листьями, которые напоминают своими очертаниями листья на росписях полихромной керамики с рельефом. В других случаях растительные побеги отличны по своей трактовке от изображения листьев на декоре других групп керамики. Например, фрагмент чаши имеет в центре квадратную сетку, а вокруг — зону растительного орнамента с подтреугольными листьями. На внешней стороне этой чаши — арочный орнамент, характерный для полихромной керамики с рельефом.

Более схематизированным и геометризированным растительным орнаментом представляются те рисунки в центральном круге чаш, на которых изображены сложные четырехлепестковые розетки и крестовидные фигуры с включением в них трилистников и дополнительных побегов, имеющих узкие листы (8, рис. 39; 471, рис. 25,*2*; 472, рис. 47). Одна чаша с таким рисунком имеет боковые стенки, изнутри украшенные трапециевидными медальонами, расположенными по кольцу с растительными побегами и узкими листьями. Фон и центральной композиции, и боковых медальонов заполнен мелкими штрихами. На другой чаше с таким же центральным орнаментом вокруг него идет кольцевая полоса без рисунков, а за ней расположена кольцевая широкая зона орнамента крестиками.

Есть чаша, в центре которой круг с шестилепестковой розеткой, далее — узкий поясок фестончатого орнамента, а ближе к краю — широкая полоса цветков лотоса, трилистников, круглых плодов и узких овальных листьев на тонких стеблях. Лепестки и листья заштрихованы сеткой (409; 412, рис. 114; 472, рис. 53).

Геометрические орнаменты представлены сетками с треугольными и квадратными ячейками, внутри которых располагаются кружочки с тремя выступами или точки. Такие сетки покрывают иногда всю центральную часть чаш. Есть чаши, имеющие обычное внешнее оформление запятыми. Внутренняя сторона одной из них расписана следующим образом: в центре круглая зона с орнаментом в виде прямоугольной сетки, затем кольцевая зона с орнаментом из крестиков и крайняя кольцевая зона из трех переплетающихся полос с белыми точками. На самом краю — белые точки. На другой чаше в центре круг с прямоугольной сеткой из полос с поперечной штриховкой

и дополнительными линиями, им параллельными, и с кольцевой зоной из крестиков. По краю сплошная темная полоса. Есть чаша тоже с сеткой в центре, вокруг которого идут поясок со штриховкой, зона побегов и снова — поясок штриховки.

На керамике этого вида есть зооморфные мотивы. Это изображения зайца (рис. 17,*3*), птиц, часто среди растительных побегов в центральном круге (34, табл. 18,*3*; 35, рис. 15; 289, рис. 7; 420, рис. 24,*1*; 471, рис. 25,*1*; 472, рис. 56). Не встречается изображение водоплавающих птиц.

Эпиграфический орнамент представлен редкими фрагментами чаш этого типа с медальонами, в которых различается сильно искаженное арабское слово «успех». Есть как читаемый, так и нечитаемый эпиграфический орнамент, начерченный тонкой линией по краю чаши (61, рис. 1,*3*). Встречен на одном фрагменте «узел счастья», прорисованный тонкой линией, и часть какой-то надписи рядом с ним (471, рис. 26,*4*).

Сосуды закрытых форм орнаментировались на свой лад. Так, например, имеется кашинный альбарелло, у которого верхняя часть тулова окрашена полосами черного цвета, а нижняя разделена полосами на квадраты, внутри которых — черные крестики (59, с. 104).

Известны фрагменты горшковидных сосудов с носиком и конусовидными налепами, имеющих на внутренней стороне в центре круг с изображением растительных побегов и птиц с точками и штрихами между ними. Обращают на себя внимание листья с выступающим большим «рогом». Аналоги этому элементу декора имеются в орнаментике полихромной керамики с рельефом. На круглой рамке центральной зоны расположены на некотором отдалении друг от друга трилистники с «усиками», завитками с радиальными штрихами. Далее следуют широкая сводная от орнамента кольцевая полоса и зубчатый бордюр по краю. Снаружи эти сосуды имеют верхнюю кольцевую зону с птицами и побегами и нижнюю зону из рядов наклоненных запятых (рис. 9,*1*), а на некоторых сосудах есть орнамент в виде сгруппированных по четыре точек (420, рис. 24,*1*; 471, рис. 24; 472, рис. 50). Горшковидный сосуд с носиком и конусовидными налепами из Старого Орхея имеет на дне восьмилучевую фигуру, между лучами — искаженный эпиграфический орнамент, а на внешней поверхности — арочный орнамент внизу и искаженный эпиграфический орнамент вверху между налепами (1)

На внутренней стороне одного горшковидного сосуда с носиком и налепами расположена круглая зона с побегами и птицами, а по краю ее идет зона со спиральными узорами. На внешней стороне этих сосудов внизу — пояс в виде наклонных запятых, над ним широкая зона с чередованием растительных побегов и орнамента «крестиками», а наверху — поясок из уголков (рис. 18,*2*).

Известен сосуд такой же формы, на внешней стороне ко-

торого внизу расположена зона из трех рядов «запятых», наклоненных в разные стороны, выше — зона, разделенная носиком и выступами на участки, в которых чередуются побеги и сплошное заполнение крестиками. По краю идет темная полоска. Изнутри сосуд декорирован так: от центра отходят радиально тройные бирюзово-черно-бирюзовые полосы. Между ними треугольники с поперечными линиями и штриховкой. Далее — свободная от декора зона с трилистниками, расположенными на удалении друг от друга, и по краю — узор из треугольников (рис. 7,*2*).

Есть горшковидный сосуд, расписанный четырехлепестковыми розетками в шахматном порядке в верхней части внешней поверхности и полосой из арочек — на нижней части внешней поверхности (471, рис. 14,*1*). Эта орнаментация заимствована из группы полихромной керамики с рельефом.

Миниатюрный битрапециевидный сосуд украшен по верхней части горла орнаментом из растительных побегов и птичек (60, рис. 1,*5*). Также орнаментирована чернильница. Другие миниатюрные сосуды украшены простыми вертикальными черными полосами, между ними иногда точки. Такие же сосуды имеют иногда сильно стилизованный эпиграфический узор в виде арабского слова «успех». Миниатюрный сосуд украшен полосой со светлыми буквами на черном фоне, передающими то же слово (25, 1970, с. 177; 473, рис. 1).

ОРНАМЕНТАЦИЯ НА КАШИННОЙ КЕРАМИКЕ С ПОДГЛАЗУРНОЙ КОБАЛЬТОВОЙ РОСПИСЬЮ

Т. В. Скоробогатова и В. Н. Шляхова установили, что эта так называемая «тимуридская» керамика делится по орнаментации на несколько видов. Чаши, по декору наиболее простые, вообще не имеют на внешней стороне орнамента или (редко) украшены вертикальными линиями, упирающимися наверху в горизонтальную линию по краю сосуда. На внутренней стороне таких чаш, иногда с ложковыми стенками в центре, — одна или несколько точек, а по краю идут точки. Имеются чаши с большим числом точек, заполняющих обширную зону в центре, и с розетками из точек, свободно расположенных по всей внутренней поверхности (65, рис. 1,*3—6*; 67, рис. 3,*6*; 444, рис. 2,*1,2*, с. 78, 79).

Развитием этого орнамента можно считать орнамент чаш, у которых края покрыты такими же точками, а в центре — розетка или многолепестковый цветок. Иногда вокруг них помещают розетки из точек (17а, рис. 3,*3*; 444, рис. 2,*3—5*; 445, с. 76, рис. 1). Имеется одна чашечка с такого вида декором и с надписью (471, рис. 28,*3*). Подобные чаши обычно небольшие — диаметром 4—4,5 см.

Чаши более сложного декора имеют на внешней стороне арочный орнамент в виде вертикальных линий, покрытых у

самого края прямой линией (471, рис. 29,*1*) или фигурной скобой (471, рис. 27,*2*, 28,*1*). В арку помещали стилизованный цветок, побег, знак вопроса или спираль (444, рис. 3; 445, рис. 3,*1*). Край на некоторых чашах украшен точками (445, рис. 4,*4*), а на других — сплошной полосой.

Для орнаментации этих чаш внутри типичны полосы у края с растительным орнаментом (444, рис. 4, *5,6*). В этом орнаменте среди побегов с овальными листьями или трилистниками располагали иногда цветы лотоса с овальной, в некоторых случаях заштрихованной (что характерно для этой группы керамики) сердцевиной и двойным листиком над ней и круглые многолепестковые розетки (420, рис. 24,*6*; 445, рис. 3,*2*, 4,*4*; 471, рис. 27,*2*, 30,*4*).

Среди растительных побегов помещали также неправильной формы округлые вытянутые горизонтально фигуры, у которых есть отростки, увенчанные листьями. В других случаях в крайнем орнаментальном кольцевом поясе изображали растительный побег в виде бегущей спирали (412, рис. 119; 471, рис. 27,*1*). Растительные орнаменты помещали в центральном поле чаш (471, рис. 29,*1,2*; рис. 30,*2,3*; 472, рис. 55).

Для размещения зон орнамента на некоторых чашах характерен тот же принцип, который выявлен на некоторых сосудах с полихромной подглазурной росписью, когда боковые внутренние поверхности чаши заняты одной широкой декоративной зоной и не остается из-за этого места для бордюра; он переносится на край внешней поверхности чаши и под ним помещается типичный для внешней стороны узор.

Есть чаша, центр который занят побегом в виде спирали, а по краю идет поясок со стилизованным растительным побегом. Снаружи она декорирована полосами стилизованного побега, поставленного вертикально, а по краю — косыми линиями (445, рис. 2). Имеется чаша, в центре которой расположена точка, а вокруг нее — окружность, от которой вовнутрь отходят пучки листьев. Средние листья наклонены все в одну сторону — против часовой стрелки. Между пучками — змеевидные фигуры. По краю идет широкий пояс с радиально поставленными двойными листьями. Внешняя поверхность орнаментирована сходно с предыдущей чашей (445, рис. 3,*1*).

Встречаются, хотя и редко, при наличии центральной круговой зоны растительного декора разделение боковых поверхностей чаши радиальными полосами на сектора, в которых изображены растительные побеги с цветами и почва, поросшая травой (405, рис. 5,*2*).

Другая схема центрального орнамента, также растительного характера, но более геометризированная, имеется на чаше, у которой в большой круговой рамке помещены сплетенные круги из стилизованных растительных побегов. В каждом круге — цветочная розетка. В бордюре — пышный растител-

ный орнамент описанного вида (25, 1975, с. 160; 444, рис. 3; 471, рис. 27,*2*).

Чаши этой группы имеют иногда в центре цветочный узор в виде побегов, выходящих из одной точки с центральным цветком в виде многолепестковой розетки (444, рис. 4,*7*), а также в виде узловатого корявого дерева с цветами и листьями (65, рис. 1,*8*, с. 138—139). Композиции обычно сохраняют симметрию относительно вертикальной оси, рисунок имеет «верх» и «низ» (444, рис. 2,*7*). В некоторых случаях внизу композиции полосой обозначена земля, из которой вырастает побег. Иногда земля показана с растительностью, переданной штрихами и каплевидными мазками. На одной чаше в большом круге помещены три линии «земли» с растительностью, из которых прорастают три побега с многолепестковыми цветами-розетками, листочками и трилистниками (412, рис. 119; 471, рис. 27,*1*).

Изображались цветочные букеты с осевой симметрией, вырастающие из одного места в обводке центральной зоны. На стебли цветов и побегов наложены какие-то фигуры в виде лент или листьев лотоса (412, рис. 115; 445, с. 77, рис. 4,*1,2,3*; 471, рис. 30,*1*; 472, рис. 48). По краю — пояс с бегущей спиралью или побегом с листьями. Снаружи — обычный для этой группы керамики декор в виде покрытых фигурными скобками вертикальных линий с побегом между ними. Эта схема перешла в декор центральной зоны на некоторых полихромных чашах с рельефом.

Зооморфный орнамент представлен небольшим числом чаш с изображением птицы (445, рис. 5), часто с распластанными крыльями и длинным, как бы развевающимся хвостом, показанным волнистыми линиями. Птица окружена растительными побегами и помещена в большом круге в центре чаши (61, рис. 1,*7*; 65; рис. 1,*10*). Имеются чаши с птицей феникс, показанной в профиль, включенной в пышный растительно-цветочный орнамент с трактованными на китайский манер «облаками» (445, рис. 6,*1*). Есть изображения фазана с загнутым вниз хвостом (445, рис. 6,*2*), цапли у куста лотоса (445, рис. 6,*3*), отдельно стоящей в центральной круговой зоне длинноногой птицы на чаше, имеющей растительный орнамент в кольцевой зоне по краю.

На чашах, расписанных кобальтом, встречаются широкие эпиграфические бордюры с персидскими стихотворными надписями. В центре чаш — круглое поле с растительными побегами и птицами. Известны такие чаши из Царевской коллекции А. В. Терещенко и из раскопок Владимира Волынского (25, 1976, с. 327).

Некоторые чаши с росписью кобальтом имеют ажурный орнамент в технике «рисового зерна» (особый вид орнаментации проколами в кашинном тесте, затянутыми прозрачной поли-

вой). Внешняя сторона этих чаш обычно оформлялась большими треугольными фестонами с растительными побегами и ажурным орнаментом или белой полосой по верху с проколами. Под и над этой полосой также шел растительный побег. Внутренние поверхности чаш имели такой же край и центральные композиции, аналогичные тем, которыми украшались чаши с кобальтовой росписью без «рисового зерна». Употреблялся в бордюрах мотив бегущей спирали (67, рис. 3,*5*; 444, рис. 2,*6*). Есть чашечка с шестилучевой звездой в центре, заполненной растительным орнаментом и с сердцевидными плодами в каждом луче. Между лучами — орнамент в технике «рисового зерна» (444, рис. 4,*1*; 471, рис. 29,*3*).

Особый вид декора представляет чаша, расписанная ультрамариновыми лентами с белыми рельефными точками, образующими общий плетеный орнамент с восьмилепестковой розеткой в центре (471, рис. 22,*1*).

Закрытые формы керамики с кобальтовой росписью имеют орнаменты в виде полосы с цветками-розетками и побегами с листьями (471, рис. 23,*4*). Розетки чередуются с фестонами на горшковидных сосудах, имеющих конусовидные выступы и носик (444, рис. 4,*4*). Нижняя зона сосуда орнаментирована арками с фигурными скобками — характерный мотив для внешней поверхности пиал, расписанных кобальтом.

Вообще следует заметить, что многие горшковидные сосуды, а иногда и бутыли во всех группах поливной керамики с подглазурной росписью орнаментировались так, что нижняя зона внешней поверхности заполнялась мотивом, характерным для внешней стороны чаш соответствующей группы, а верхняя — мотивом, типичным для внутренней поверхности этих же чаш. Таким образом соблюдался принятый в декоре порядок декоративных зон.

Известны четыре бутылеобразных сосуда без ручек из Селитренного городища с ультрамариновой кобальтовой росписью. Они имеют несколько орнаментальных полос разной ширины. На одном сосуде широкая полоса занята медальонами сложного контура с цветками, имеющими сердцевину в виде луковицы и лепестки по краям ее. От цветка во все стороны отходят побеги с пышными листьями. Между медальонами — вертикальные побеги с трилистником, плодами и листьями. Над этой зоной идет окаймленная белыми полосами орнаментальная узкая зона растительного побега и цветов. Горло украшено широкой полосой зигзагообразных линий (412, рис. 117).

Туловище второго и третьего сосудов украшено полосами: на одном с веерообразными листьями, на другом — с листьями и пышными цветками-розетками с заштрихованной круглой сердцевиной, между которыми идут сложные побеги (412, рис. 118; 444, рис. 4,*3*).

Широкая зона на тулове четвертого сосуда такой же формы

украшена фигурой зигзагообразного, извивающегося среди побегов дракона (470, рис. 90).

ОРНАМЕНТАЦИЯ КАШИННОЙ КЕРАМИКИ С ПОДГЛАЗУРНОЙ ЧЕРНО-БИРЮЗОВО-СИНЕЙ РОСПИСЬЮ И АЖУРНЫМ ДЕКОРОМ

Внешние и внутренние поверхности чаш с «рисовым зерном» оформлены по краю полосой из белых овальных, или треугольных, или ромбических фигур с ажуром, между которыми расположен сложный плетеный или псевдоэпиграфический орнамент (67, рис. 3,*4*; 363, рис. 4,*6*; 5,*6*; 420, рис. 24,*3*). У чаш этой группы обычно в центральном круге расположен цветок в виде розетки. Есть чаша, у которой розетка вписана в квадрат. Тот помещен в другой квадрат, а между ними — сложная вязь нечитаемого эпиграфического орнамента с использованием арабского слова «успех». По краю идет широкая полоса с ромбами, заполненная проколами. Эти же ромбы составляют декор внешней поверхности чаши.

Т. В. Скоробогатова реконструировала чашу, на которой изображены шестилучевая звезда в центре, эпиграфический орнамент в медальонах вокруг нее, треугольные и розетковидные фигуры, заполненные проколами, и полоса косой сетки с овалами по краю (363, рис. 3,*3*) — элемент, заимствованный из декора полихромной керамики с рельефом, а также другую чашу этой группы со сходным, но более простым орнаментом (363, рис. 7,*1*).

ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ С БИРЮЗОВОЙ И УЛЬТРАМАРИНОВОЙ ПОЛИВОЙ С РЕЛЬЕФОМ

В керамике этого типа имеются горшковидные сосуды, которые орнаментировались полосой на внешней стороне в виде повторяющегося арабского слова «успех» между рельефными выступами, а также рельефными точками, расположенными под этими надписями. Тонкий слой глазури на месте рельефа создавал эффект белого цвета (8, рис. 40,*5*; 130, рис. 1,*4*).

Обнаружены фрагменты большого сосуда с рельефным фризом, передающим сидящих музыкантов и следующих один за другим всадников, играющих в конное поло. Вокруг — растительные побеги и полоса с эпиграфическим орнаментом — арабские слова «успех» и «слава». Бирюзовая полива всегда внутри сосудов, ультрамариновая — снаружи.

ОРНАМЕНТАЦИЯ КАШИННОЙ КЕРАМИКИ С НАДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ

Обычно такая керамика имеет позолоту тонкой фольгой. Позолоченные детали орнамента всегда обведены красной линией. Преобладающие мотивы полихромного декора на белом фоне, подражающего иранской керамике типа «минаи»: растительный побег с тонкими ветвями, стилизованными узкими листьями, круглыми плодами и многолепестковыми цветами (рис. 13,*3*), двойные или одинарные многолепестковые розетки с прямоугольными лепестками (471, рис. 33,*5*) часто с дополнительными овальными и круглыми листьями. Встречается, как и на других видах поливной керамики, трилистник «с рогом». Характерны фигуры в виде ромбов с маленькими квадратами у острых углов, фигуры в виде буквы «w», вытянутые в ряд, «узлы счастья», прочерченные тонкими черными линиями шестиугольники, составленные из ромбов (239, рис. 4; 405, рис. 3; 412, рис. 100; 471, рис. 33,*4*). Встречается цветок лотоса. Бордюры часто обрамляются растительным побегом с семилепестковыми розетками, листьями со сложным контуром, крупными плодами и точками. У чаш этого типа на внешней поверхности помещают или спиралевидные и волнистые красные линии с синими точками (239, рис. 4), или бордюрные полосы из белых прямоугольников на красном фоне (422, рис. VIII,*3*), или растительные спиралевидные побеги (471, рис. 33,*5*). Есть эпиграфические мотивы (405, с. 3).

На этой керамике встречается эпиграфический и псевдоэпиграфический орнаменты (471, рис. 33,*4*).

Для керамики с полихромной красно-бело-золотой росписью на ультрамариновой поливе характерны некоторые мотивы, встречающиеся и на керамике с белым фоном и надглазурной росписью, в частности позолоченные шестиконечные звезды-розетки, w-образные фигуры. Известен бутылеобразный без ручки сосуд из Царевского городища с нижним орнаментальным поясом, заполненным такими звездами в круглых медальонах. Между медальонами тонкий растительный спиралевидный орнамент, главным образом белыми линиями. Над этой зоной — окаймленный белыми линиями поясок с w-образными узорами, проходящий по середине тулова сосуда, в самом его широком месте. Над ним — широкая зона с большими кругами, в которых помещен геометрический узор, составленный из шестилепестковых розеток, у которых каждый лепесток — это ромб, начертанный красными линиями, с белыми точками внутри. Между кругами — белые спиралевидные растительные побеги и шестилепестковые позолоченные звезды-розетки. Верхний узкий поясок составлен из w-образных фигур (132, рис. 40; 412, рис. 102, 103). Пояски из w-образных фигур, видимо, являются сильно стилизованным эпиграфическим орнаментом, восходящим к куфическим арабским буквам.

Есть фрагменты полихромных чаш с ультрамариновым фоном, украшенных теми же орнаментальными элементами, что и вышеописанная бутыль, но в других сочетаниях (405, рис. *5*,*1*; 470, рис. 99; 471, рис. 31, *1*).

Имеется горшковидный сосуд, украшенный широким эпиграфическим пояском с позолоченными буквами, обведенными

красной линией. Этот поясок разрывается четырьмя круглыми медальонами с многолепестковыми цветками-розетками. Ниже его идет узкий поясок из розеток и вертикальных белых поперечных линий с раздвоенными концами. Вся нижняя часть сосуда занята белыми розетками. По краю сосуда также идет поясок из точек и маленьких розеток, разделенных такими же белыми поперечными линиями с раздвоенными концами (414, рис. 2; 145; 471, рис. 31,*2*, 32).

Из Увека происходит фрагмент кашинной керамики с ультрамариновой поливой и надглазурным золочением, которым нанесены крестообразные фигуры, с углублениями, сделанными до поливы в кашине между этими фигурами.

ОРНАМЕНТАЦИЯ КРАСНОГЛИНЯНОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ С РОСПИСЬЮ АНГОБОМ

Внешняя сторона чаш этой группы обычно не орнаментировалась. Но иногда встречаются арочные орнаменты или упрощенный их вариант в виде вертикальных полос, упирающихся наверху в широкую полосу, идущую по самому краю чаши (66, с. 81, табл. II, *3—6*). Имеются чаши с такими полосами на наружной поверхности и сплошным покрытием ангобом без орнамента изнутри (66, с. 81).

На некоторых чашах в центре помещали цветок-розетку, от которого отходят побеги растительного орнамента с круглыми, собранными в розетку сложными цветками. В отдельных случаях встречается цветочный орнамент в виде букета — мотив, заимствованный из декора кашинной керамики с росписью кобальтом (471, рис. 35,*1*).

На одной чаше изображен в центральном круге цветок лотоса и побеги, вырастающие из одной точки в сердцевине цветка. Крайние концентрические полосы заняты стилизованным эпиграфическим орнаментом и ромбами (471, рис. 35,*2*). Внешняя сторона этой чаши имеет упрощенный арочный орнамент. На другой чаше, также с арочным орнаментом снаружи, упрощенным до простых вертикальных линий, на внутренней поверхности нанесены вокруг пустого круга в центре и на краях сосуда арочки с точками в середине. Встречаются элементы декора «павлиний глаз», запятые, трилистники, звезды в центре чаш (471, рис. 34,*2*), медальоны с растительным побегом.

На одной чаше вся внутренняя поверхность, кроме небольшого кружка в центре, заполнена крестообразными фигурами, свойственными бирюзовой керамике с черной росписью (66, с. 81, табл. II,*2*), на другой чаше — запятыми, направленными в одну сторону, — мотив, характерный для той же керамики.

На донце одного сосуда ангобом нарисована крестообразная фигура, в каждом конце которой помещено арабское слово «успех». Иногда этот эпиграфический мотив образует, повторяясь, внутреннюю кольцевую зону по краю сосуда.

Эпиграфический орнамент всюду представлен арабским словом «успех» (300, рис. 4,*в*). По стилю аналогичен надписям на полихромной кашинной керамике с рельефом. Есть полоса со словом «успех» в том же примерно начертании на внешней стороне кубковидного сосуда с зеленой поливой (66, табл. II,*2*, VII,*8*; 471, рис. 34,*1*). Все это элементы, заимствованные из декора кашинной керамики.

Распространены в этой группе керамики простые геометрические мотивы. Известно блюдо, центр которого занят сплошным небольшим кружком, а внутренние боковые поверхности — изогнутой и образующей петли линией, создающей деление поверхности на медальоны, в которых (через один) помещены кружки. Между сплошной линией на бортике чаши и этой изогнутой орнаментальной линией помещены растительные побеги (66, табл. V,*8*). На некоторых чашах широкая полоса образует плетение в форме четырехлепестковых розеток с трилистниками в лепестках, с кругом в центре и побегами между листьями (471, рис. 36,*1*).

Найдены чаши, на внутренней стороне которых орнамент состоит из разбросанных по орнаментальному полю кругов с точками (66, с. 79—80; 471, рис. 34,*3*), незамкнутых кругов и т. п. Имеются чаши с простым геометрическим орнаментом в виде круговой зоны, разделенной радиальными полосами на сектора (66, табл. II,*5*). Между линиями помещали точки или спирали. Есть чаши с кружком в центре и фигурами, расположенными кругами, в виде трех линий, соединенных веером.

Встречается также роспись расположенными в шахматном порядке прямоугольниками, внутри которых ангобом нанесены пятна (66, с. 80), а также штрихованными треугольниками, образующими шестилучевые звезды с розетками в центре (471, рис. 37,*3*).

В другом случае роспись ангобом образовала ромбическую фигуру в центре, разделенную на четыре части с точками внутри каждой и радиальные линии, идущие от широкой полосы, расположенной по краю сосуда, почти до центра. На внешней стороне этой чаши помещен упрощенный арочный орнамент (66, с. 80, табл. II,*3*).

Иногда чаша покрывалась неправильной формы пятнами, раскиданными равномерно на всей внутренней поверхности (66, с. 80, табл. II,*7*). В отдельных случаях среди этих пятен помещали орнамент в виде кругов (471, рис. 37,*1*). Есть чаша, у которой вся поверхность заполнена беспорядочно расположенными трилистниками (66, табл. II,*4*). Имеется чаша, украшенная написанными ангобом узкими с кружочками полосками или простыми сплошными полосками, расположенными взаимоперпендикулярно на поверхности чаши (66, табл. II,*1*).

Встречаются вихревые розетки в центре чаши, иногда с кольцевой зоной из ряда розеток, а иногда с эпиграфическим

мотивом (34, рис. 24; 61, рис. 2,*4*; 66, табл. II,*6*; 300, рис. 4,*a*,*c*; 471, рис. 34,*1*).

Из района гончарных горнов на XI раскопе Селитренного городища происходит серия расписанных ангобом чаш, на которых центральное поле занято розетками с полосой эпиграфического орнамента по краю, а внешняя сторона украшена арочным орнаментом (рис. 24,*2*). Иногда между этими зонами располагался поясок из двух перевитых между собой лент. Иногда эпиграфический орнамент заменяется полосой сложных медальонов с точками. Есть чаша из той же мастерской с растительным побегом в центральной зоне, заключенной в десятилучевую звезду и усеянной пятнами с полихромной подцветкой. Крайняя ее зона заполнена эпиграфическим орнаментом, воспроизводящим арабское слово «успех». На другой чаше оттуда же пятна разного цвета наложены на довольно сложный орнамент, образующий крестовидную фигуру с побегом в секторах.

ОРНАМЕНТАЦИЯ КРАСНОГЛИНЯНОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ С ГРАВИРОВКОЙ И РЕЗЕРВОМ (СГРАФФИТО)

Эти чаши на внешней стороне не имеют, как правило, орнамента или, очень редко, имеют декор в виде вертикальных линий.

Внутренняя центральная часть чаш часто занята пересекающимися полосами, образующими крест или розетку (34, рис. 4; 66, табл. IX,*1*) или сетку (422, табл. V,*31*). На некоторых чашах в центре — небольшой квадрат, образованный широкими полосами (66, табл. VII,*2*, *6*). Этот мотив есть в керамике с росписью ангобом и красками (66, табл. V,*1*), На других чашах центральная композиция состоит из прямых и волнистых линий, пересекающихся в центре. Образуются как бы сужающиеся к центру радиальные полосы или сектора с волнистыми или спиральными линиями внутри них, с косой штриховкой, кругами и т. п. (66, табл. V,*2*). Иногда в секторах располагаются через один два орнаментальных мотива. Радиальный орнамент в центре чаши иногда соединяется с кольцевыми орнаментальными зонами, идущими по краю.

Наиболее распространены в центральном поле чаш звезды, розетки (рис. 25,*4*), трехконечные или четырехконечные фигуры, иногда из трилистников с различного рода линиями внутри них (штриховкой, плетенкой, прямыми и волнистыми линиями, «елочкой», завитками и т. п.), часто со спиралями между лепестками (66, табл. III,*1*, VII, *1*,*4*; VIII,*2*; 139, рис. 9,*6*; 405, рис. 5, *3*; 422, табл. VII,*3*, *4*, *7*—*9*, *11*, *13*). В отдельных случаях мотив центральной розетки соединяется с радиальными полосами, а в центре помещается еще квадратик, часто с кружком посередине. Иногда розетка покрывает всю поверхность чаши

Рис. 24. Красноглиняные чаши: *1* — с гравировкой и голубой поливой; *2* — с росписью ангобом и желтой поливой; *3* — с гравировкой и желтой поливой

Рис. 25. Красноглиняные чаши с гравировкой: *1* — желтая полива; *2,3* — зеленая полива

66, табл. III,*4*). Найдена чаша, у которой трехлепестковая розетка со спиралями между лепестками полностью занимает внутреннюю поверхность.

Имеется чаша с четырехлепестковой розеткой в центре, заштрихованным фоном и несколькими кольцевыми зонами вокруг нее, с зигзаговидным узором в одной из крайних зон (рис. 24,*3*). Применялся мотив вихревой розетки (471, рис. 43,*1*). Иногда линии, образующие вихревую розетку, круто загибались в обратную сторону.

Встречаются рисунки в виде медальонов, похожих на луковицы, с изображением цветка или со спиралями (139, рис. 10,*1,2,4,5*; 422, табл. V,*33*, VII,*10,12*; 471, рис. 40,*3*).

Характерен для таких медальонов цветок-трилистник с двумя большими округлыми лепестками и узким острым лепестком посередке (422, табл. V,*33*, VII,*3,10*). На одной чаше луковидные медальоны с такими цветами образуют радиальную композицию, чередуясь с четырьмя острыми листьями центральной розетки (422, табл. VII; *3*).

Есть чаши, украшенные пятью овальными медальонами, образующими в центре пятиугольник с дуговидными сторонами. Медальоны заполнены спиральными линиями. Имеется чаша с четырьмя овальными медальонами, которые создают в центре четырехугольную фигуру с дуговидными сторонами и крестовидной розеткой в центре.

На чашах этой группы распространены различного рода плетеные из широких полос фигуры с заполнением фона главным образом спиралями (66, табл. III,*3*, IV,*3*; VIII,*3*; 470, рис. 83; 471, рис. 38,*1*). Переплетающиеся полосы образуют фигуры в виде четырех луковиц (рис. 25,*1,2*), между которыми изображены спирали, пятиконечной звезды с кругами и спиралями в центре и лучах, многолепестковых розеток и т. п.

Из Сарайчика происходит чаша с кольцевой зоной из двух переплетающихся широких полос со штриховкой в образуемых плетением кругах, с маленькой розеткой в центре и крайней кольцевой зоной, заполненной зигзагом (21, рис. 4).

Есть чаша, в орнаментальной схеме которой соединен мотив центральной шестилепестковой розетки и расположенной в ее центре плетеной фигуры из трех овалов (139, рис. 10,*3*; 422, табл. V,*32*).

Встречаются чаши с квадратом в центре, вписанным в круг. В сегментах — спирали, в центре — небольшой кружок. Известна чаша, у которой центральный круг заполнен параллельными широкими полосами с волнистыми и спиральными линиями.

Есть чаша, на дне которой помещен двойной круг с дужками внутри него. Встречаются чаши с фигурой, образованной шестью дугами в центре и кольцевой зоной вокруг нее, созданной переплетением двух полос, каждая из которых имеет

посередине гравированную линию с точками. Полосы, пересекаясь, образуют круги, заштрихованные косой сеткой (35, рис. 12; 471, рис. 38,*2*).

Хотя геометрические мотивы преобладают, но есть и растительные: ветви и плоды граната, изогнутый побег с овальными, часто заштрихованными и фигурными листьями, цветы и спиральные ветви (66, табл. VII,*1*, VIII,*1*; 471, рис. 39,*1*, 40,*1*, 41,*1—3*). Иногда растительные побеги изображены вырастающими из земли, представленной дугой в одной части круга (66, табл. IV,*5*). Есть чаша с изображением, видимо, стилизованного цветка в большом круге (66, табл. III,*5*). В некоторых случаях (рис. 25,*3*) растительные побеги и листья сильно геометризированы (66, табл. IV,*4*; 139, рис. 9,*4,5*; 422, табл. VII,*1*; 471, рис. 40,*2*, 42,*1—3*).

Зооморфные мотивы представлены птицами с длинными ногами (422, табл. V,*30*), иногда со сложным рисунком внутри контура туловища. Вокруг птиц помещаются растительные узоры в виде одного или двух листьев граната (66, табл. IV,*2*). На чаше с гравировкой с полихромной подцветкой из Увека есть изображение павлина (66, с. 95). Обнаружена чаша, в центральной зоне которой изображены листья и плоды граната, вырастающие из одной точки, и фигура оленя на их фоне — старинный мотив, означающий мировое дерево (ср. 371, рис. 136). По краю идет эпиграфический орнамент — арабское слово «успех» (рис. 24,*1*), прерываемый розетками. Встречаются изображения рыб с чешуей и хвостом в виде трилистника с дополнительными растительными побегами (66, VII,*7*; 412, рис. 134; 470, рис. 84, 85). Имеется одно блюдо с изображением льва с заполнением фона радиальными линиями. Есть фрагмент сосуда с изображением зайца (139, рис. 10,*7*; 412, рис. 101; 422, табл. VII,*2*; 470, рис. 97; 479, рис. 48).

Сосуды закрытых форм орнаментировались по-другому. Ниже мы опишем альбарелло из Царевского городища, найденные при раскопках А. В. Терещенко. Альбарелло часто расписывали вертикальными орнаментированными полосами по цилиндрической части тулова, между которыми помещали вертикально поставленные спиральные линии (66, с. 88; 471, рис. 39,*2*, *3*), а также наклонными линиями, передающими как бы винтовую нарезку по сжатому с боков цилиндрическому тулову, с арочным завершением сверху. Во многих случаях сосуды этих форм украшали кольцевыми полосами с простыми геометрическими фигурами, такими как зигзаг, елочка, штриховка, в верхной части тулова (300, рис. 6).

Другие альбарелло, в том числе и найденные на Селитренном городище, украшены по цилиндрической части тулова овальными, заостренными книзу или линзовидными фигурами. А между ними — прямоугольники, треугольники, спирали, листья, круги, косая сетка штриховки (66, с. 88, 89; 131,

с. 41, 42; 300, рис. 6). Найдено альбарелло с широким поясом из плотно прижатых друг к другу овалов, в каждом из которых спираль. По горлу — узкие пояски из зигзагов (194, с. V). Есть альбарелло с арочным орнаментом по цилиндрической части тулова и спиралями между арками. Встречаются альбарелло, цилиндрическая часть тулова которых украшена вытянутыми вертикальными прямоугольниками с орнаментом елочкой внутри них; кольцевые полосы в верхней конусовидной части украшены стилизованным эпиграфическим мотивом (66, с. 89).

Имеется альбарелло, орнаментированное двумя кругами с геометрической фигурой внутри них на противоположных сторонах цилиндрической части тулова; между ними — линзовидные фигуры; вся остальная поверхность орнаментирована вертикальными линиями (66, с. 91). Имеются варианты этой схемы орнаментации с четырьмя кругами. Известно также альбарелло, у которого вся цилиндрическая часть тулова заполнена штрихованными и пустыми квадратами и прямоугольниками в шахматном порядке; верхняя коническая часть горла орнаментирована прямоугольниками с косой штриховкой (66, с. 98).

Найдено альбарелло с зеленой поливой. Внизу — зона между двумя горизонтальными линейными полосками, разделенная вертикальными линейными полосами на прямоугольники, внутри которых изображены фигуры в виде елочек. Выше расположена широкая зона с дугами по верхнему и нижнему краю. На плечике — поясок из дуг, на горле — бегущая спираль. На Царевском городище обнаружен кувшин, украшенный следующим образом. Его тулово разделено горизонтальными линиями на три орнаментационные зоны. Нижняя — в виде узкого пояса — имеет спиралевидные узоры, разделенные вертикальными линиями. Средняя — в виде широкого пояса — имеет четыре прочерченные двойной линией арки с кружочками между линиями. Внутри арки в технике резерва нанесены изображения деревьев, напоминающих пирамидальные тополя. Между арками — косая сетка, ромбы и розетки. Верхняя зона — на коническом горле — представляет собой узор в виде вертикальных и горизонтальных полос; в образованных таким образом прямоугольниках через один — кресты и точки (66, с. 91).

Есть горшковидный сосуд с прорезными коническими нашлепами и носиком, у которого тулово покрыто элементами растительных побегов, тесно прижатых друг к другу (рис. 26).

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ ДРУГИХ СТРАН НА ПОЛИВНУЮ КЕРАМИКУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Сходный с нижневолжским комплекс поливной кашинной керамики имели памятники золотоордынского времени на Ура-

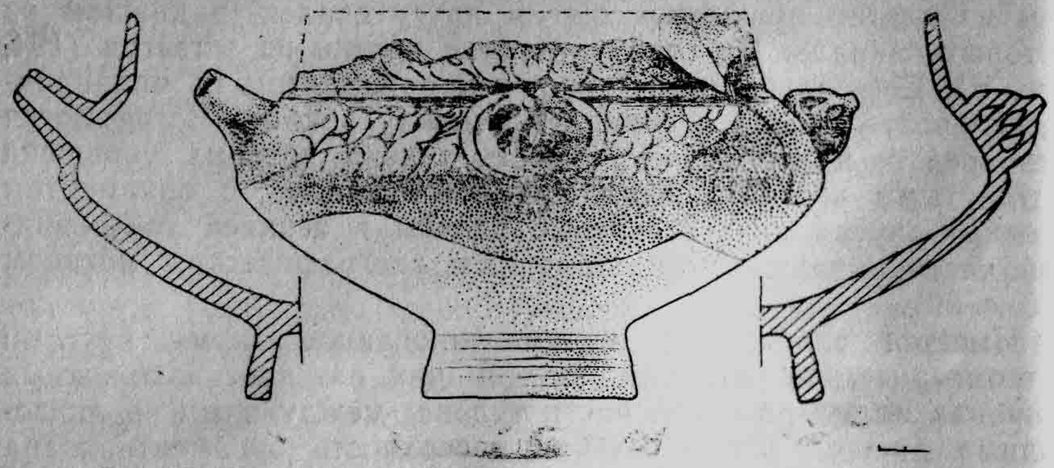


Рис. 26. Красноглиняный сосуд с гравировкой, зеленая полива

ле — Сарайчик (9, с. 187—193) и в степном Северном Кавказе — Маджары (154) и в какой-то степени Азак. В будущем, несомненно, выявятся локальные различия в орнаментации кашинной керамики в этих центрах. На западе Золотой Орды (в Крыму, Приднестровье, на Днепре) кашинные изделия встречаются редко, видимо только как импорт из Поволжья (1; 8, с. 70—80). Красноглиняная поливная керамика этого региона, кроме сосудов крымского типа, дает близкие аналогии нижневолжской (ср. 8, 62—70; 318, табл. XXXI—XXXVIII).

Кашинная керамика появляется в Средней Азии еще в предмонгольское время (248, с. 355). Орнаментация и техника изготовления этих сосудов с полихромной росписью и с черной росписью под бирюзовой поливой имеют теснейшие аналогии в керамике Хорезма и городов, расположенных в низовьях Сырдарьи. Это отмечено давно, и был высказан тезис об участии хорезмских мастеров в сложении керамического ремесла золотоордынских городов (59, с. 95; 89, с. 320—324, рис. 29,*1—4*, 34, 35; 130; 194, с. 86, 87; 231, с. 104—106; 232, с. 66—68, 70, 79, 92; 457).

Влияние это, несомненно, было. Но в общих чертах орнаментация этой группы керамики в Хорезме и Золотой Орде складывалась, возможно, одновременно, как общий стиль Золотой Орды. Есть аналогии керамике этого типа по технике, иногда со сходными орнаментальными элементами, и в более южных областях Средней Азии (65, с. 137). В частности, мотив «павлиньего глаза» и «листьев папоротника», характерный для керамики с полихромной подглазурной росписью с рельефом, радиальные композиции с полосами, заполненными эпиграфическим орнаментом были известны в керамике Средней Азии и Ирана еще до монгольского завоевания (61, с. 49; 363, с. 102; 477, с. 53, № 55 Н).

Аналогия золотоордынским чашам с полихромной росписью с рельефом, изображающей птицу, может быть указана среди находок из Хамы (Сирия) (461, рис. 133).

Керамика с черной росписью под бирюзовой поливой, известная в Иране еще в XII столетии, широко распространилась по всему мусульманскому миру в XIII—XIV вв. (328, с. 95). Есть она и на Кавказе. Одинаковая по технике и цветовым сочетаниям, эта керамика разнится в каждом районе по сюжетам и мотивам росписей (61, с. 51).

Сюжет играющих в конное поло и сидящих музыкантов среди растительных побегов в золотоордынской керамике заимствован из поливного декора керамики Ирана (459, с. 201, 208, табл. 21; 468, с. 61—63, 108—109, № 48).

Надглазурные полихромные росписи на белом и бирюзовом фоне, несомненно, являются переносом иранской домонгольской техники «минаи». Они находят аналогии и в более поздней (XIII—XIV вв.) керамике в Иране и Средней Азии, особенно в Хорезме (232, с. 74—75). Иранские и среднеазиатские параллели золотоордынской керамике с полихромной надглазурной росписью по ультрамариновому фону многочисленны и очень близки, главным образом, в архитектурной керамике Средней Азии и Азербайджана. Есть элементы декора в кашинной золотоордынской керамике, сходные с декором малоазиатской раннеосманской художественной керамики XIV в. (463, табл. 29).

Таким образом, нам представляется, что многие элементы декора золотоордынской и хорезмской кашинной керамики зародились в Иране, быть может, более широко — на Среднем Востоке, еще до монгольского завоевания в процессе образования нового стиля декоративно-прикладного искусства в сельджукидскую эпоху. В монгольское время и в Средней Азии, и в Золотой Орде складываются новые художественные стили на основе взаимопроникновений, смешения традиций, характерных для этого времени. Золотоордынская кашинная керамика воспринимает многое из декора Средней Азии и Ирана, но в целом создает свой стиль художественной керамики, свои схемы орнаментации. В Хорезме, вероятно, несколько раньше, так как там были древние навыки производства поливной керамики, а затем и в Поволжье сложился этот вариант нового стиля. Полнее всего он проявился в полихромной кашинной керамике. Керамика с ажуром («рисовое зерно») появляется в Иране и в Закавказье в XI в., а в Средней Азии — в XII в. Первоначально эта техника была связана с изготовлением фаянсов, подражающих китайскому фарфору, хотя на китайском фарфоре ее не было. Заметим, что и в золотоордынских городах она применяется в подражание китайским фарфоровым сосудам с кобальтовой росписью (89, с. 324; 232, с. 68—69; 194, с. 76; 248, с. 355; 442, с. 31, 34, 38, 39; 468, № 14).

Воздействие китайского фарфора на сложение керамического декора Золотой Орды, Средней Азии и Ирана шло в этих

районах параллельно, одновременно и последовательно, опосредованно: одни регионы заимствовали китайские элементы у другого. Влияние китайского фарфора с синей росписью кобальтом на кашинную керамику с синей кобальтовой росписью по белому фону несомненно. Оно чувствуется в изделиях с богатой растительной орнаментацией — в трактовке цветов, побегов изогнутого дерева, облаков, птиц, драконов, а также в оформлении внешней поверхности вертикальными линиями с фигурной скобкой сверху.

На первоначальных этапах своего становления этот вид керамического искусства, который начался со скромных точек в центре, постепенно разросшихся в цветы-розетки, не обнаруживает такого воздействия. Мотивы, заимствованные из фарфора на этой керамике, как мы видим, совмещаются с собственно золотоордынскими мотивами (444, с. 85—86). Аналогичный процесс сложения декора керамики с кобальтовой росписью шел в Средней Азии и на всем Среднем Востоке (65, с. 140; 328). Из фарфора с кобальтовой росписью заимствованы формы бутылей, появившиеся в юаньскую эпоху.

Китайский мотив букета цветов с горизонтальной линией внизу, характерный для керамики с росписью кобальтом, отразился и в полихромной кашинной керамике с рельефом, причем цветы и листья нарисованы так, как принято было в этой группе керамики: цветы в виде шестилепестковой розетки, листья в виде трилистников с большим «рогом». Таким образом, китайские элементы проникали не только в кобальтовую, но и в другие группы керамики золотоордынских городов.

Китайский селадон породил в золотоордынских городах подражание — кашинные сосуды, иногда чаши с волнистым краем, а также плоские круглые фляги, покрытые непрозрачной салатного цвета поливой (так называемый «псевдоселадон»). Он производился в мастерских Селитренного городища (раскоп II). Псевдоселадон был известен в золотоордынском Хорезме (232, с. 77).

Особенно широко был распространен в керамическом декоре китайский мотив цветка лотоса. Исследователи типологии цветка лотоса А. А. Спицын, М. Г. Крамаровский и др. показали изменения, которые этот китайский мотив претерпел в Золотой Орде, на Переднем и Среднем Востоке и в Средней Азии, в частности отделение и искажение пестика цветка (214, с. 67; 379).

Орнамент китайского типа, встречающийся в поволжских городах Золотой Орды на внешней стороне чаш с кобальтовой росписью, — вертикальные линии с покрытием их фигурными скобками — известен в Отраре XIII—XIV вв. на красноглиняной посуде (10, рис. 7,*3*, 9,*3*, 10,*2*). В Золотой Орде кроме керамики с кобальтовой росписью этот же элемент встречается на кашинной полихромной керамике без рельефа, но на внутренней поверхности.

Следует отметить, что в Отраре в слоях XIV — начала XV в. встречаются красноглиняные, реже кашинные, чаши, имеющие в росписях аналогии декору золотоордынской кашинной керамики. Например, розетки с клеточной штриховкой и с точечным фоном (195, с. 136—137), блюда с центральной розеткой и радиальными полосами с растительным побегом (195, с. 135), альбарелло с черной росписью под бирюзовой поливой (195, с. 139), чаша с такой же росписью, имеющая арочный орнамент на внешней стороне (135, с. 167), крестовидные фигуры (195, с. 169), чаши с черной росписью под бирюзовой поливой с орнаментом в виде квадратов с точками в середине сторон и в центре (195, с. 186, 187).

Обратимся теперь к красноглиняной поливной керамике. Некоторые узоры и в этой керамике с гравировкой и резервом имеют аналогии в среднеазиатской керамике предмонгольского и золотоордынского времени: ср., например, плетенки на дне селитренской чаши (66, табл. VII,*3*) и чаши XIII в. из Эски-Асхи — Ахсикента (188, рис. на с. 148,*8*).

Прослеживаются аналогии некоторым орнаментационным мотивам красноглиняной поливной керамики в керамическом комплексе Отрара Сузака, Кумкента и Тараза монгольского времени (169). Например, радиальные линии, образующие в центре квадрат (195, с. 176, 180), орнаментальный элемент в виде луковицы (195, с. 175, 180, 181; ср. орнаменты на некоторых предмонгольских чашах из Культепа в Северной Уструшане — 136, рис. 2,*1*), радиальные полосы и точки между ними, нанесенные ангобом (10, рис. 4,*3*, 67,*9*; 32, с. 130; ср. 66, табл. II,*1*,*5*), запятые, образующие кольцевые зоны (10, рис. 67,*8*; ср. 66, табл. II,*6*; ср. также чаши из Семиречья, Тараза, Отрара — 66, табл. VII,*2*,*6*; 195, с. 145, 146; 360, табл. XII,*29*). В Отраре в слоях XIV в. обнаружены горшковидные сосуды с коническими налепами (195, с. 157), бутылеобразные сосуды (195, с. 183), аналогичные золотоордынским. И в этой группе керамики есть следы влияния китайской орнаментики, например мотив двух рыб (412, рис. 134), букета цветов и др. Китайские мотивы бродили во всех сферах золотоордынского искусства, сосредоточиваясь более всего в кашинной керамике с росписью кобальтом.

Красноглиняная поливная керамика с росписью тоже имеет аналогии в среднеазиатском материале, хотя и редкие. Например, подглазурная роспись ангобом под бирюзовой поливой встречается в керамике Отрара, Самарканда и Хорезма (66, с. 96, 97; 195, с. 144; 232, с. 79).

Значительно больше в поливной красноглиняной керамике Золотой Орды элементов, заимствованных из керамики тех районов, где керамическое ремесло складывалось и развивалось под воздействием Византии. Византийские рецепты стекол оказали определенное воздействие, опосредованное через

Крым, на сложение рецептуры золотоордынских полив (66, с. 78).

В Византии, Крыму, на Кавказе, Передней Азии распространяется в XII—XIV вв. роспись ангобами под поливой. Роспись ангобом кругами и по секторам широкими радиальными полосами с волнистыми и спиральными линиями гравировки внутри них восходит, по-видимому, к закавказским и крымским прототипам (66, с. 79, 80; 450, с. 193, табл. XXIV, XXV). Есть аналогии орнаментам в виде цветков, шахматных клеток, ромбов и крестиков в керамике средневековых городов Закавказья (66, с. 80).

Сосуды типа альбарелло встречаются весьма широко и в Закавказье, и в Крыму, и в Египте, и на Ближнем Востоке. Есть они в Хорезме, в Отраре (195, с. 139). Но в Средней Азии их мало. Эта форма была заимствована, по-видимому, из керамического ремесла Закавказья и, может быть, Крыма. Византийские истоки имела, видимо, керамика с зеленой пятнистой поливой.

К закавказским истокам, очевидно, восходит керамика с гравировкой и с росписью по ангобу, на которой границы рисунка не совпадают с цветовыми пятнами. Она имеет близкие аналогии в керамическом ремесле Закавказья, через которое связана тесными аналогиями с керамикой Западной Туркмении XIII—XIV вв. Аналогии в керамике из Ани и Херсонеса имеет чаша со львом в окружениии радиальных линий (422, табл. VII,*2*; 442, рис. 4; 450, табл. XIX, рис. 71а).

Наиболее распространенный вид поливной красноглиняной керамики — с гравировкой и резервом по ангобу — сходен по орнаментации с херсонесской (450, табл. XVII, XX—XXIII) и особенно закавказской керамикой. Ср., например, орнаменты в виде радиальных композиций с цветками между линиями, идущими от центра (66, табл. V,*2*; 442, рис. 15; 455, рис. 91), а также орнаменты в виде четырех полос, сходящихся в центре и образующих в центре квадрат (66, табл. III,*4*, V,*1*, VII,*2*; 150, рис. 3,*1*; 275, табл. XXII, XXIII; 455, рис. 85,*1—3*), плетенки из полос (66, табл. IV,*3*; VII,*3*; 150, рис. 4,*2*; 285, рис. 66; 422, табл. V,*32*; 451, рис. 4,*2*; 450, табл. XVII,*65*; 455, рис. 86,*2*), медальоны в виде луковиц (66, с. 86, табл. VII,*12*; 285, рис. 120; 450, табл. VI,*33*, XXI,*80*; 471, рис. 40,*3*), орнаменты из вытянутых листьев (422, табл. VII,*1*; 450, табл. XXI,*79*), мотив ветвей и плодов граната (180, рис. 11—12; 471, рис. 41,*1,2*). Ср. этот мотив в среднеазиатской поливной керамике X в. (382, рис. 14). Примеры могут быть умножены. Следует заметить, что в золотоордынской керамике этих типов почти нет зооморфных и антроморфных сюжетов, но очень много спиралей, волнистых линий, завитков, а в закавказской и крымской аналогичной по технике керамике спиральных линий мало, но больше изображений зверей и человека (180).

Таким образом, мощный импульс в сложении декора поливной красноглиняной керамики золотоордынских городов Поволжья шел из Закавказья и Крыма. Керамика с желтой поливой имеет особенно близкие аналоги в Восточном Закавказье. Характерно, что ее больше в северокавказских городах — Маджаре, Азаке, чем в Поволжье (66, с. 92).

СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ

Сравнительная бедность форм поливной керамики сочетается с невероятной пестротой и многообразием ее орнаментации. Художники, расписывавшие блюда, обладали фантазией и большой живописной свободой. Поливная керамика предстает перед нами как море красок, ярких, разнообразных, и обилие узоров и композиций. Но это разнообразие и пестрота тем не менее обладает определенным стилем.

Белая пористая масса кашина в качестве той основы, на которую наносились прозрачные и цветные глазури, давала им особую светосилу, делала рисунок ярким, а глазури глубокими, как бы светящимися изнутри. Эффект этот усиливался контрастом между поверхностью округлых стенок чаши, где слой поливы был тонким и легкий рельеф черепка выделял основные линии орнамента, и толстым гладким слоем стекла на дне, под которым мерцали краски росписи.

Характеристика этого художественного стиля не может быть передана одним перечислением орнаментальных элементов и композиций. Для этого пригодны только методы искусствоведческого анализа. Этому мы посвятили специальную работу (412, с. 125 сл.). Повторим здесь только некоторые выводы.

Стиль художественной керамики золотоордынских городов характеризуется прежде всего живописной тенденцией, которая выражалась в следующих явлениях:

— придание всей орнаментальной системе ощущения общего всепроникающего движения, объединяющего все части декора;

— смазанность линий, стремление нарушить четкость рисунка и линий ради создания общего живописного эффекта;

— расцвечивание орнамента разноцветными точками, создающими рефлексы на поверхности изделия и также общее живописное впечатление от нее;

— придание в ряде случаев узору ориентации «верх—низ».

Особо значителен удельный вес живописных мотивов в керамике с кобальтовой, ультрамариновой росписью, которые развиваются в живописный и свободный стиль «тимуридской» поры XV в.

НЕПОЛИВНАЯ КРАСНОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ

Неполивная красноглиняная керамика нижневолжских городов Золотой Орды отличается от такой же керамики Северного Кавказа, Молдавии, Крыма (83, с. 106), но сходна с керамикой Азака (117; 262а, с. 25, 38, 39). Формы ее были классифицированы С. М. Михальченко и мной (273; 420, с. 207—212; 471, с. 100 — 123; 472, 82—89). Эта классификация несовершенна, и еще предстоит создать всеохватывающую классификацию этого вида керамики.

Красноглиняная неполивная керамика в поволжских городах составляет 80—90% всей керамики, находимой в бытовых комплексах. Кроме некоторых хумов, вся она изготовлена на гончарном круге. Глина не отличается существенно от теста красноглиняной поливной керамики. Ручки неполивных красноглиняных сосудов овальные, иногда почти плоские в поперечном сечении. Кольцевых поддонов неполивная керамика (за исключением кубков) не имеет.

Один перечень категорий красноглиняной неполивной керамики говорит о большом ее разнообразии. Особенно разнообразны размеры и формы кувшинов (420, с. 207; 471, рис. 45—46). Есть двуручные амфоровидные сосуды с плоским дном (471, рис. 47,*1,2*). Есть кувшины с носиком и без него. Встречаются горшковидные сосуды с петлевидными ручками (471, рис. 44,*1,2*), котлообразные сосуды, которые отличаются обычно более серым тестом, имеющие по две горизонтальные или вертикальные ручки в виде лопастей с пальцевыми вмятинами (471, рис. 44,*3,4*; 56,*4*), миски (471, рис. 47,*7—10*), чаши и тарелки (471, рис. 48,*1—4*, *10—13*), кубки (471, рис. 47,*4*), тазы типа среднеазиатских ямов и тагора (471, рис. 49,*7,8*), хумы без ручек и хумчи с ручками (471, рис. 49,*3—6*), сосуды для водоподъемных колес типа среднеазиатских дигирных (471, рис. 47,*5,6*), туваки — детские горшочки (471, рис. 47,*3*), копилки (471, рис. 48,*15,16*), круглые и прямоугольные сосуды с низким бортиком типа сковороды (471, рис. 49,*1,2*). Изготовлялись водопроводные трубы-кубуры (423, табл. II,*17*; 418, рис. 49,*9*; 471, рис. 49,*9*), светильники (471, рис. 48,*17,18*; 54, *1,2*) и кожухи для светильников, хорошо известные в Средней Азии (471, рис. 54,*5*), пряслица и грузики (422, табл. II,*24*; 423, табл. I,*18*, *25*, II,*18*, VI,*5*), свистульки (88; 422, табл. V,*26—27*; 471, рис. 42,*5*), сосуды с ситечком, которые мы считаем блохоловками (внутрь такого сосуда клалась клейкая приманка и его помещали под одежду или покрывало (165, таб. III,*9*), фигурки животных — детские игрушки (400, рис. 4; 406, с. 133; 423, табл. III,*9*; VIII, *6—15*; 470, рис. 101; 471, рис. 54,*6*).

Изготовлялись также полые шары неясного назначения с отверстием. Такой шар был найден в Маджаре (269, рис. 1,*2*). На Селитренном городище обнаружен подобный шар, изготов-

ленный путем облепления пластами глины небольшого сосудика. Есть сосуды для изготовления молочных продуктов с дыркой у дна в стенке или с многочисленными дырками в дне (471, рис. 43,2). Изготавливались большие крышки для тандыров (471, рис. 50,*1*) и небольшие — для сосудов (471, рис. 48,*5—9*).

На этой керамике часто встречается орнамент простой горизонтальной врезной полосой по горлу или по тулову. Такой орнамент имели горшковидные сосуды, кувшины, котлы, миски. Горизонтальные врезные полосы дополнялись тройной или четверной волнистой или зигзагообразной линией (471, рис. 55,*6*) или линией в виде фестонов — на хумах и хумчах (34, рис. 6, *1,9,7,8,10*, *1—3*). К этому орнаменту добавлялись также нанесенные зубчатым штампом (471, рис. 57,*3*) косые линии, ряды крестиков или ромбов. Встречаются полосы из простых гравированных линий в виде штриховки (34, рис. 6,*2*).

Наряду с нарезным орнаментом встречается налепной — в виде валиков с вдавлениями пальцев или врезными волнистыми линиями (471, рис. 55,*1,3*, 57,*3*) с отпечатками штампа в виде розетки и ромбов. Такие орнаменты обычны на котлообразных и горшковидных сосудах, на хумах. В соединении с лощением полосами валики встречаются на мисках (34, рис. 11,*6*). Есть налепные кружки с оттисками штампа в виде розетки (471, рис. 42,*4*).

Штампованный орнамент в виде розеток или цветков лотоса часто применяли для украшения котлообразных сосудов (471, рис. 44,*3,4*, 53,*4*, 56,*2*).

Встречается мелкий резной орнамент с заполнением фона точечными наколами. Сосуды с таким орнаментом иногда подражают поливным сосудам — мотивы арочек, бордюрные плетенки, «узлы счастья» (471, рис. 55,*8*).

Известен ажурный прорезной орнамент в верхних частях сосудов. Есть фрагменты сосудов с орнаментом глубокими и широкими врезными вертикальными линиями — фасками (400, рис. 12,*2*), создавшими вертикальное рифление поверхности сосуда.

Найдены сосуды с изогнутыми стенками, в результате чего создаются вертикальные вмятины (471, рис. 55,7).

Имеются венчики крупных котлообразных сосудов с полосой росписи красным или белым ангобом в виде «бегущей спирали», дополненный иногда гравировкой и с полосой ромбических вдавлений (471, рис. 54,*4*). Иногда орнамент в виде волнистых линий коричневой краской наносили вертикально на ручку сосуда, предварительно покрытую светлым ангобом (471, рис. 57,*5*).

Есть стенки больших сосудов, украшенные глубокой широкой гравированной линией, делящей поверхность на правильные геометрические фигуры. Некоторые из них покрыты белым

ангобом и имеют тонкий гравированный узор с точечным заполнением рисунка, другие покрыты лощением (471, рис. 54,*3*).

Очень редко, но все же встречается роспись светлым ангобом в виде точек и линий, воспроизводящих иногда нечитаемый эпиграфический орнамент (471, рис. 50,*2*). Дополнительно сосуд с таким декором украшался обычным орнаментом в виде волнистых линий.

Кувшины часто имели одно, редко два вдавления под ручкой. Ручки в ряде случаев украшались продольными валиками с насечками и налепами, имевшими иногда зооморфные очертания (471, рис. 57,*2,6*). Зооморфные мотивы редко, но все же встречаются и в украшениях других частей сосудов (471, рис. 54,*7*). Например, известен носик кувшина, сформированный и украшенный нарезками в виде головки лошади (471, рис. 57,*1*).

Есть сосуды с красным ангобом и лощением, украшенные налепами в виде сферических шишечек.

Есть орнаментация, подражающая металлическим деталям сосудов. На Селитренном городище было найдено горло красноглиняного кувшина с лощением, с большим сливом, с четырьмя петлевидными ручками для подвешивания под горлом, с двумя симметричными петлевидными ручками на тулове и с вертикальными валиками, с шишечками, имитирующими металлические заклепки (471, рис. 60,*1*).

Больше всего встречается неорнаментированной посуды и орнаментированной линейным или линейно-волнистым орнаментом, который связан с техникой формовки на гончарном кругу. Простота орнаментации говорит о том, что посуду делали в больших количествах на рынок и стремились удешевить и стандартизировать это производство (некоторые количественные данные о распространении видов орнамента см. 273, с. 120—121).

В поволжских городах Золотой Орды неполивную керамику редко покрывали ангобом и полосчатым лощением. Но все же 2—6% керамики имеет ангоб, светлый или темно-красный, и лощение. Лощение чаще встречается на кувшинах с носиком и на кувшинах с двумя ручками. Лощение полосчатое, часто сопровождает красный ангоб. Отсутствие ангоба и лощения восполнялось хорошей глиной и хорошим обжигом. В северокавказских городах XIV в., где ангоб и лощение встречаются чаще, большой процент керамики имеет плохой обжиг.

Многие неполивные сосуды (известно из золотоордынских памятников около 300) имели особые знаки. Большая часть их (свыше 90%) нанесена на ручки кувшинов после обжига. В отбросах гончарных мастерских таких знаков нет. В одних и тех же домах и усадьбах встречаются ручки с разными знаками. Это говорит о том, что их наносили не мастера и не владельцы. Весьма вероятно, что это — знаки торговцев (322;

400, рис. 9,*1*; 405, рис. 11; 420, рис. 30,*2*; 422, табл. III,*7,14*, V,*20,22*, VI; 423, табл. IX,*1—32*, X). Мнение о том, что они наносились сборщиками торговых налогов — тамги, высказал А. П. Григорьев (133). М. Д. Полубояринова показала, что знаки восходят в основном к знаковой системе населения юго-восточных европейских степей, попавших под власть Золотой Орды. Знаки помещали главным образом на тарной керамике, чаще всего на ручках кувшинов (322, с. 204—205).

До обжига на ручку сосуда внизу иногда наносили оттиск клейма-штампа: круглый с розеткой (322, рис. 9,*3*), круглый или прямоугольный с арабскими надписями (322, рис. 9,*6*, 10).

Известно три оттиска на хумах одной печати с написанными арабскими буквами армянским именем, вероятно, печати мастера (218, с. 102—104).

СФЕРОКОНУСЫ

Сфероконусы нижневолжских городов Золотой Орды изготавливались из серо-зеленого очень плотного теста и из обычной красной глины. Орнамент наносился обычно штампом (рис. 27,*2*). Иногда вся поверхность покрыта отпечатками штампа в виде ромбов, кружков или овалов («кольчужный орнамент»), вихревых розеток и т. п. Часто эти кружки или овалы образовывали большие треугольники или ромбы, идущие по верху сосуда (3, рис. 1,*1,5,6,8,10*; 346, рис. 1,*1,7*; 471, рис. 51,*1,2*; 472, рис. 6Д,*1,2*).

Иногда эти отпечатки штампов перемежаются с вертикальными или арочкообразными прямыми линиями, делящими всю поверхность сосуда на сектора (3, рис. 1,*7*; 274, рис. 1,*6*; 346, рис. 1,*9,10*; 471, рис. 51,*3,4*; 472, рис. 60Д,*3,4*).

В других случаях между нарезными линиями в секторах помещали вертикальными рядами дуговидные вдавления, звездочки или отпечатки в виде «пчелиных сот». Иногда овалы и кружки дополнялись крестиками и розетками внутри них и размещались рядами. На некоторых сфероконусах эти ряды образовывались из треугольных отпечатков или из фигур в виде елочки. Есть сфероконусы с тремя орнаментальными зонами: верхней — в виде ряда розеток с штрихами, средней широкой — в виде розеток, окруженных овалами, и нижней — в виде сплошной сетки квадратов с точками и кружками внутри них (274, рис. 1,*7*; 471, рис. 51,*5*; 472, рис. 60Д,*5*). Имеются сфероконусы с антропоморфными изображениями: на Царевском городище — в виде ряда сирен (132, рис. 47; 471, рис. 52,*1*), в Увеке — в виде ряда личин, между которыми располагаются елочные узоры (225, № 29; 274, рис. 1,*2*; 471, рис. 53,*3*). Есть сфероконусы без орнамента или с одиночными отпечатками штампа. На многих сфероконусах на плечиках, свободных от декора, помещали 3—4 оттиска штампа в виде

розетки и другие фигуры. Известны сфероконусы с вертикальными валиками (471, рис. 52,*3*).

Встречаются сфероконусы с горизонтальным членением на зоны врезными линиями (471, рис. 52,*24*). В этих зонах располагаются рядами оттиснутые штампами розетки, овалы, ромбы и т. п. (346, рис. 1,*1,5,6,11*). Иногда поверхность сфероконусов делилась крестообразными косо поставленными фигурами на ромбы и треугольники, заполненные точками (346, рис. 1,*3*). Для орнаментации сфероконусов использовался мотив «узла счастья» (346, рис. 1,*12*). На одном сфероконусе из Царевского городища есть отпечаток штемпеля в виде «крина».

Красноглиняные сфероконусы обычно покрывались только обычными горизонтальными врезными линиями или были без орнамента.

Известен один фероконус с надписью из Увека и два из раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище с оттиском штампа с именами мастеров (218, с. 104; 274, с. 48, рис. 1,*6*; 386, с. 93; 458, рис. 6,*7*; 471, рис. 51,*3*; 472, рис. 60Д,*3*).

Е. Н. Абызова обратила внимание на сходство штампованного орнамента на сфероконусах из Старого Орхея и Костешт с орнаментацией сфероконусов из средневековой Армении (3, с. 174). О сфероконусах из Белгорода-Днестровского см. 210, с. 60—63.

БЕЛОГЛИНЯНАЯ И СЕРОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА

В золотоордынских городах бытовала бело- и сероглиняная неполивная керамика. Такая керамика без штампованного орнамента встречается редко. Это тонкостенные, хрупкие, хорошего обжига сосуды с нарезным орнаментом (471, рис. 56,*10*), часто сложным, иногда растительным, дополненным точечными наколками (400, рис. 12,*3*). Иногда орнамент наносился в виде широких горизонтальных полос, пересеченных вертикальными нарезными линиями или линиями, оставленными от проведения зубчатым штампом. Имеются фрагменты чаш с «ложковыми» боковыми стенками и с горизонтальным или вертикальным рифлением и кувшинов с широким горлом. Встречаются, но редко и в маленьких фрагментах, светлоглиняные сосуды без поливы, рельефа и гравировки с росписью черной, голубой и красной краской и фольговой позолотой, обведенной черной контурной линией (471, рис. 56,*9*).

Керамика со штампованным орнаментом оттискивалась в больших керамических формах-калыпах. Они почти всегда красноглиняные (412, рис. 122; 420, рис. 34; 470, рис. 79, 80; 471, рис. 58,*1*; 472, рис. 60А,*1*). Ручки всегда уплощенные или овальные в сечении. Для нанесения узора применялись отдельные штампики. Сосуд изготовлялся по частям: дно и горло детали на гончарном кругу, тулово оттискивали в форме. Формы этих сосудов следующие (подробнее с. 420, с. 207; 471, с. 122—

123): фляги с двумя ручками (рис. 27,*1*, 28; 278, рис. 5; 300, рис. 3; 420, рис. 25,*7,8*; 471, рис. 53,*2*, 59,*1*; 472, рис. 60В,*1*), фляги-водолеи с туловом в виде уплощенного эллипсоида, с широким горлом и двумя поставленными наклонно ручками, с кольцевым поддоном (471, рис. 59,*5*; 472, рис. 60В,*5*); кувшины, иногда с керамическими ситечками в месте прикрепления горла (132, рис. 45; 412, рис. 123, 124; 457, рис. 32; 471, рис. 58,*2*, 59,*2—4*; 472, рис. 60 В, *4*); крышки (471, рис. 58,*3*; 472, рис. 60А,*3*).

Орнаментика штампованной сероглиняной посуды сложна и насыщена. Часто встречаются полосы из рядов ромбов, овалов, треугольников, розеток, звезд (34,*1,8*; 420, рис. 25,*9*, 34,*1,3,6*).

Широко встречаются на этой керамике розетки-цветки, хризантемы, трилистники (420, рис. 25,*4—6,10*, 3, 4,*2*; 470, рис. 79, 80), а также цветок лотоса (471, рис. 56,*6,8*; 58,*2,5*; 472, рис. 60А,*5*), часто в круглых и фигурных медальонах, образованных узкой изгибающейся полосой (420, рис. 34,*6*).

Для фляг характерен элемент декора в виде удлиненных с косой штриховкой листьев, обычно расположенных зигзагом в кольцевой зоне. Этот элемент встречается и на сфероконусах. Имеется фляга, у которой плоские боковые стороны орнаментированы полосами оттисков штампов, образующими круговую композицию со звездой в центре и зигзагами и треугольниками в боковых зонах (278, рис. 5). Характерны медальоны в виде четырехлепестковой розетки с овальной фигурой и трилистником (61, рис. 3, 4).

На фляге из Увека десять медальонов с розетками идут вокруг центрального поля; в центре — круг с тремя зайчиками, вокруг него — точки и рыбы; между медальонами и бортиком — цветки лотоса (300, рис. 8).

Есть фляга из Водянского городища, орнаментированная на боковых поверхностях заштрихованной кольцевой полосой; в ней — круг с вписанным в него квадратами. Образующиеся сегменты и один угол квадрата заштрихованы: в квадрате — сложная фигура с растительными элементами, а вокруг нее группы маленьких розеток (471, рис. 59,1; 472, рис. 60В,*1*).

На Царевском городище была найдена фляга-водолей с кольцевыми резными линиями на дне и несколькими горизонтальными зонами штампованного орнамента на тулове с ромбами и дугами. На верхней поверхности сосуда на фоне кружков — зигзагообразный орнамент, идущий вокруг кольцевой зоны, заполненной кружковым орнаментом (471, рис. 59,*5*; 472, рис. 60В,*5*).

Из Селитренного городища происходит фляга с изображением птиц и цветов-розеток по внешнему кругу, стилизованных рыбок — по внутреннему (рис. 27,*1*).

На Селитренном городище была найдена также фляга, украшенная с двух сторон одинаково: сложное плетение типа

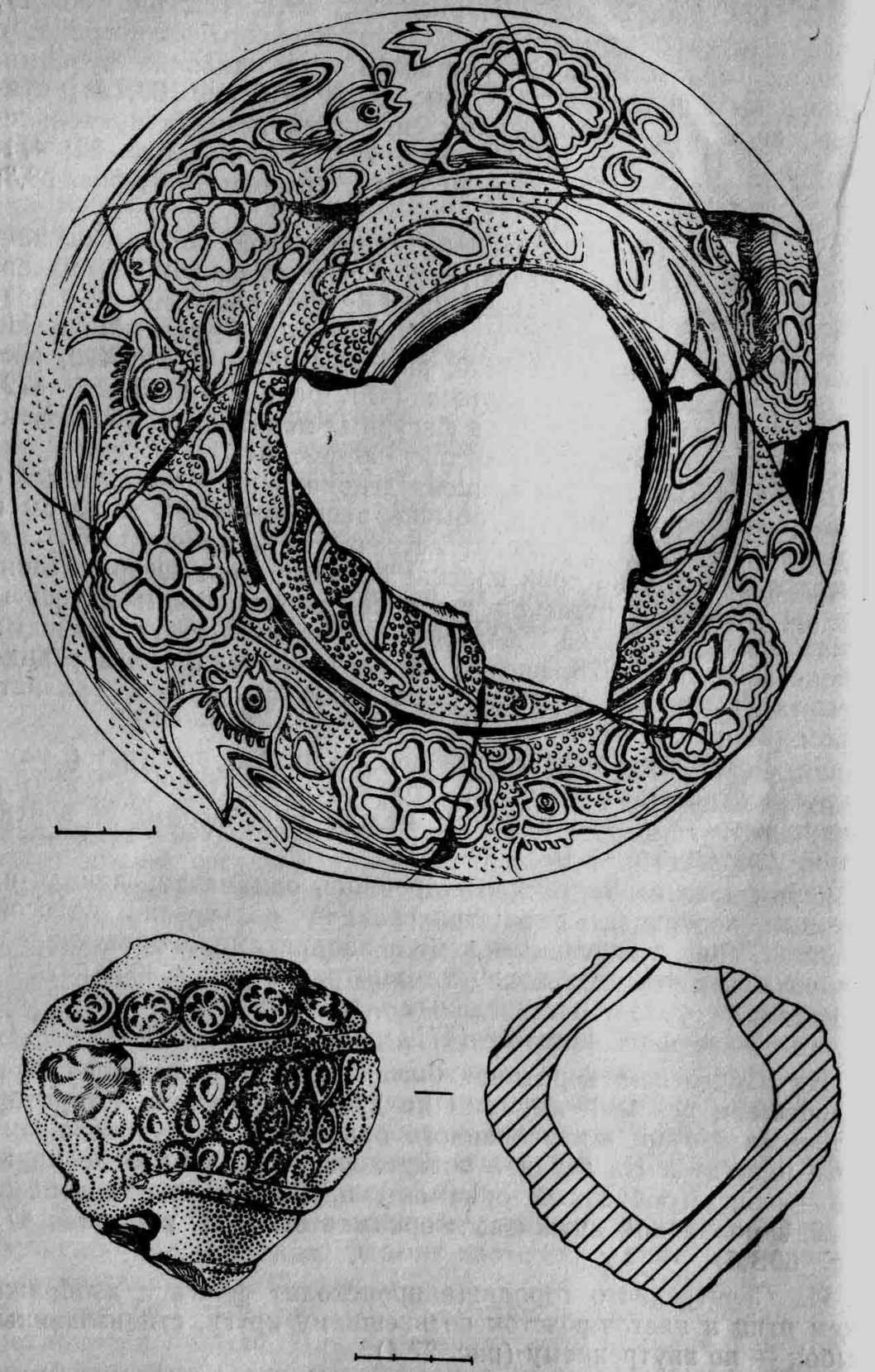


Рис. 27. *1* — Сероглиняная фляга со штампованным орнаментом; *2* — сфероконус

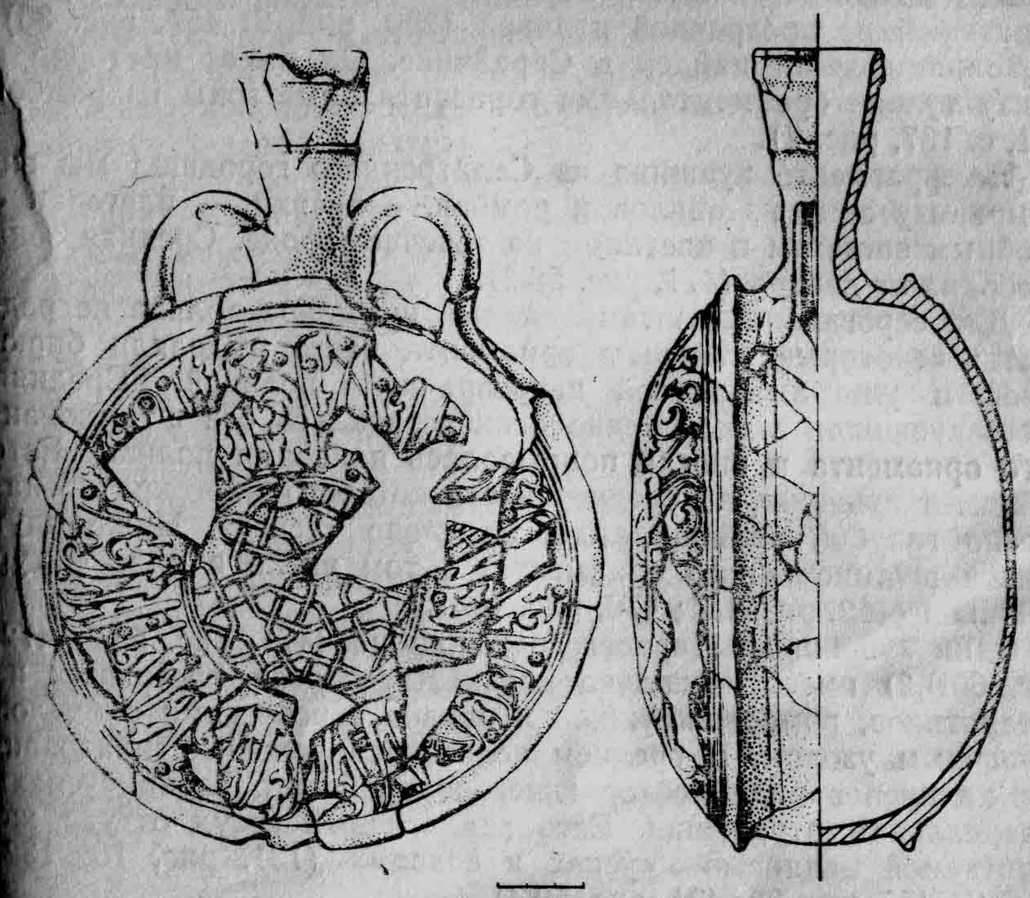


Рис. 28. Сероглиняная фляга со штампованным орнаментом

риха в центре, а вокруг — эпиграфический орнамент с повторением арабских слов «успех» и «слава» (рис. 28).

Есть на флягах сотовидный орнамент, бегущая спираль, полосы овалов (471, рис. 58,*1*; 472, рис. 60А,*1*).

Фляги, найденные на нижневолжских городищах всегда сероглиняные. Кувшины бывают сероглиняные и красноглиняные. Характерный штампованный кувшин с ручкой найден в Старом Орхее. Он орнаментирован поясами ромбов и полос по орлу. Тулово его в верхней части украшено широким пояском, разделенным вертикальными линиями на трапеции, в каждой из которых по два цветка лотоса. Нижняя часть тулова заполнена кружками, а совсем внизу, у дна, идет поясок пальметок (474, рис. 3). Сосуд, видимо, привезен из Нижнего Поволжья.

Есть кувшины из Увека, орнаментированные узкими зонами розетками и широкой зоной из вертикальных линий (471, рис. 59,*3*; 472, рис. 60В,*3*).

Из раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище происходит сероглиняный кувшин. Основная орнаментальная зона занята медальонами в виде четырехлепестковой розетки с персидской благожелательной надписью, между ними плетеные узоры. Ниже и выше идут пояски из запятых, а у дна — ор-

намент в виде косой сетки. Основные элементы декора покрыты бирюзовой не прозрачной поливой (300, рис. 9; 457, рис. 30). Похожий кувшин найден в Сарайчике. Он имеет на горле и внизу тулова орнаментальные горизонтальные зоны из ромбов (21, с. 137, рис. 2).

На фрагменте кувшина из Селитреннего городища мы видим внизу зону из овалов и ромбов, а вверху — плетенки с двойным загзагом и цветками на точечном фоне. Средняя зона свободна от декора (471, рис. 58,*2*).

Для сероглиняных штампованных кувшинов полива не редкость: некоторые элементы орнамента часто выделяли бирюзовой и ультрамариновой непрозрачной поливой. Средняя часть кувшинов в силу технологии оставалась без штампованного орнамента и иногда покрывалась полосами поливы. Есть фрагмент кувшина, на средней части которого многократно нанесено голубой поливой арабское слово «успех». Ниже идут пояски штампованного орнамента, в том числе в виде фигур зайчиков (412, рис. 121; 470, рис. 100).

Один кувшин из Царевского городища (471, рис. 59,*2*; 472, рис. 60В,*2*) имеет несколько кольцевых поясов, состоящих из квадратиков, ромбов, кружков и овалов с розетками и овалов с елочным узором. В среднем поясе расположена стилизованная надпись в виде повторяющегося арабского слова «успех» в зеркальном отражении. Есть аналогичный сосуд оттуда же с читаемой надписью «успех и слава» (131, рис. 15; 132, рис. 45; 457, рис. 32; 471, рис. 59,*4*).

Как и в поливной керамике, наиболее частым эпиграфическим мотивом является арабское слово «успех», хотя есть и другие надписи (400, рис. 12,*4*; 405, рис. 12; 412, рис. 121—123; 420, рис. 25,*1—2*, 34,*4,7*; 470, рис. 81, 100; 471, рис. 59,*2,4*; 472, рис. 60В,*4*).

Из раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище происходит фрагмент штампованного сосуда, на котором имеются полоса глубоковдавленных штампиками звезд и треугольников и оттиснутый калыпом эпиграфический орнамент — повторяющееся слово «успех» на фоне растительных побегов (131, рис. 14; 132, рис. 48).

Найден большой фрагмент, видимо, кувшина, у которого средняя зона — гладкая, неорнаментированная, верхняя заполнена вертикальными полосами с елочным орнаментом, между которыми размещаются на точечном фоне розетки и цветы лотоса, а в нижней зоне располагаются ряды овалов (405, рис. 12).

Зооморфные мотивы представлены изображениями зайцев, рыб, летящих птиц (130, рис. 2,*8*; 471, рис. 36,*2*, 56,*5*, 58,*5*; 472, рис. 60А,*5*). Есть сосуды, на поверхности которых штампованный орнамент описанных типов (в частности, елочный мотив в овалах) соеденен с оттиснутым в той же форме глубоким

вертикальным рифлением. Много найдено фрагментов красноглиняных сосудов со штампованным орнаментом, повторяющим мотивы декора сероглиняной штампованной керамики. Есть фрагменты красноглиняных штампованных сосудов, полностью покрытых зеленой глазурью.

Штампованная серо- и белоглиняная керамика и по форме и по виду заимствована из Средней Азии, где еще в домонгольскую эпоху появлялась изредка полива на таких сосудах (58, рис. 36, 37; 129, рис. 7, 8; 130, с. 130; 142; 248, рис. 45, 60), и в некоторой, но меньшей степени из Закавказья. Близкие аналогии штампованной золотоордынской керамики дают слои XIV — начала XV в. Отраре (195, с. 155). В Закавказье находят аналогии сероглиняным штампованным флягам-водолеям с наклонными ручками (189, табл. XIII, XIV). Мотив зайчиков, в частности с соединенными ушами, имеет аналогии в декоративном искусстве Ирана хулагуидской эпохи и в переднеазиатских художественных изделиях того же времени (257, рис. 2; 371, рис. 142). Фрагмент какого-то особого сосуда из красной глины со штампованным псевдоэпиграфическим нечитаемым орнаментом в виде полосы обнаружен на Селитренном городище (470, рис. 67; 471, рис. 36,*3*).

На том же городище найдена керамическая дисковидная пластина с выгравированным на ней цветком лотоса (471, рис. 53,*1*).

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР

В золотоордынских городах были развиты ремесла, связанные с изготовлением архитектурного декора. В этом отношении культура Золотой Орды чрезвычайно богата и разнообразна. Архитектурный декор может быть разделен на несколько разрядов по материалу и назначению. Классификация его видов произведена Л. М. Носковой (292—296; см. также 471, с. 128—130; 301).

Мозаики на кашине. Они покрывали большие плоскости наружных поверхностей зданий и составляли большие панно, фризы, карнизы и т. п. Основу мозаик образовывали вырезанные отдельные элементы из плиток, сформированных из кашина и покрытых обычно непрозрачной поливой — ультрафиолетовой, белой, голубой, красной, желтой. Есть элементы, покрытые тонкой золотой фольгой. Толщина плиток — 4,5 см. В кашинную полихромную мозаику вставлялись также плитки неполивной гладкой терракоты такой же толщины (412, рис. 73). Своеобразие золотоордынских мозаик заключалось в том, что иногда мозаичные элементы дополнительно орнаментировались узорами из золотой фольги на красной основе (рис. 29). Такими мозаиками был украшен интерьер двухколонного помещения справа от входа в мечеть на XIII раскопе Селитренного городища (479, рис. 96, 97). Встречаются отдельные позолоченные

Рис. 29. Кашинная мозаика с росписью золотой фольгой

озаичные элементы. Известны круглые мозаичные панно диаметром около 1 м), вставлявшиеся в кирпичную неорнаентированную поверхность стены (145; 471, рис. 62,*1*; 472, ис. 20). Есть мозаичные выкладки над тошнау (34, рис. 5,*1*; 49, с. 148).

Майоличные изразцы на кашине (редко на красной глине). ни представляли собой прямоугольные плитки с нанесенной а них росписью с рельефом или плоские, которые приставлялись один к другому и образовывали единое орнаментальное анно (рис. 30, 31,*3*, 32,*1*). При наборе, чтобы соблюсти порядок, использовали знаки и служебные цифры (471, рис. 63),

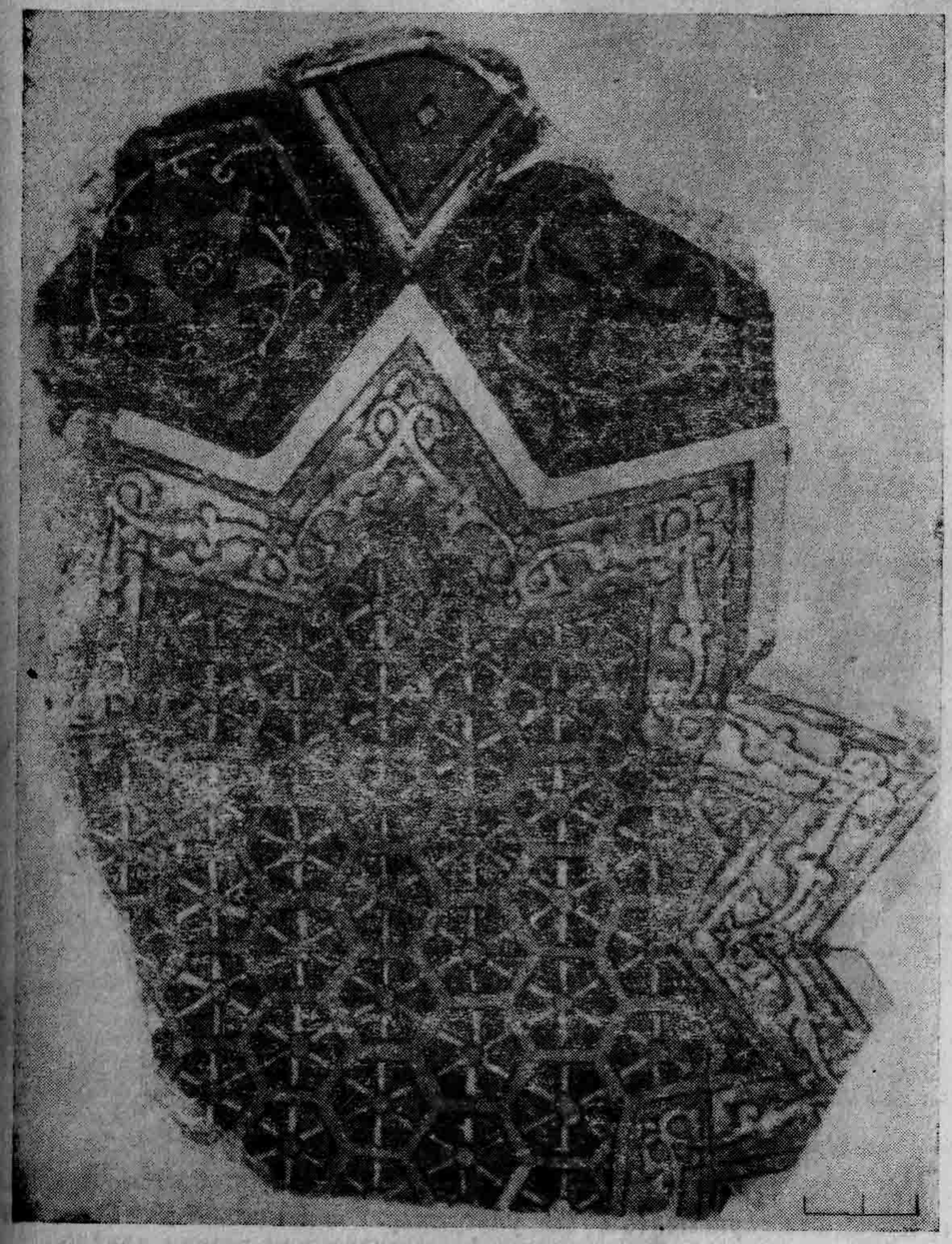


Рис. 30. Майолика с надглазурной росписью

Рис. 31. *1* — резная терракота; *2* — кашинная плитка с процарапан эпиграфическим орнаментом по ультрамариновой поливе; *3* — изр с надглазурной росписью; *4* — деревянная резная панель

Рис. 32. *1* — майолика с надглазурной росписью; *2* — резной ганч; *3, 4* — матрицы для оттискивания узора по мокрому ганчу

начертанные незаметно с краю (260, рис. 3,*3*—*7*), — прие известный на Востоке (259, с. 78). Классификацию мозаи см. 292; 294, 295, а также см. 109; 110; 420, с. 213—215.

«Ложные мозаики» на красной глине. Рисунок имел глуб кую прорезную линию, отделяющую цветовые поля, окраше ные непрозрачной поливой. Создавалось впечатление мозаи ного набора. Кроме ровных поверхностей здания «ложным мозаиками» украшались архитектурные «сталактиты». Встр чаются ложные мозаики с позолотой и кашинные плитки с сплошным золочением (194, с. 46, 89).

Поливные кашинные и красноглиняные кирпичи. Одна и сторон у них покрывалась обычно непроизрачной одноцветно поливой — голубой, ультрамариновой, белой, желтой. Боковы скошенные плоскости имели пазы для лучшего скрепления раствором. Иногда известковые швы между кирпичами делал нарочито широкими, придавая им декоративное назначени Этими кирпичами выкладывались большие орнаментальны панно, обычно на удаленных от зрителя высоких плоскостя здания (34, рис. 28,*2*—*3*; 292, рис. 1,*1*; 341, рис. 1,*3*). Есть по ливные кирпичи с выпуклой поверхностью, предназначенны для выкладки цилиндрических поверхностей (например, ми наретов). Иногда поливные кирпичи выступали немного на поверхностью, выложенной простыми кирпичами, чем создавал ся эффект игры света и тени.

Поливные красноглиняные плитки. Шестиугольными плит ками, покрытыми бирюзовой или ультрамариновой непрозрач ной поливой, выкладывали полы и стены.

Резные и штампованные терракотовые плитки из красно желтой плотной глины (470, рис. 64—66; 471, рис. 70—82). Такие плитки покрывали обычно непрозрачной белой или го лубой поливой. На Царевском городище найдена резная тер ракотовая плитка, покрытая непрозрачной поливой зеленого цвета (34, рис. 18, *23*). В гончарной мастерской на Селитрен ном городище на раскопе II обнаружено много резной терра коты без поливы в качестве заготовок для покрытия их поли вой в дальнейшем (рис. 31,*1*; 420, рис. 27—28). Но изредка встречаются, видимо, законченные изделия в виде резных тер ракотовых плиток без поливы. Штампованные плитки отлича лись более мелким рельефом. Этот вид архитектурного декора применялся для украшения плоскостей стен, карнизов, углов, надгробий и т. д. (34, рис. 17,*1*,*2*; 293, рис. 1—2, 4).

Резной и штампованный ганч (рис. 32, *2*—*4*). Плитки из особого состава алебастра бело-серого цвета с резным и ажурным декором (471, рис. 83—84) использовались для оформления внутренних стен зданий, реже наружных и «ста лактитов». Оконные проемы закрывались решетками из рез ного ажурного ганча с приклеенными к ней с внутренней сто роны стеклами, иногда цветными (471, рис. 83,*3*).

На простой штукатурке, покрывавшей стены помещений, делали иногда волнистые рельефные линии (471, рис. 83,*9*).

Каменные плиты с резным орнаментом. Встречаются они сравнительно редко. Были мраморные и из более дешевых пород камня. Из камня делались крышки тошны со звездчатым орнаментом (17, с. 5; 34, табл. 5,*3*, с. 38; 471, рис. 62,*2*). Большое количество каменных архитектурных деталей (как считают, от мечети XIV в.) хранится в Наровчатском музее. Резьба на них находит аналогии в орнаментике майолик и резного ганча (240, с. 28).

Расписная штукатурка. Для украшения внутренних стен богатых зданий использовалась роспись по сухой штукатурке (техника «ал-штукке»). Роспись наносилась главным образом черной, красной и коричневой красками (контур), изредка зеленой, желтой и синей, иногда дополнялась позолотой и рельефом штукатурки (35, рис. 25—26; 149, с. 189).

На золотоордынских городищах находят фрагменты резного дерева, в частности с эпиграфическим орнаментом, украшавшего стены домов (рис. 31,4).

ОРНАМЕНТАЦИЯ МОЗАИК

Растительные узоры в золототоордынских мозаиках, найденных на нижневолжских городищах, представлены побегами, которые образуют живописные композиции, не имеющие повторения, что отличает их от среднеазиатских мозаик, более подчиненных симметрии, раппорту и повторяемости одной композиции. Украшавшая большую площадь мозаика изображала чаще всего ветвь с бутонами, листьями и цветами. Цветы в виде розеток или звезд напоминают желто-красные незабудки, нарциссы с красным центром и белыми лепестками, белые лилии, гвоздики, тюльпаны с белыми и красными лепестками, цветки в виде красного трилистника, желтые шестилепестковые цветы с бирюзовым центром и т. п. Побеги часто закручиваются в спирали, иногда заключены в медальоны. Побеги обычно имеют бирюзовый цвет. В растительные узоры включаются арочные орнаменты. Встречается мотив раздваивающегося и образующего тем самым медальон растительного побега (131, рис. 12—13; 132, рис. 49, 50; 292, рис. 1; 295, табл. 1; 348, рис. 25; 351, рис. 106, 109; 400, рис. 8; 412, рис. 74—80; 416, рис. 102,*10*,*11*,*13*,*18*; 458, рис. 10—12; 470, рис. 70; 190, рис. 25).

Мозаики применялись также для оформления карнизов и бордюров. На них мы находим те же цветы и бутоны на белых и бирюзовых стеблях. Узор вытягивался обычно в одну полосу. Есть чередование растительных и геометрических мотивов или геометризированные растительные узоры (34, табл. 5,*2*; 295, табл. 11; 470, рис. 68).

Есть мозаики, украшающие кривые поверхности в зда
или трompы куполов. Они также декорированы главным об
зом растительными орнаментами (295, табл. III; 412, рис.

Геометрические орнаменты на мозаиках употребляются
ще всего на бордюрах и карнизах, редко в больших па
(348, рис. 24; 351, с. 106; 412, рис. 73; 416, рис. 102, *16,*
Иногда геометрические фигуры связываются виньеткой в в
бантика или сердечка (35, табл. 7; 292, рис. 1,*5*; 295, табл.

Для бордюров использовались эпиграфические орнамент
белые буквы почерком «насх» и «процветшим куфи», ино
среди желтых и бирюзовых побегов, обычно на ультрамари
ном фоне (145; 295, табл. V; 416, рис. 102,*15*; 458, рис. 12;
рис. 69; 471, рис. 62,*1*; 472, рис. 20; 190, рис. 24).

В золотоордынской мозаике очень редко применялся мо
лотоса — встречен лишь на одном фрагменте из раско
А. В. Терещенко на Царевском городище. Цветок лотоса вк
чен в сложную фигуру типа среднеазиатских «мадохилей»
так называют в Средней Азии медальоны с особым, сложн
контуром (337, с. 234).

ОРНАМЕНТАЦИЯ МАЙОЛИК С ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ

Кашинные майолики с подглазурной росписью, известн
из нижневолжских городищ и Болгара, обычно имеют вид пр
моугольных плиток, из которых набиралось декоративное пан
Но встречаются плитки в виде многоугольников с чашевидны
углублением в середине — это были отдельно вставлявшие
детали украшения стен.

Изображались хризантемы, лотосы, большие цветы на дли
ных изогнутых стеблях с резными листьями (35, табл. 24; 1
рис. 2, *1—5*; 260, рис. 1, *7—8*, рис. 2, *1—3*; 295, табл. VI; 4
рис. 26,*2*; 471, рис. 63; 472, рис. 26).

При оформлении бордюров цветочно-растительные композ
ции вытягивались в линию (109, рис. 1,*1—8*; 260, рис. 1,*1*
295, табл. VI,*4—6*; 420, рис. 26,*1,4*; 471, рис. 64,*1—3*). Черед
вались лотосы и шестилепестковые розетки, у которых лепест
трактовались как трилистники, а по краю шел ряд маленьк
розеток. Встречается орнамент на бордюрах, в котором повт
ряется один узор из листьев, цветов, бутонов (260, рис. 1,*1*
2,*4—11*).

Часто орнамент вписывался в фигуру типа «мадохилей
или в фестончатые арки (109, рис. 2,*6,7*; 260, рис. 1,*2*, 2,*4*,
295, табл. VI,*7*). Иногда «мадохили» и плетенки образовыва
крестовидную композицию вокруг квадрата.

Побеги часто образовывали спирали. Встречается геометр
зированный орнамент, где побеги образуют крестовидные ф
гуры или плетенку из вьющегося побега (289, рис. 2; 29
табл. VI,*1*; 420, с. 26,*6*).

Имеются различные композиции из трилистников. В фигур
медальоны вписывали иногда целые букеты цветов, по
ких на незабудки, кувшинки, нераспустившиеся бутоны.
веты лотоса — часто с грибовидным пестиком, иногда над
стиком — четырехлепестковая розетка. Лепестки хризантем,
ругих цветов и листья обычно имели прорисовку черными
ерихами. Характерны большие раздвоенные листья, загнутые
концах (34, табл. 32; 109, рис. 2,*1—5*; 260, рис. 2,*1—3*; 295,
бл. VI, *1—3,8,9*; 420, рис. 26,*2*). Встречаются цветы с шестью
дельными, похожими на трилистники лепестками (295, табл.
,5; 471, рис. 64,*1,3*). Очертания листьев и цветов на майоли-
существенно отличаются от рисунка на мозаиках.

Сохранилась майоликовая вставка в виде большого много-
ольника с чашевидной серединой, с полушарными углубле-
ями в ней. По борту под бирюзовой поливой имеется черная
оспись в виде полосы растительного побега с цветками лотоса
листьями со сложным контуром. Внутри имеется плетеный
бордюр и полоска елочного орнамента (295, рис. 1; 412,
ис. 83; ср. 109, рис. 1,*11,12*).

Геометрические орнаменты на майоликах с подглазурной
осписью построены по принципу чередования простых геомет-
ических фигур — ромбов, шестиугольников, арочек, розеток,
ругов, звезд (223, рис. 2), плетенок, узлов, заимствованных из
афического орнамента, а также стилизованных и геометри-
рованных цветов, побегов, листьев и т. п. (471, рис. 64,*2*).
Образуются и так называемые герихи — характерный для му-
ульманского орнамента узор (109, рис. 1,*10*; 260, рис.1,*3—9*;
2, рис. 2; 295, табл. VII,*2—4*; 409).

Паразительно разнообразны узоры из узких плетеных поло-
ок в сочетании с растительными мотивами (109, рис. 1,*1—9*).
Характерны бордюры с орнаментом в виде разноцветных (бе-
ых, голубых, синих) поперечных полос, разделенных черными
ниями или в виде такого же цвета зигзагов (292, рис. 3,2;
0, рис. 26,*5*).

Встречаются эпиграфические и псевдоэпиграфические орна-
енты — белые надписи почерком «насх» и «процветшим ку-
фи» на синем фоне. Надписи сочетаются часто с растительными
обегами (109, рис. 3; 260, рис. 1,*3—5*; 3,*1—5*; 292, рис. 3,*6*;
95, табл. VII, *5—10*; 406, с. 131; 470, рис. 96; 471, рис. 64,*4*).
ть изразец с ультрамариновой кобальтовой росписью по бе-
му фону с побегами и листьями в центральной квадратной
не и персидскими стихами по краю (132, рис. 51; 194, с. 90;
12, рис. 82).

ОРНАМЕНТАЦИЯ МАЙОЛИК С НАДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ

В богатом доме на Селитренном городище на раскопе XI
найдено множество майоликовых изразцов с надглазурной
росписью — остатки декора центрального помещения этого до-

ма. Это дает возможность представить общую систему орн
ментации. Стены были украшены большими, набранными
этих изразцов панно. В основе набора лежали десятиконечны
звезды. Между ними помещались пятиугольные вставки (29
рис. 2—4; 471, рис. 65, 66), использовались также вставки
виде двух соединенных треугольников, неправильных ромб
(в Средней Азии они назывались «чаша») и восьмерковидны
фигур (среднеазиатское название — «тауль») (296, рис. 5; 47
рис. 67, *1,2,5*). Реконструкция наборного пано была произвед
на Л. М. Носковой (296, рис. 6).

Звезды имели белый край, зеленую полосу вдоль края с б
лыми надписями или с белой ветвью растительного орнамент
и центральное поле в виде десятиконечной звезды, чаще всег
с ультрамариновым фоном, украшенное по-разному. Или эт
были крупные точки и розетки, окруженные треугольничкам
образующими шестиконечные звезды, либо ромбами с золоч
нием (296, рис. 3,*1—3*; 471, рис. 65,*1*, 66,*2—4*; 472, рис. 23
или приставленные друг к другу пятиугольники с точкам
(рис. 30); или прямоугольная сетка, плетеная из белых и же
тых полос (296, рис. 3, 4); или крестовидные фигуры, обведе
ные узкой полосой, с точками в центре; или сплошное плетени
в маленьких ячейках которого помещали точки (296, рис. 3,*5*,
471, рис. 66,*1*; 472, рис. 22); или орнамент, составленный
правильных шестиугольников с шестиконечными звездами
каждом. Иногда помещали сложные узоры из бель
и золоченых побегов, листьев, цветов лотоса, двойных роз
ток (296, рис. 2; 471, рис. 65,*2,3*; 472, рис. 21). Границы вс
зон орнамента подчеркивались золочеными полосками.

Пятиугольные вставки с золотой полоской по краям имел
более однообразный рисунок. По ультрамариновой поливе н
носился белый и красный растительный спиралевидный побе
В спирали побега помещались часто золоченые розетки, зве
ды (рис. 30), шестиугольники (296, рис. 4; 471, рис. 65,*1*
Фигуры типа «таулей» имели белый край и геометрический ил
растительный орнамент (рис. 32,*1*). Часто в каждой половин
«таулей» помещали растительный побег с листочками на ко
цах. Фигуры типа «чаша» (рис. 30, 32,*1*) имели белый край
ромб со штрихами на бирюзовом фоне (296, рис. 5; 47
рис. 67,*1,2,5*) или без них. В одном из этих «чаша» мы нах
дим мотив трилистника в центре.

Бордюры были двойные (296, рис. 7; 471, рис. 68,*1,3*; 47
рис. 28, *29*; 479, рис. 46). Крайняя узкая полоса набиралась
удлиненных изразцов, покрытых бирюзовой поливой с те
ными прорисованными растительными побегами, иногда с кра
ным ромбиком в середине и с золочеными розетками меж
ними. Иногда между позолоченными розетками помещали о
ни красные розетки с узкими лепестками или двулистн
(рис. 31,*3*). Внутренняя полоса была из широких плито

имевших на белом фоне полихромную роспись с позолотой: красные, желтые, коричневые, зеленые тона с темным контуром. Один элемент рисунка окрашен разными цветами, и цвет при этом теряет свою локальность. Рисунки представляют собой многолепестковые цветы, в том числе — усложненный вариант цветка лотоса, имеющего овальную середину с розеткой внутри нее. (296, рис. 8, 9—11). На побегах — бутоны или цветы и сложные листья и трилистники. Изображались и пышные цветы из лепестков-трилистников вокруг фигурной сердцевины. Эти внутренние бордюры были двух вариантов — широкие и узкие. Иногда из плиток, предназначенных для широкого бордюра, нарезались полосы для узкого. Все элементы имели белый край и золоченую узкую полосу по краю. В некоторых случаях бордюрную полосу выкладывали из майоликовых плиток. Каждая плитка имела узкую полосу, на которой по белому фону сделана полихромная надглазурная роспись с позолотой в теплых красно-коричневых с зеленым тонах, аналогичная широким внутренним бордюрам, рассмотренным выше. Вдоль этой узкой полосы на том же изразце шла широкая полоса, где на ультрамариновом фоне имелась полихромная подглазурная и одновременно надглазурная роспись с золочением. Есть узкие бордюрные бирюзовые изразцы с синими растительными побегами и шестиконечными звездами-цветами с розеткой в центре.

Как мы видим, для этого типа архитектурного декора характерна перегруженность орнамента позолотой.

Кроме этого комплекса майолик с надглазурной росписью следует упомянуть и другие находки подобного рода. Изразцы в виде звезд с белыми надписями по зеленой полосе с краю найдены А. В. Терещенко на Царевском городище; золотая фольга у них была срезана (194, с. 89). Такие же изразцы обнаружены в разных местах Селитренного городища (292, рис. 4,*1*; 295, табл. VIII,*1,5*; 412, рис. 84, 86, 87, 90).

Есть узкие бордюры с полихромной надглазурной росписью по белому фону, с узорами, напоминающими цветы на посуде с полихромной надглазурной росписью по белому фону. В частности, для них характерны двойные розетки со звездой в центре (34, табл. 30; 295, табл. VIII, *2—4;* 412, рис. 85).

Особенно интересен фрагмент изразца с белой надписью по зеленому краю, с изображением человека в зеленой шапке, с сероголубыми растительными побегами, окружающими его, и с золочеными полосками, отделяющими одну орнаментальную зону от другой (114; 292, рис. *4,6*; 412, рис. 89, 90; 471, рис. 69,*1*; 472, рис. 27).

Встречаются ультрамариновые изразцы с шестиконечными звездами, прочерченными красными линиями, с белыми точками внутри звезд (292, рис. 4,*5*; 412, рис. 88). На Царевском городище при раскопках А. В. Терещенко найдены крупные

шестиугольные изразцы. Посередине одного из них — розетк
с шестилучевой звездой в центре. К лепесткам розетки при
соединены трилистники. Между ними тоже трилистник
В углах изразца помещены виньетки из побегов с листьями
Фон бирюзовый, рисунок позолочен, имеет красный контур
Второй изразец имеет в центре шестиугольную композицию и
меленьких ромбов и такие же виньетки из листьев и побего
по углам. Фон бирюзовый, рисунок нанесен зеленой и ультра
мариновой красками с красной окантовкой (109, рис. 4,4; 295
рис. 3). Есть изразец, который представляет собой белую шес
тилепестковую розетку в центре, заполненную белыми точками
(295, табл. VIII,*6*).

Геометрические узоры, главным образом в виде трех- или
шестиугольных фигур, составлялись обычно из красных ромбов
с черными точками внутри них (471, рис. 67,*6*). Встречается
узор из таких же ромбиков, но на изразцах с бирюзовым фо
ном. Примером может служить кашинный изразец со сложным
контуром из коллекции А. В. Терещенко (109, рис. 4,*3*; 471
рис. 69,*3*). Характерны звезды с лучами из полосок золотой
фольги, обведенной красной линией в сочетании с белыми тон
кими спиралевидными разводами на ультрамариновом фоне
(109, рис. 4,*2*).

Встречаются вытянутые бордюрные композиции из четырех
или восьмиконечных звезд и розеток с включением элементов
растительного орнамента в виде бутонов. Роспись — желтая
красная, белая, ультрамариновая по бирюзовому фону, кон
туры красные (292, рис. 4,*4*; 473, рис. 4).

Эпиграфический орнамент на изразцах обычно выполняет
служебную роль бордюра, но встречается и как самостоятель
ный, главный мотив. Из раскопок А. В. Терещенко на Царев
ском городище происходит изразец с белым фоном и рельефной
надписью почерком «насх», выполненной позолотой с красным
контуром. Между буквами — темно-коричневые тонкие расти
тельные побеги (194, с. 88). Другой изразец этой коллекции,
выполненный в той же технике и цветовой гамме, дает плете
ные узоры с растительными побегами по краю (109, рис. 4,*6*;
471, рис. 70; 472, рис. 30).

Интересна майолика в виде восьмиконечной звезды с
рельефным орнаментом и белой непрозрачной поливой, имею
щая синюю и зеленую надглазурные росписи с золочением по
белому фону (109, рис. 4,*5*, с. 89).

Довольно широко распространены вытянутые майоликовые
кашинные плитки с раздвоенными (471, рис. 68,*2*) или заост
ренными (471, рис. 67,*4*) концами с ультрамариновой поливой
и белой, иногда с позолотой и красным контуром надглазур
ной орнаментацией (34, рис. 30; 109, рис. 4,*1*; 114, рис. 1,*3*).
Некоторые такие же по цвету плитки имеют формы крестов.
Эти плитки составляли большие панно (114, рис. 2). На таких из-

разцах встречается орнамент в виде розеток и сложных восьмерковидных фигур с отростками, прочерченным тонкой черной линией.

На Селитренном городище найдена серия крестовидных изразцов, покрытых одноцветной ультрамариновой поливой без росписи. Видимо, вместе со звездчатыми и квадратными изразцами они составляли орнаментальные композиции на стенах зданий (420, с. 215, рис. 26,*7*; ср. 55, рис. 20).

ОРНАМЕНТАЦИЯ ДРУГИХ ВИДОВ МАЙОЛИК

На майоликовых плитках, соединяющих надглазурную и подглазурную росписи при прозрачной поливе, декор представлял собой сочетание растительных побегов с листьями, розетками, а также цветов лотоса (471, рис. 67,*3*), особой формы трилистников и иногда эпиграфического орнамента по ультрамариновому фону, характерных для майолик с полихромной подглазурной росписью с рельефом, с мотивами декора, типичными для надглазурных росписей на изразцах, в частности, шестилепестковыми двойными розетками с круглыми лепестками (295, табл. VIII,*9*; 412, рис. 91).

«Ложные мозаики» часто имеют простой полосчатый синебелый орнамент (292, рис. 5,*1*). Есть изразцы с вогнутой поверхностью для нишек, оформляющих «сталактиты». Они украшены в технике «ложной мозаики» елочным орнаментом из разноцветных полос (109, рис. 4,*9*; 412, рис. 81). Встречаются «ложные мозаики» с орнаментацией в виде плетеных фигур; полосы, переплетающиеся между собой окрашены в белый цвет, фон — синий. Есть орнаменты на такого типа изразцах в виде звезд и шестиугольников (292, рис. 5,*2*); есть более сложные плетения геометрических фигур (292, рис. 2,*2*). «Ложные мозаики» с растительным узором повторяют иногда мотивы мозаики настоящей: бирюзовые побеги, круглые цветы розетки с желтыми лепестками и красной серединой, но есть элементы, не встречающиеся на мозаиках.

Майолики с рисунком, который образован выскабливанием части поливы, дают обычно простейшие орнаменты — в виде звезд и розеток с кружком в центре или надписи (рис. 31,*2*) почерком «насх» (34, рис. 29,*1,2*; 295, табл. VIII,*8,10*).

ОРНАМЕНТАЦИЯ РЕЗНОЙ И ШТАМПОВАННОЙ ТЕРРАКОТЫ

Для плиток резной терракоты, обнаруженных в изобилии на Селитренном городище, очень характерна органичивающая рисунок кайма в виде простой двойной полосы (420, рис. 27,*1*) или в виде полосы с чередующимися розетками и кружками (293, рис. 2,*1*; 420, рис. 28,*4*; 470, рис. 66; 471, рис. 71,*1*; 473, рис. 3; 479, рис. 45). Такие полосы часто пересекают орнамен-

тальное поле, образуя плетеные фигуры (420, рис. 27,*4*). Др
гой вид полос украшен штампованными розетками (47
рис. 65). Встречаются полосы, украшенные рядами трилис
ников (470, рис. 64), или бегущей спиралью (34, табл. 17,
420, рис. 28,*2*; 471, рис. 73, 74, 82), или завитками с трилис
никами (471, рис. 71,*2*; 472, рис. 33, 39).

Пышный орнамент заполняет большие зоны, разграниче
ные этими полосами. Побеги закручиваются в тугие спира
с трилистниками внутри (34, таб. 17,*1*; 471, рис. 76, 79, 81,
472, рис. 35; 479, рис. 45). Характерным элементом декора я
ляются бегущие спирали, расположенные одна вдоль друго
(471, рис. 75,*2*; 472, рис. 36).

Довольно типичным для этого вида архитектурного декор
является мотив крестовидного медальона с четырьмя цветк
ми-розетками на концах и плетеной четырехугольной фигуро
в центре (293, рис. 1,*4*; 420, рис. 28,*3,4*; 471, рис. 73; 47
рис. 40). Встречаются медальоны в виде кругов, трилистник
сердцевидной фигуры, шестиугольников, четырехлепестково
розетки, «мадохилей». Внутри них располагали сложный ра
тительный орнамент (471, рис. 82; 81,*2*; 472, рис. 39). Известн
также сложные крестовидные композиции из плетеных лини
и цветов (298, рис. 4,*1,2*).

Найдены плитки резной терракоты, образовывающие бор
дюр с расположенными полосой цветами лотоса и цветам
похожими на тюльпаны, окруженные побегами с листьям
штампованные бордюры в виде двух полос с побегами (47
рис. 72,*3*, 78, *1,3*).

Особой сложностью и вычурностью отличаются эпиграф
ческие орнаменты на этом виде архитектурного декора, выпо
ненные почерком «насх», перевитые обычно спиральными раст
тельными побегами, иногда вырастающими из самих букв (3
рис. 23,*1*; 293, рис. 1,*2,3*; 470, рис. 64; 471, рис. 71, 72,*1*; 47
рис. 33; 473, рис. 3). Надписи включались в прямоугольны
рамки, между которыми помещали фигуры в виде «бантиков
с розеткой в середине (293, рис. 1,*3*; 470, рис. 64; 471, рис. 72,*1*)

Известны надписи почерком «насх» без дополнительной ор
наментации (471, рис. 81,*1*; 472, рис. 32). Есть плетенки — сти
лизованные арабские буквы (293, рис. 2,*4*; 471, рис. 78,*2*).

Встречаются крупные поливные плиты резной терракоты
эпиграфическим орнаментом. Буквы нанесены широкой белой
полосой, от которой отходят синие побеги с листьями; фон —
бирюзовый.

Интересен орнамент, состоящий из ряда сложных «узлов
счастья», соединенных полосами (471, рис. 74; 472, рис. 41).

Часто встречаются небольшие прямоугольные резные тер
ракотовые плитки-вставки в виде прямоугольничков или не
правильных ромбов с четырехлепестковыми розетками или зиг
загом, покрытие обычно бирюзовой или ультрамариновой не

прозрачной поливой (34, рис. 26; 223, рис. 1). Известна из
раскопок Селитренного городища большая резная неполивная
терракотовая шестиугольная плита с шестилепестковой розет
кой, в центре которой звездочка, а в лепестках — трилистники
(120, рис. 28,*1*; 416, рис. 102,*14*; 471, рис. 77,*2*). Другая вось
миугольная неполивная терракотовая плита имеет выпуклую
розетку в центре восьмилучевой звезды, от концов которой от
ходят крупные трилистники, а между трилистниками — узлы
и маленькие трилистники (471, рис. 80; 472, рис. 38). Есть
штампованная квадратная плитка с квадратом в центре, от
которого отделяются четыре цветка с лепестками и трилистни
ками по углам (293, рис. 2,*2*).

Цвета полив, покрывавших резные терракоты, — белый,
голубой, синий.

Цветок лотоса, тюльпановидные цветы, крестовидные ме
дальоны с плетеной фигурой в центре, эпиграфический орна
мент, фигуры типа «мадохилей» сближают орнаментацию это
го вида архитектурного декора с майоликой с подглазурной
росписью.

Редко, но все же встречаются терракотовые плитки с дву
плановой резьбой. Высоким рельефом показаны геометрические
фигуры, а вписанные в них растительный орнамент и пояски
кружочков, окаймляющие эти геометрические фигуры, выпол
нены в низком рельефе (293, с. 63).

Встречаются резные терракотовые плитки с частичным пок
рытием бирюзовой поливой главных элементов орнамента (34,
рис. 3, с. 34).

Есть плитки, на которых расположенные в шахматном по
рядке квадраты с розетками покрыты бирюзовой поливой, и
плитки с гладкими квадратами, покрытыми поливой ультрама
ринового цвета (420, рис. 27,*3*; 471, рис. 77,*1*). Известны тер
ракотовые резные плитки с рельефными пилончиками, имею
щими полуколонки с валютными завершениями (рис. 31,*1*).

ОРНАМЕНТАЦИЯ РЕЗНОГО И ШТАМПОВАННОГО ГАНЧА

Резной ганч часто украшался ажурным орнаментом в виде
кругов и криволинейных фигур или правильных геометрических
решеток — мотив, распространенный широко в мусульманском
средневековом мире. Резными были оконные решетки — так
называемые «панчжара». Они имели часто круглые отверстия
с фестончатыми краями, к которым приклеивались с внутрен
ней стороны оконные стеклянные диски (293, рис. 2,*6*, 3,*2*;
471, рис. 83,*3*, 84,*2*).

Ажурные и фигурные пластины накладывались в некоторых
случаях на гладкие поверхности, что придавало рельефность
и выразительность игры света и тени этому виду декора (471,
рис. 84,*1,5*). Накладки иногда имели вид фигуры с одной сто-

роны с прямым, а с другой — со сложным контуром и сложным спирально-растительным декором внутри (рис. 32).

В орнаментации резного ганча использовались моти излюбленные в резной терракоте. Те же медальоны в виде т листника с цветами и побегами, те же растительные спира видные побеги, цветы лотоса, узлы и плетение полосы. Хара терны сетки из ромбов с трилистниками (471, рис. 83,*1*,*2*).

Встречаются на бордюрах трилистники в виде «корол ских лилий» и трилистники с двумя боковыми листочка превращенными в кружки. Изображались те же, что и на р ной терракоте, крестовидные медальоны (471, рис. 83,6 84,*3*,*4*; 472, рис. 42), внутри которых — сложная плетенка цветами и трилистниками (293, рис. 3,*3*, 4,*6*).

Имеются плетеные орнаменты из кругов, усложненных с матически показанными в виде выступов растительными э ментами — листьями или бутонами. Есть венки из лепестк с трилистником в центре (293, рис. 2, 5).

Известна из материалов Селитренного городища ганчев архитектурная деталь в виде четверти колонки (471, рис. 69,2 вставлявшаяся, видимо, в угол помещения под потолком, плетеными узорами, которые заканчиваются трилистникам заключенными в пятиугольные медальоны, — мотив, так встречающийся в резной терракоте (293, рис. 3,*1*, с. 72; 41 рис. 92). В коллекциях А. В. Терещенко из раскопок Царев кого городища есть трехчетвертные колонки с капителью, у рашенной нишками. На стволе колонки — спиральный нар ной орнамент (293, с. 72—73). Есть другие образцы подобны деталей (471, рис. 83,*1*).

В мечети на Водянском городище над михрабной нишей была плита из ганча с куфической надписью без дополнительного орнамента.

Там же найдены ганчевые вставки с надписями, украшавшие минарет (166, рис. 18—23). Были обнаружены узкие горизонтальные ганчевые штампованные панели с изображением бегущих зверей (25, 1968, с. 174; 412, рис. 93—99).

Известны плетеные орнаменты на штампованном ганче в виде пересекающихся фигур — восьми- и шестиугольников, кругов, овалов с утолщениями в местах пересечения (293, рис. 3,*4*, 4,*7*; 471, рис. 72,*2*) — мотив, известный в архитектурной терракоте.

Более упрощенные геометрические орнаменты представлены простыми сетками из ромбических ячеек. Встречается также эпиграфический мотив с трилистниками.

Сохранились алебастровые доски, которые служили матрицами для оттискивания узора на ганчевой сырой, мягкой еще поверхности (рис. 32,*3*,*4*). По ним можно составить дополнительное представление об орнаменте штампованного ганча. На матрацах узор углубленный. Встречается мотив цветка лотоса (423, рис. VIII,*18*). Из раскопок на Царевском городище А. В. Терещенко происходят большие каменные плиты-матрицы (329, с. 154). На одной из них помещен сложный орнамент с фигурами типа «мадохилей» и полосы из трилистников и цветов сложного рисунка. На оборотной стороне той же алебастровой плиты расположены изображения медальонов в виде трилистников из цветов-розеток (293, с. 74, рис. 4,*3*; 329, с. 154). На другой плите помещен сложный растительный узор из букетов цветов, собранных в пучок, сложных цветов-розеток и тому подобных мотивов (293, рис. 4,*1*,*2*,*4*).

Некоторые ганчевые оконные решетки имеют выступающий край, окрашенный в красный цвет. Иногда в красный цвет окрашивался фон у рельефных резных и штампованных ганчевых плиток.

Сохранились архитектурные детали с нишками типа «сталактитов»; известны ганчевые панели, украшенные арочными нишками.

В большом доме на Селитренном городище на раскопе XI, в центральном его зале, стены были украшены кроме изразцов ганчевыми позолоченными розетками с сердцевидными терракотовыми, тоже позолоченными медальонами, прибитыми к стенам железными гвоздями (471, рис. 83,*5*).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

При исследовании архитектурного декора Золотой Орды мы замечаем, что особняком стоит мозаика, имеющая с другими видами архитектурного декора меньше всего общих черт в орнаментике. Укажем, что в ней почти нет мотива «цветка лотоса».

Майолика с подглазурной росписью, резная терракота, резной и штампованный ганч имеют между собой больше всего общего в мотивах орнаментации.

По технике майолика с подглазурной росписью аналогична кашинной керамике с подглазурной полихромной росписью. Близки по орнаментике майолика и кашинная посуда с кобальтовой росписью. Их сближают и некоторые орнаментальные мотивы: цветок лотоса, хризантемы, розетки с трапециевидными лепестками (471, рис. 64,*2*), сложные очертания резных листьев. Но все же системы композиции и эпиграфические мотивы различны. Редкий тип майолики с черной росписью под бирюзовой поливой имеет аналогию в кашинной керамике с такой же поливой и росписью, но отличается от нее по орнаментации — цветок лотоса мало характерен для бирюзовой с черной росписью керамики.

Ближе к своему керамическому аналогу стоит майолика с надглазурной росписью. На керамике с надглазурной росписью можно найти те же мотивы, что и на этой майолике, — белые

узкие спирали растительного побега с листиками, красные ро
бики, образующие розетки, розетки-звезды с позолотой, дво
ные розетки. Общими являются форма листьев и побего
цветовая гамма и т. п. Этот вид майолики резко отличается
по колеру, и по набору орнаментов от майолики с подглазу
ной росписью, резной и штампованной терракоты и ганча.

Разница объясняется, очевидно, разными путями сложени
этих групп архитектурного декора Золотой Орды. Что касает
ся мозаики, то близкие параллели цветочно-растительным узо
рам золотоордынских мозаик исследователи выявили в Иран
в частности в Хоросане, и в восточном Закавказье. С хорезм
скими мозаиками золотоордынские мозаики имеют сходств
в цветовой гамме, в применении красного цвета и в просты
геометрических орнаментах. Но растительная орнаментика зо
лотоордынских мозаик существенно отличается от орнамент
хорезмских. Исследователи полагают, что импульс в развити
мозаик золотоордынская культура получила из Ирана чере
Закавказье (54, с. 325, 326; 295, с. 25—26).

После завоевания Тимуром Золотой Орды и Хорезма
1380—1390-е годы мозаичисты были вывезены в город
Тимуридов.

В декоре тимуридских построек много аналогии именно зо
лотоордынским мозаикам (394, табл. 1, рис. 14, 15, 20—22
28 и сл.).

Майолика с надглазурной росписью и в Средней Азии, и
Золотой Орде развивалась под воздействием иранского куль
турного влияния, шедшего в Золотую Орду через Азербайджа
(109, с. 88; 194, с. 89). Формы крестообразных, квадратных
звездчатых изразцов и вставок в виде неправильных ромбов
восьмерковидных фигур и т. п., из которых набирались боль
шие панно, общи для этих майолик в Средней Азии и Золотой
Орде, но восходят они к иранским и закавказским изразцам
домонгольской эпохи (55, рис. 20; 475, рис. 67). Встречаются
эти формы и в Малой Азии (например, в Конии, Кубадабаде)
в XIII в. (463, табл. 5). Характерный узор на бордюрах с над-
глазурной росписью в Золотой Орде — бирюзовые вытянутые
изразцы с черными растительными побегами и розетками меж-
ду ними (типа 471, рис. 68,*1,3*)—встречаются в Средней Азии,
например на мавзолее 1390-х годов в Шах-и-Зинда.

Сам принцип набора, при котором каждый элемент сохра-
нял свою роль самостоятельного художественного элемента,
замкнутого в своей орнаментальной или изобразительной ком-
позиции, тоже восходит к иранским изразцовым наборам XII—
XIII вв.

Но золотоордынская майолика с надглазурной росписью
отличается от таких же майолик и Ирана, и Средней Азии.
Нигде нет такого обилия позолоты, причем иногда сплошной,
как в поволжских городах XIV в. Считают возможным видеть

в этом явлении влияние Византии и сопоставляют его с позо-
лотой по ганчу в Армении (295, с. 26). Ни с чем не сравнимы
золотоордынские майолики с надглазурной росписью с изобра-
жением человека, красно-коричнего-зеленые широкие бордюры и
такие же изразцы. Нет или мало в Средней Азии бирюзовых
и белых майолик с надглазурной росписью; они были перене-
сением в архитектурный декор принципов орнаментации ка-
шинной посуды. Не случайно поэтому особое сходство в орна-
ментальных мотивах и элементах майолик с надглазурной
росписью и аналогичной кашинной посуды.

Что касается майолики с подглазурной росписью, резной
терракоты и резного и штампованного ганча, то нет сомнения,
что импульс в развитии этих видов декора исходил из Средней
Азии, хотя исследователи отмечали сходство майолик, в част-
ности болгарских, с архитектурным орнаментом Азербайджана
(54, с. 326). Так, именно эти виды декора получили развитие
в XIV в. в Хорезме, в Самарканде и Бухаре. Больше всего об-
щих элементов орнамента в архитектурном ганче и террако-
те — герихи и плетенки, «мадохили», бордюры в виде бегущей
спирали и линии кружков и розеток (например, на Безымян-
ном мавзолее в Шах-и-Зинде 1360—1361 гг.). Орнаментальные
полосы с четырехлепестковыми розетками, эпиграфические пле-
тенки с листочками на концах, эпиграфика в соединении с
растительным побегом, крестовидные медальоны и медальоны
в виде четырехлепестковой розетки со сложным плетением, рас-
тительные побеги и даже очертания листьев, прорисовка
листьев штрихами, лотосы и хризантемы, мотив звериного гона,
мотив «узла счастья», сам подбор тонов цвета (белые буквы,
ультрамариновый фон) в эпиграфических орнаментах, так же
как цветовая гамма вообще, — все находит близкие параллели
в орнаментике Средней Азии. Раздвоенные листья с завитками
на концах, столь характерные для майолик с подглазурной
росписью, крестовидные медальоны с побегами, спирали и ряд
других деталей и мотивов декора, повторяющегося и в полив-
ной керамике, есть в искусстве Переднего и Среднего Востока
еще в предмонгольское время (469, с. 94, 106; 475, рис. 202).
Есть аналогии и редким бирюзовым с черной подглазурной
росписью изразцам-вставкам (см. 109, с. 84—85; 181, рис. 7—8;
259, с. 79; 260, с. 225; 295, с. 27; 337, с. 270, рис. 122—124,
126,*1*, 129, 131, 133—137). Некоторые композиции, распрост-
раненные в майолике в штампованном и резном ганче, извест-
ны в Средней Азии уже в XII в.

Неоднократно отмечалось воздействие искусства сельджу-
кидской Малой Азии на архитектуру и орнаментику Золотой
Орды (41; 42, с. 131), в частности на архитектуру мечетей
(185, с. 16), на архитектурные орнаменты Крыма. Но под
селджукидским периодом передне- и средневосточного искусст-
ва следует понимать и более широкое культурное явление —

особый стиль повышенной живописности, складывавшийс
государствах, попавших под политическую власть Сельджу
дов в XII в. и продолжавшийся в XIII в. Его воздействие о
щается явственно в искусстве монгольской эпохи и на Кавк
и в Иране, и в Золотой Орде, причем больше всего в ар
тектурном декоре.

Некоторым плетенкам и побегам с трилистником на зо
тоордынской майолике с подглазурной росписью есть анало
в передневосточной орнаментике (257).

Ложные мозаики имеют аналогии в среднеазиатском ар
тектурном декоре (337, рис. 125,2, с. 268). Изразцы с выскобл
ным по поливе рисунком находят прямые аналогии в памят
ках XIV в. в Иране (Султании, Тебризе) и Азербайджане (2
с. 28).

И все же золотоордынский архитектурный декор глубо
своеобразен. Например, золотоордынская резная терракотов
панель показывает, что мотив «узла счастья» применен т
как он не применялся в среднеазиатском архитектурном дек
ре — на свободном фоне расположен ряд сложных узлов, п
теных из двух полос. Нехарактерным для среднеазиатско
архитектурного декора является использование бордюрно
мотива бегущей спирали для покрытия больших зон орнамент
Оригинальны в золотоордынском декоре «королевские лини
и др. Своеобразна роспись золотом элементов мозаики.

Несомненные заимствования из среднеазиатского орнаме
тального искусства имеет золотоордынский ганч. Но и здес
видны различия и самостоятельность, проявляющиеся, напр
мер, в таких элементах, как стреловидные плоские арочки дл
украшения «сталактитов» и панелей, и т. п. Таким образом
изучая орнаменты на керамике золотоордынских городов, ка
бытовой так и архитектурной, мы должны отметить, что ана
логии встречаются в довольно широком окружении улуса
Джучи, главным образом в мусульманских странах Средней
Азии и Иране. Заимствования привели к тому самому золото
тоордынскому культурному синкретизму, той контаминации
культур, которые отмечены много раз в литераатуре. Прямыми
заимствованиями являются некоторые формы и орнаменты
штампованной керамики; близки к среднеазиатским и иранским
прототипам мозаики и майолики. Другие формы керамики,
например кашинная посуда с черной росписью под голубой и
бирюзовой поливой, были вообще широко распространены
в XIII—XIV вв. на мусульманском Востоке и не удивительно,
что вариант такой керамики возник и в Золотой Орде. Неко
торые типы кашинной керамики, например с полихромной под
глазурной росписью с рельефом и без рельефа, — собственное
детище золотоордынско-хорезмской культуры; они наиболее
своеобразны. В этих изделиях вырабатывается свой особый

тиль, в котором элементы заимствований глубоко перерабо-
аны и синтезированы.

ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ

На Селитренном городище обнаружена большая мастер-
ая по производству бытовой и архитектурной керамики (на
раскопе II). Эти материалы полностью опубликованы (64; 420;
71, с. 143—157) и нет нужды здесь повторяться. Удалось выя-
ить главные операции и их последовательность в работе гон-
ров, изготавливавших красноглиняную и кашинную керамику.
Изучено огромное количество печного припаса. Проведены ана-
изы полив и теста. Эта мастерская включала более двух де-
сятков горнов.

Другая мастерская керамиста обнаружена на Царевском го-
родище в районах обитания рядового населения. Здесь изготав-
ливались заготовки для мозаики и детские игрушки (423,
с. 109—114). Половинка двусторонней керамической формы для
отискивания таких фигурок найдена на том же городище во
время раскопок А. В. Терещенко.

Два горна для обжига поливной красноглиняной и неполив-
ной сероглиняной керамики обнаружены в одной из усадеб в
восточном пригороде Царевского городища (422, с. 111). Горн
для обжига простой неполивной красноглиняной керамики
открыт на Водянском городище около бани (план ее см. 184,
рис. 1). Несколько горнов по производству керамики, в том
числе и кашиной, было открыто на раскопе XI. Они относились
к периоду запустения большого дома. Один из горнов был вре-
зан в стену усадьбы, видимо, к этому времени полуразрушен-
ную. Горн для обжига кирпича широко известного в средние
века типа открыт на Селитренном городище (см. 420, с. 230).
О технике производства бытовой и архитектурной керамики
см. также 64; 153; 295, с. 23—25; 394; 425.

Нами была составлена классификация горнов для обжига
керамики с учетом ассортимента продукции (420, с. 225—230).

Нет необходимости повторять это все здесь. Заметим, что
в разных мастерских даже при сходстве типов горнов и ассор-
тимента продукции применялся разный печной припас (420,
с. 230—237). Так, например, для установки заготовок для мо-
заик в царевской мастерской применяли небольшие конусы.
В селитренской мастерской на раскопе II кроме конусов ис-
пользовали и другие способы установки плиток для мозаик,
которых нет в царевской мастерской. При обжиге поливных
кирпичей в горнах на XI раскопе Селитренного городища при-
меняли сплющенные с одного конца раструбы, которые в та-
ком виде не применялись в мастерской на раскопе II, распо-
ложенной совсем рядом. И это при том, что некоторые изделия
из этой мастерской на раскопе II, в частности заготовки резных

терракотовых плиток, попадали в район мастерской на раскопе. Мастера сохраняли индивидуальность своих произв ственных навыков и манер.

Исследование браков и отходов этих мастерских показа что в нижневолжских золотоордынских городах производили почти все виды поливной и неполивной керамики, как бытов так и архитектурной (за исключением люстровой).

На нижневолжских золотоордынских городищах матери получен достаточный, чтобы представить себе виды организ ции ремесла в области керамического производства (42 с. 237—239).

Мы считаем, что одной из форм организации ремесел я лялись индивидуальные мастерские с узкой специализацией небольшим объемом производства. Такой была мастерская Царевском городище (мастер изготовлял только поливны плитки для мозаик и фигурки животных как источник допо нительного заработка). Резали элементы мозаик в другом ме те, очевидно, на стройке. Индивидуальной была и мастерска горн которой открыт на Водянском городище (мастер прои водил только некоторые виды неполивной красноглиняной к рамики).

Другой формой организации ремесла были усадебные ма терские. Такова мастерская с двумя горнами на территори усадьбы в восточных пригородах Царевского городища. В усад бах работали также ремесленники — косторезы и ювелир Незначительные по объему разного вида производства соеди нялись в одной усадьбе. Работа велась, очевидно, на хозяина Специализация узкая — гончар изготовлял только красногли няную и сероглиняную штампованную керамику и работал с двумя однотипными горнами. Усадебные мастерские могли достигать и значительных размеров. Такова мастерская на раскопе II в первый период.

Большие мастерские со многими горнами с техническим разделением труда, работавшие по единому порядку и под единым началом, составляли третью форму организации ремесла. Несколько десятков ремесленников были объединены здесь в одну мануфактуру, принадлежавшую какому-нибудь богатому и видному лицу. Применялся, видимо, подневольный труд; возможно, использовались рабы. Этот тип ремесленных мастерских хорошо известен по письменным источникам того времени (на востоке они назывались «кархана»). Такой была, видимо, мастерская на раскопе II на Селитренном городище во второй период, когда усадьба прекратила свое существование. Ряд археологических данных позволяет говорить, что это было не просто соединение мелких индивидуалов (417, с. 216—218; 420, с. 239).

Золотоордынские города Поволжья отличаются застройкой от среднеазиатских. В них нет сплошных жилых кварталов. В золотоордынском городе нет и совмещения керамических горнов с мастерскими гончаров, что характерно для Средней Азии — кварталы гончаров X в на Афрасиабе, XIII—XIV вв. на Отрар (30; 196, с. 62—103). На Белгород-Днестровском городище горны и жилые дома относятся к разным строительным периодам (210, с. 18).

Глава V

ДРУГИЕ РЕМЕСЛА (АССОРТИМЕНТ ПРОИЗВОДСТВА)

СТЕКЛОДЕЛИЕ

Стеклоделие изучено на материале золотоордынских го дов Н. Н. Бусятской (71—74; см. также 471, с. 158—17 Н. Н. Бусятская представила количественное соотношение пов стеклянных изделий на главных золотоордынских гор щах, привела аналогии этим типам и их географическое пространение. Укажем выводы ее работы и некоторые дан полученные в последние годы.

Стекло, потребляемое в золотоордынских городах, было сортов — натриево-калиево-кальциево-магниево-алюмини кремнеземное и натриево-калиево-кальциево-магниево-ал ниево-свинцово-кремнеземное. Специально вводились оки свинца (до 17%). Обычно к ним добавлялись окислы о большей частью для придания стеклу непрозрачности. К телями служили те же вещества, что и для окраски полив керамике, — окислы меди, кобальта, реже свинца, железа, ганца. Стекло для окон и сосудов изготовлялось без доба ния свинца.

На Селитренном городище обнаружена мастерская по про водству бус, подвесок, перстней и браслетов (120; 288; 41 Это окончательно решает вопрос о наличии в золотоордын городах своего стеклоделия и показывает, что стеклоделат ные мастерские были довольно узко специализированы. З найдено много кусков стеклянного шлака, куски оплавлен стекла, стержни для украшения бус глазками и множес бракованных бус. Все это отходы.

В золотоордынских городах Нижнего Поволжья изготов лись стеклянные бусы, довольно разнообразные по техник стеклянные подвески, формой похожие на бусы, но крупнее (н которые подвески делались в форме птичек), стеклянные бра леты и перстни. Бусы встречаются на золотоордынских гор дищах сотнями, подвески, браслеты и перстни — единицами Технология и морфология этих изделий исследованы в раб

ах Н. Н. Бусятской (72; 73; 74; 471, с. 158 и сл.), и мы е будем здесь это повторять.

В быту населения золотоордынских городов кроме стеклян ых были кашинные бусы, покрытые бирюзовой поливой. Из кашина делали и двудырчатые полусферические пуговицы, оже покрытые бирюзовой поливой (420, рис. 31,*6—8, 22*; 471, ис. 94,*3—9*). Изготавливались также стеклянные вставки для ерстней. Они вправлялись в металлические перстни в качестве амены драгоценных или полудрагоценных камней. Обычно текляные вставки — плосковыпуклые линзовидные, прозрач ые или непрозрачные, чаще всего бесцветные, круглые или вальные (423, табл. VI,*8,9*; 471, рис. 89,*6—9*). Изготовляли акие вставки так: капали на плоскую поверхность жидкое стек о и оно, застывая, приобретало требуемую форму. Кроме есцветных изредка встречаются черные, голубые, зеленые или иние. Размер — 8—14 мм.

Делали также тонкие плоские вставки, овальные или круг ые, а также прямоугольные или квадратные со скошенными раями (471, рис. 89,*11*).

Иногда в качестве ставок использовали расколотую попо ам стеклянную бусину. Под стеклянные вставки на перстне ногда помещали полоску бумаги с магическими надписями. Перстень с такой вставкой и бумажкой превращался в амулет.

На Селитренном городище найдена овальная плоская встав ка с гравированным орнаментом в виде плетенки (471, ис. 90,*15*).

Оконное стекло обычно имело вид круглых плоских дисков загнутым краем. Стекло бесцветное, прозрачное. В центре ыступ — след от понтии (74, с. 54, 55; 471, рис. 90, *4, 11*).

В окна вставлялись и целые диски, и нарезанные из них ку очки. Последние приклеивались изнутри к ганчевым оконным решеткам. Вставляли и цветные стекла, фрагменты которых, а также один фрагмент ганчевой решетки с такими цветными текламн были найдены на золотоордынских городищах (74, . 54—56, табл. I,*4*; 471, рис. 83,*3*).

Стеклянные сосуды золотоордынского производства отли аются бесцветным прозрачным стеклом обычно плохого ка ества. Сосуды изготовлялись свободным дутьем или дутьем форму. Орнаментировались сосуды или наложением изогну ых стеклянных нитей и валиков из стекла того же цвета, ногда с насечками, или наложением толстого слоя стекла другого цвета (471, рис. 89,*20—21*, рис. 90,*5*; 472, рис. 120); на белое или желтое прозрачное стекло наносились желтые, голубые, красные или белые пятна стекла в виде узоров. Извест на также гравировка. Большая часть сосудов не орнаментиро вана. Встречаются (редко) впаянные в стекло крупицы золота. Формы сосудов почти не сохраняются, но гипотетически реконструируются (74, с. 50—54, табл. IV—VIII).

Сосуды в виде флаконов с округлым туловом, с высоким цилиндрическим горлом и слегка отогнутым венчиком (рис 33,7). Иногда это сосуды на кольцевидных поддонах. Вариан том являются сосуды с конусообразным туловом без поддона Дно у них обычно вогнутое, иногда в виде конуса вершиной вверх (74, табл. VII,*1,2*; 422, табл. V,*14,15*; 471, рис. 90,*14*) Назначение этих сосудов парфюмерное. Они широко распрос ранены, в том числе в Средней Азии в эпоху средневеков (31, рис. 71).

Большие сосуды с коническим туловом. Верхняя часть со судов реконструируется. Донце вогнутое (74, табл. VII,*3*).

Стаканообразные сосуды с вертикальными стенками и пло ким толстым дном (74, табл. VII,*4*).

Бокалообразные сосуды с коническим туловом и вогнуты поддоном, сформованным отдельно (74, табл. VII,5).

Усеченноконусовидные широкие сосуды, иногда с коль вым поддоном, с вогнутым донцем (74, табл. VII,*6*).

Чашевидные сосуды без ручек с отогнутыми или прямы венчиками, с плоским дном (74, табл. VII,*8*).

Чашевидные сосуды с круглым дном и петлевидными р ками (74, табл. VII,*8*).

Сосуды в виде кувшинов с коническим туловом, низким г лом со сливом, тонкой круглой в сечении ручкой, соединяю венчик с плечиками, и вогнутым дном (рис. 33,*8*).

Туваки — сосуды для детских люлек. Встречаются дв видов — для мальчиков и девочек. Туваки первого вида пр ставляют Г-образно согнутую трубку с расширением на одно конце, вторые — прямую трубку, расширяющуюся к одно концу, где находится овальный или прямоугольный приемн (74, рис. 1; 471, рис. 90,*9,12*). Были туваки в форме горше ков: стакановидных сосудов с плоским отогнутым венчиком плоским дном.

Встречаются детали от стеклянных сосудов с носиками виде прямых и расширяющихся к тулову сосуда трубок, а так же круглые в сечении изогнутые стеклянные ручки от сос дов неопределенных форм (471, рис. 90,*2,3,6*). Иногда дел лись двойные ручки в виде соединенных стержней. Есть сос ды на ножках (471, рис. 89,*22*).

Встречаются, как правило, фрагменты белых прозрачных сосудов, но изредка для производства сосудов использовали голубое, темно-синее и желтое стекло.

Изредка находят небольшие изделия из непрозрачного го лубого стекла в виде биконической сплошной фигуры с желоб ком в месте соединения конусов, около 1,5 см длиной (471, рис. 89,*19*). Их назначение неизвестно.

Н. Н. Бусятская выявила целый ряд убедительных пара лелей стеклянным изделиям Золотой Орды в других районах Стеклянные бусы имеют аналогии на Руси, в современных

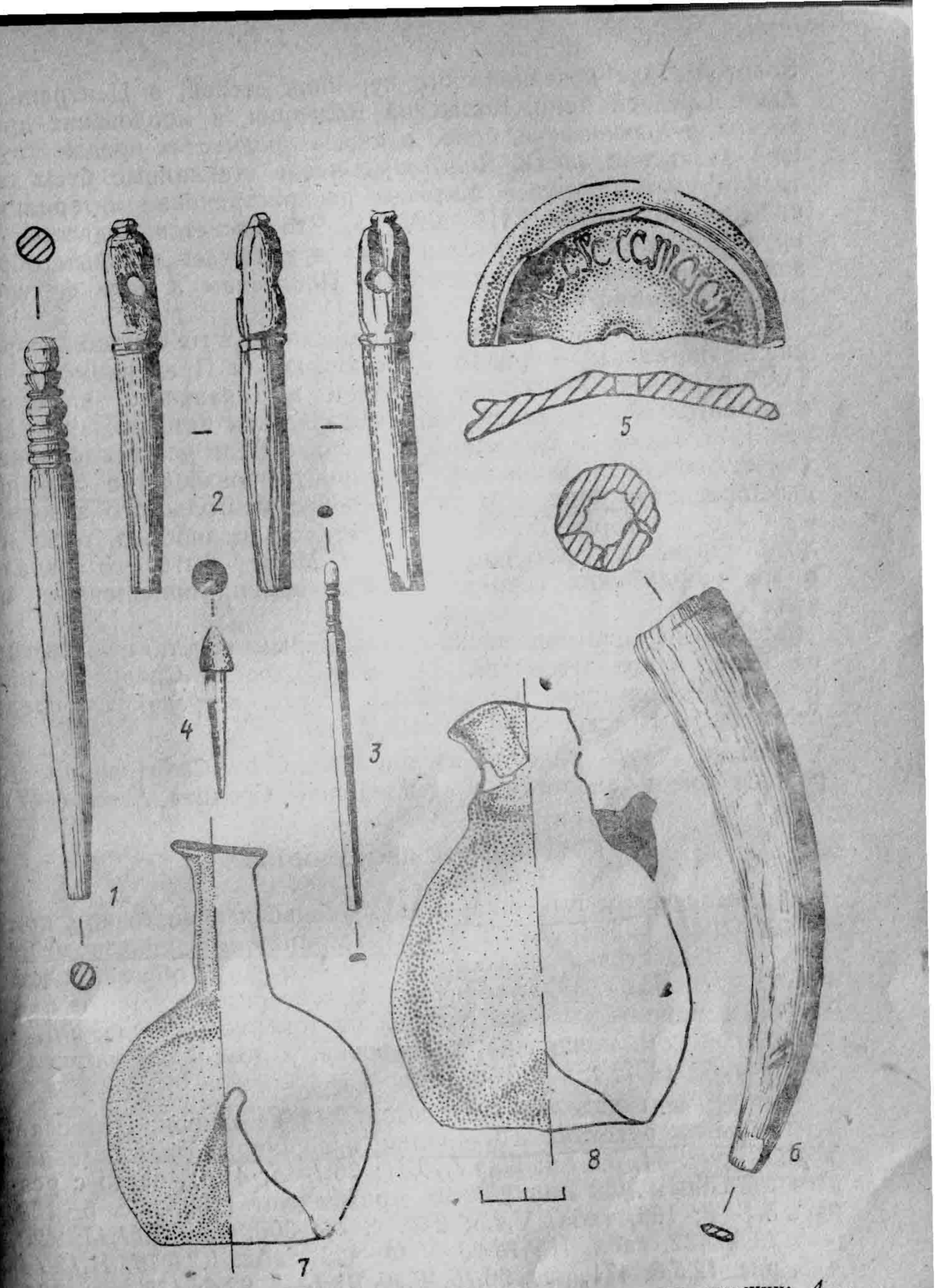


Рис. 33. Стеклянные и костяные изделия: *1,2,3* — костяные стержни; *4* — костяная стрела; *5* — изделие из черного стекла с росписью эмалями; *7,8* — стеклянные сосуды; *6* — заготовка из рога

Золотой Орде кочевнических курганах степей, в Центральной Азии, Средней Азии, Волжской Болгарии, в мордовских древностях, в Херсонесе и, более редко, в древностях предшествующей хазарской эпохи. Золотоордынские стеклянные бусы составили часть имевшей широкое распространение интернациональной бижутерии XIII—XIV вв. Что касается подвесок, то круг их аналогий значительно у́же и включает главным образом среднеазиатские параллели. Подвескам в виде фигурок птичек аналогий нет.

Браслеты, находимые на золотоордынских городищах, имеют аналогии главным образом в средневековом Причерноморье Тмутаракани и Херсонесе, а также в Закавказье, на Руси, в домонгольской Средней Азии, в харазских памятниках (Саркеле), а также в Волжской Болгарии. Если в этих районах (за исключением Волжской Болгарии) производство стеклянных браслетов пришло в упадок после монгольского завоевания, а в некоторых странах прекратилось полностью, то в Золотой Орде, наоборот, оно расцвело. Может быть, его создали в золотоордынских городах ремесленники, привезенные из этих стран.

Аналогии золотоордынским стеклянным перстням известны на Руси, в средневековой Западной Европе, Средней Азии, Волжской Болгарии. Стеклянные сосуды встречаются среди средневековых древностей Срдней Азии.

Состав стекла изделий из мастерской на Селитренном городище имеет аналогии в стеклоделии Средней Азии (447,

КОСТОРЕЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

На Царевском городище в двух усадьбах в восточном пригороде были обнаружены следы косторезного производства. Это были заготовки из кости и оленьего рога, обрезки кости и рога (рис. 33,*6*), полуфабрикаты. В косторезном ремесле применялись приемы выточки изделия на токарном станке, пиление, резание ножом, полировка, гравировка, в том числе циркульным резцом (422, с. 106, 108, 120).

Ассортимент изделий косторезов был не широк. Это главным образом рукоятки и накладки, навершия, в частности для ножей (рис. 34, *3,6,7,9*; 35,*5,7,10,11*; 36,*1—5*; 41,*6*), часто с резным линейным или циркульным орнаментом (132, рис. 5; 139, рис. 3,*1—3*; 166, табл. V,*4,5*; 240, с. 44; 308, рис. 3,*11,13*; 420, рис. 29,*2*; 422, табл. II,*9,18,23*, V,*18*; 423, табл. I,*2,9,10*, II,*12,14*; 415, рис. 12,*5,8*; 471, рис. 90,*16,19,20*, 91,*1—3*, 92,*6*; 472, рис. 121, 122. Ср. в Волжской Болгарии 179а, рис. 96,*1—3*). Изготовлялись муфточки (рис. 34,*1,2,4,5,8*), служившие среди прочего для рукояток ножей — «затыльники» (139, рис. 3,*5,6,8,9,10*; 166, табл. V,*1,2,9*; 240, с. 44, рис. 3; 420, рис. 31,*2,5*; 422, табл. II, *10,12*; 423, табл. I,*7,8*, II,*7,11*; 471, рис. 90,*17,23,24*, 91,*5,6,8,13*,

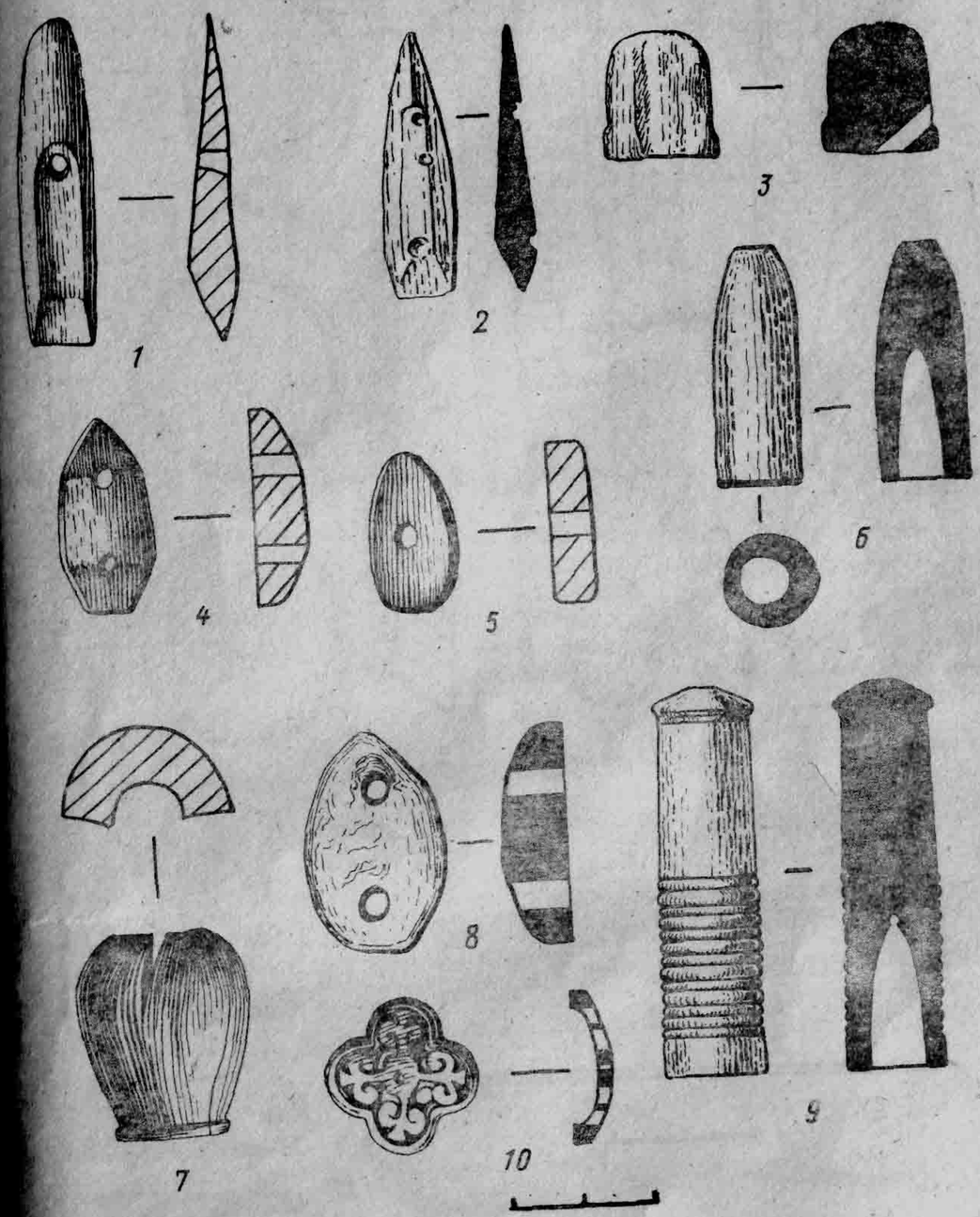


Рис. 34. Костяные изделия: *1,2,4,5,8* — муфточки; *3,6,7,9* — навершия; *10* — бляшка

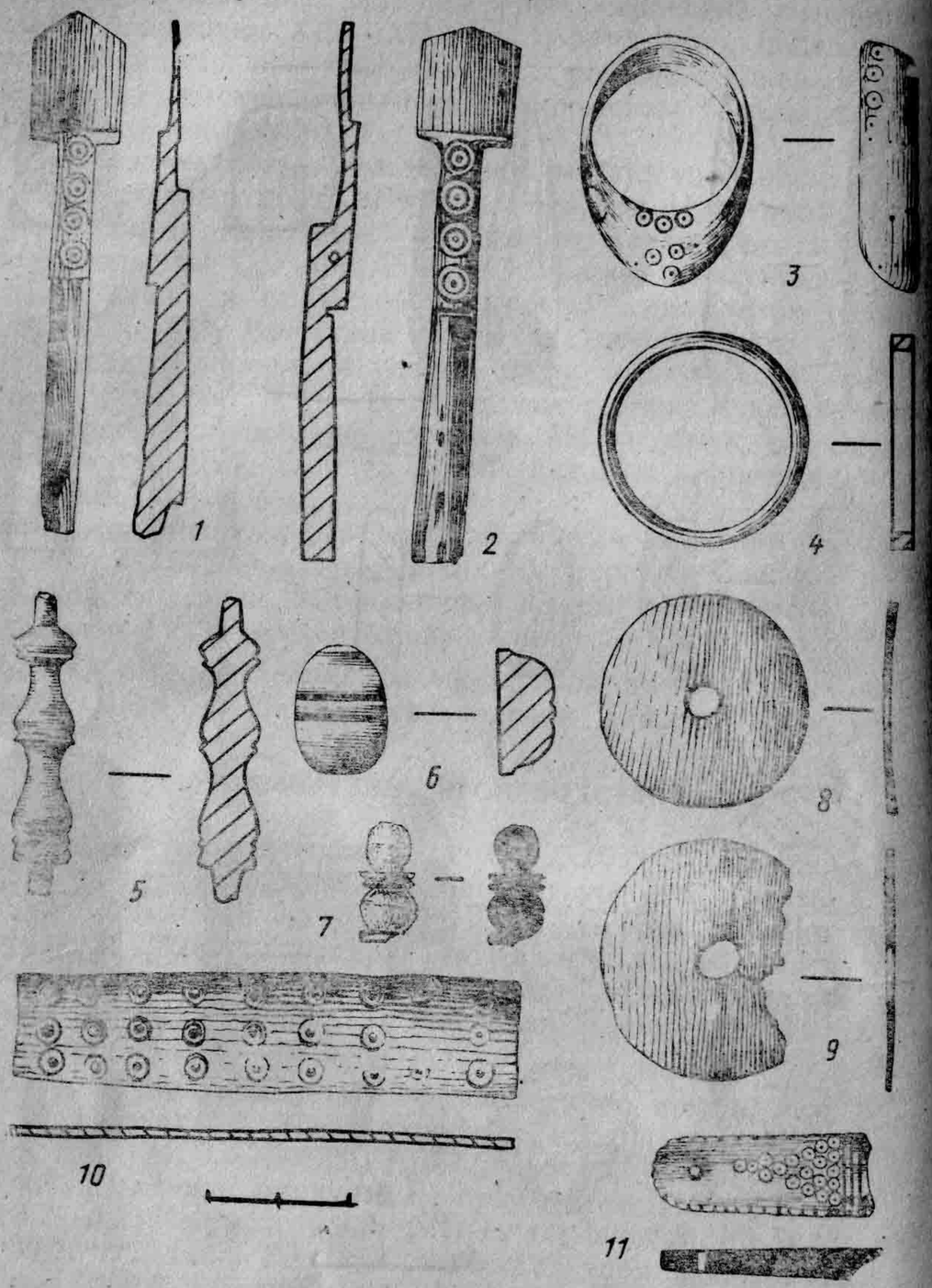


Рис. 35. Костяные изделия: *1,2* — «щипчики»; *3* — кольцо для натягивания лука; *4* — кольцо; *5.7* — навершия от стержня; *6* — бляшка; *8,9* — пластины; *10* — накладка на рукоять ножа; 11 — накладка

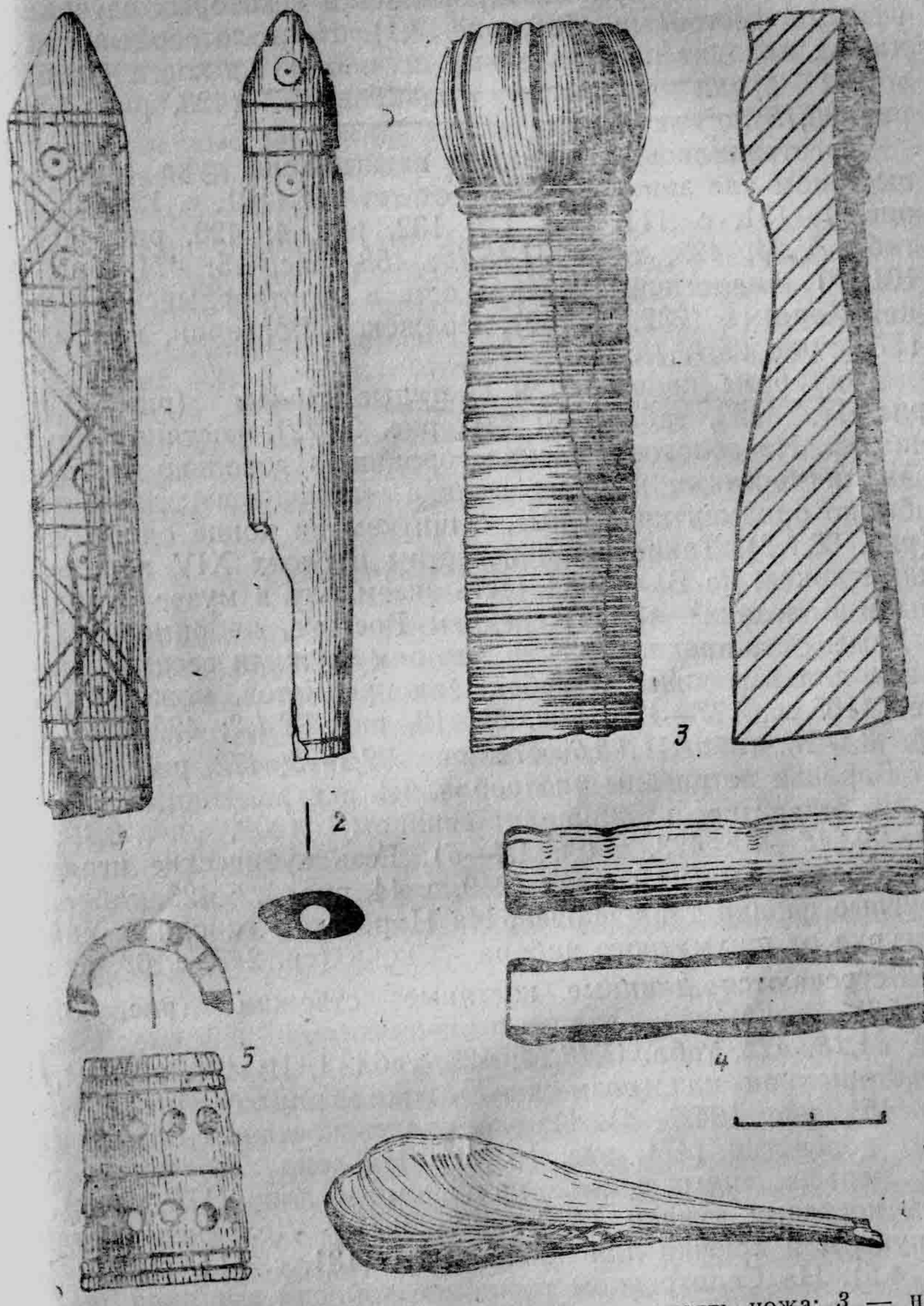


Рис. 36. Костяные изделия: *1,2* — накладки на рокоять ножа; *3* — навершие; *4,5* — рукояти ножей; *6* — кочедык

92,*9—12*; ср. 179а, рис. 97). Косторезы делали крупные точ
ные рокоятки кинжалов с прорезью для лезвия (458, рис. 1
Рукоятки ножей орнаментировались в некоторых случаях ре
ефными фестонами (139, рис. 3,*1*). На золотоордынских го
дищах находят изготовленные полностью из кости ножи, у
торых ручка украшена гравировкой (423, рис. 1,*1*; 4
рис. 90,*18*).

Изготовлялись кольца для натягивания лука (рис. 35,*3*
выступом для защиты пальца от тетивы (101, с. 12; 105, с. 1
рис. 1; 131, с. 111, рис. 1,*3*; 132, рис. 4; 420, рис. 30,*4*;
табл. V,*24*; 423, табл. II,*15,16*; 458, рис. 15; 471, рис. 91
101,*13*). Аналогичные кольца есть в золотоордынских памят
ках Хорезма (232, с. 108), Волжской Болгарии, на Балка
(179а; рис. 99,*17,18*; 299).

Косторезы производили костяные стрелы (рис. 33,*4*;
рис. 10,*4*; 423, табл. II,*4*; 416, рис. 98,*22*), костяные накла
на лук. На золотоордынских городищах довольно часто вст
чаются костяные изделия в виде «щипчиков», двусоставн
обычно орнаментированные, с щитком на конце одной лопа
(рис. 35,*1,2*). Такие вещи известны в слоях XIV в. в русск
памятниках, на Балканах (есть экземпляр в музее Стара-За
ры в Болгарии) и на Переднем Востоке, например в Сир
в Хаме. Есть предположение, что они служили весами типа б
мена для взвешивания небольших предметов, может быть
нет (105, с. 177—178, рис. 8; 416, рис. 98,*1,2*; 420, рис. 31,
35,*7,8*; 423, табл. II,*2,3,6*; 471, рис. 92,*2—5*; 472, рис. 123, 12

Бараньи астрагалы употреблялись в игре. Иногда в них д
лали отверстие и заливали свинцом (308, рис. 3,*10*; 41
рис. 98,*16—18*; 423, табл. I,*4—6*). Есть кубические игральн
кости с точками на гранях (240, с. 44, рис. 1,*2*; 423, табл. II,9
круглые фишки типа шашек. На Царевском городище найде
фигурка от шахматного набора — конь (ср. 245, с. 63, рис. 6)

Встречаются длинные костяные стержни (рис. 33,*1—3*
35, *5,7*) с орнаментированными окончаниями (280, рис. 6,*4*; 420
рис. 31,*18*; 422, табл. II,*13,14*; 423, табл. I, II; 471, рис. 94,*1,2*).
Некоторые из них, возможно, служили палочками для еды
(ср. 151, рис. 164,*2—6*). Изготовлялись костяные кольца (рис.
35,*4*) и перстни (471, рис. 101,*12*). Найдена заготовка в виде
двух нераспиленных колец с надписями «Аллах (116, рис. 1, 2).
Есть костяные туваки (420, рис. 30,*7*). Делались костяные
гарпуны или крючки для ловли рыбы (131, с. 111, рис. 2; 132,
рис. 4,*5*). На Селитренном городище найдена костяная трубоч-
ка с отверстиями для сучения нитей (471, рис. 91,*10*; ср. 277,
рис. 141,*3*), спиленный рог с отверстием (422, табл. II,*8*).
Встречаются костяные гвоздики (422, табл. II,*25*).

Из крупных ножных костей лошади делали предметы с дву-
мя отверстиями на концах, имеющими следы веревки или ремня,
и с полированными поверхностями. Считают, что этими пред-

ами производилась обработка кожи. Изготовлялись из кости
ного вида проколки (132, рис. 5; 139, рис. 3,*4*; 308, рис. 3,*12*;
22, табл. II,*15*), кочедыки (рис. 36,*6*), (422, табл. II,*8*; 471,
ис. 92,*1*), копоушки (471, рис. 91,*4*), бляшки и пластины
(рис. 34,*10*; 35,*6,8,9*), пронизки (139, рис. 3,*7*; 172, табл. I,*10*; 405,
ис. 10,*3*; 420, рис. 30,*6*; 422, табл. V,*17*; 471, рис. 90,*22*,
1,*7,9,12*, 92,*7,8,13*; 472, рис. 126).

Многочисленные пластины для ларцов и для других пред-
тов покрывались, так же как рукояти ножей, резным геомет-
ическим и циркульным орнаментом.

Более сложную орнаментацию имели пластины-накладки на
олчаны (280, рис. 6,*6*). Такие колчаны были распространены
среди кочевников и встречаются в их курганах, особенно часто
близи золотоордынских городов, где, видимо, и изготовлялись
(219; 471, рис. 93). Главным потребителем этих изделий — ко-
ым населением — был определен совершенно иной их декор,
чем орнаментация золотоордынской керамики и архитектуры
(112, рис. 146—150, с. 187, 188). В Болгарах найдены полуфаб-
рикаты изделий подобного вида (324а; ср. 179а, рис. 99,*15,16*).

КАМНЕРЕЗНОЕ РЕМЕСЛО

Кроме привозных каменных сосудов на золотоордынских
городищах Поволжья встречается большое количество других
изделий из камня. В изобилии находят на золотоордынских
городищах круглые каменные ручные жернова с отверстием
для рукояти у вогнутого верхнего камня. Много точильных
камней (174, табл. I,*8*; 308, рис. 3,*14*; 420, рис. 29,*5,8*; 422,
табл. II,*27*; 423, табл. II,*22,23*; 471, рис. 95,*1—5*; 472, рис. 127).
Встречаются каменные грузики или пряслица (471, рис. 95,*7*).
Есть грузики из белого камня со знаками (422, табл. IV,*16*).

В золотоордынских городах Нижнего Поволжья производи-
лась обработка полудрагоценных камней. В тошнау главного
дома второй усадьбы в восточном пригороде на Царевском
городище была найдена целая коллекция украшений из горного
хрусталя, александрита, сердолика, опала и стекла. Так как
к дому была пристроена ювелирная мастерская, можно думать,
что находка связана с этим производством (422, с. 106, рис. 8).

Судя по тому, что в некоторых местах Селитренного городи-
ща находят обломки кораллов, сердолика, бирюзы, горного
хрусталя и других камней, в этих местах были мастерские по
изготовлению вещей из этих пород камня. Встречаются бра-
кованные и незаконченные изделия из сердолика и жадеита,
например перстни, веточки коралла. Это подтверждает мест-
ное изготовление вещей из полудрагоценных камней (471,
рис. 87,*10*, 88,*13,18*). Из этих камней (больше всего из сердо-
лика), а также из перламутра делали подвески и бусы (47,
рис. 1,*2,4*; 308, рис. 3,*19,22*; 471, рис. 87,*4,8,9,12,14,16,26*,

рис. 88,*1—16*; 472, рис. 132) и перстни, иногда со щитком, на котором помещали в ряде случаев надпись, например «Аллах» (47, рис. 1,*6*; 116, рис. 1,*1*; 420, рис. 31,*20*; 422, табл. V,*16*; 471, рис. 87,*3,5,6,10*; 472, рис. 133). Есть точные аналогии некоторым перстням в Хорезме в памятниках XIII—XIV вв. (ср. 471, рис. 87,*6* и 232, рис. 30,*3*). Изготовлялись также вставки для перстней из сердолика и горного хрусталя (322, рис. 8; 471, рис. 87,*2, 20—25*, 88,*17*). Особенно часто находят такие вставки из горного хрусталя — плоско-выпуклые, овальные, круглые или квадратные со скошенными гранями (422, рис. 8,*1—3*). Встречаются печати из нефрита (422, рис. 13, табл. II,*29*; 471, рис. 87,*15*; 472, рис. 134) и сердолика. Есть шахматные фигурки. На Селитренном городище найдены цилиндрическая с округлым верхом пешка из горного хрусталя (ср. 245, стр. 16, рис. *е*) и конусовидная фигура из янтаря с брусковидным вытянутым навершием, у которого есть коническое углубление, видимо ферзы (323, с. 93, рис. 9,*13,14*).

Во время раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище обнаружены ременная бляха из рога с прорезью для пропускания ремня, резная, с изображением животного (132, рис. 21), обломки высокохудожественных резных пластин из белого нефрита с изображением бегущего оленя (135, с. 374), а также две пластины с изображением фантастического животного. Из Селитренного городища найдены ременнная бляха из нефрита с боковой прорезью для ремня (471, рис. 87,*13*), овальный предмет из горного хрусталя с резным орнаментом (471, рис. 87,*19*; 472, рис. 135) и другие изделия из полудрагоценных камней (471, рис. 87,*7,11,18,27*; подробнее см. 323).

Кроме мелких изделий из камня изготавливались крупные вазы может быть, для украшения садов (471, рис. 95,*10*).

ОБРАБОТКА ЖЕЛЕЗА

Железоделательное ремесло в золотоордынских городах почти не изучено. Известна только продукция его.

В золотоордынских кузницах делали топоры разных типов (165, табл. I,*19*; 420, рис. 29,*7*; 422, табл. IV,*21*), долота, тесла (149, табл. II,*2*; 308, рис. 3,*2*; 423, табл. V,*7,8*), серпы (308, рис. 3,*1*; 420, рис. 29,*10*; 422, табл. III,*1*), лопаты, кетмени, кайла (416, рис. 98,*24*; 422, рис. III,*13*; 423, табл. V,*4,11*), шарнирные ножницы (рис. 37,*1*) современного типа (422, табл. IV,*1*), ножи с черешком (165, рис. 1,*8*; 166, табл. II,*1,2*; 416, рис. 98,*14,15*; 422, табл. IV,*19*; 423, табл. IV,*12,15,16*, V,*17,18*; 471, рис. 96,*13,14*; 472, рис. 93), рыболовные крючки (131, с. 111, рис. 1; 132, рис. 4; 165, табл. I,*6,7*; 423, табл. IV,*9*), молотки (166, табл. III, *4,5*), мотыжки (165, табл. I,*5*), пилы (131, рис. 4; 132, рис. 3), наковальни (149, табл. II,*1*), различные другие инструменты (308, рис. 3,*5*; 422, табл. IV,*11*).

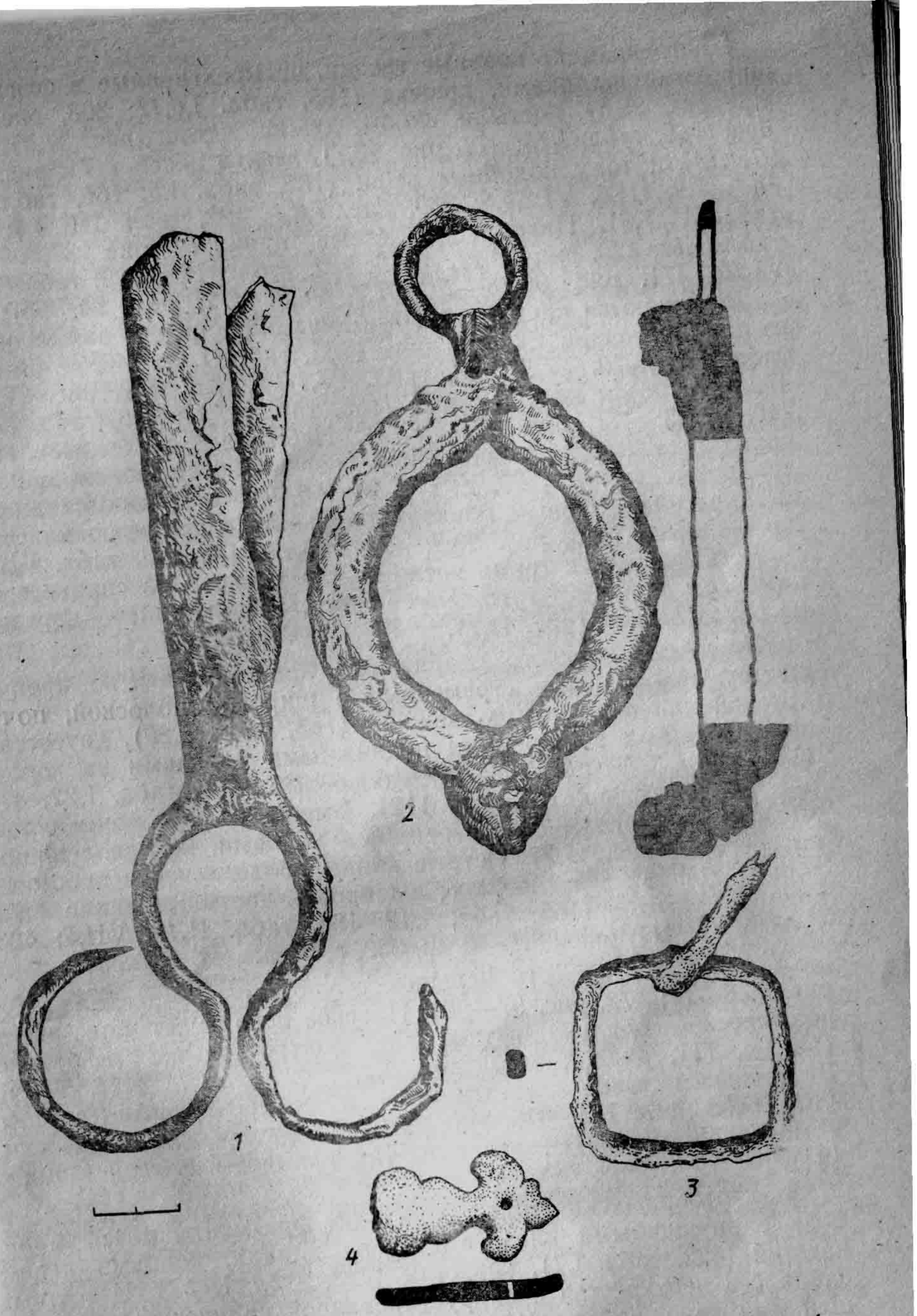


Рис. 37. Железные изделия: *1* — ножницы; *2* — петля; *3* — пряжка, *4* — бляха-нашивка

Часто находят кованые гвозди, четырехгранные в сечении с широкими шляпками, крючья (165, табл. I,*6*,*17*; 308, рис. 3,*6*; 420, рис. 29,*6*), костыли, скобы, дужки, петли (рис. 37,*2*), пробои (165, табл. I,*15*; 471, рис. 98,*7*), звенья цепей (471, рис. 96,*1*, 97,*4*,*15*) и тому подобные вещи (165, табл. I,*3*; 166, табл. I,*9*, II,*3—7*,*9*, III,*6*, VI,*2*,*5*,*6*; 280, рис. 7,*6*,*7*; 422, табл. III, *3*,*5*; 423, табл. IV,*7*,*8*). Находят железные пряжки (рис. 37,*3*; 165, табл. I,*14*; 420, рис. 29,*11*, 31,*19*; 422, табл. III,*2*; 423, табл. V,*21*, VI,*10*; 471, рис. 96,*18—20*, 97,*7*, 98,*5*; 472, рис. 94, 95).

Встречаются часто железные двухцилиндровые замки общего для Восточной Европы типа (165, табл. I,*10*; 240, с. 43; 422, табл. III,*8—10*, IV,*5*; 423, табл. IV,*1—5*, V,*6*; 471, рис. 97,*1*,*2*; 472, рис. 96) и ключи к ним (165, табл. I, II; 166, табл. III,*1*; 240, с. 43; 471, рис. 97,*3*,*5*,*8*,*12*). Небольшие железные замки часто отделывались бронзовой пластиной. Известны одноцилиндровые замки (105, с. 177, рис. 6, 7). Встречаются железные кресала, главным образом овальные, с прорезью или «калачевидные» (416, рис. 98,*9*; 422, табл. III,*6*; 423, табл. V,*22*).

Есть кресало с тремя петлями для пальцев на спинке с орнаментом в виде треугольных фигур, выполненных нарезкой на боках лезвия (рис. 41,*1*).

Предметы конского снаряжения представлены по преимуществу арковидными стременами с широкой полоской, почти круглой или овальной подножкой (165, табл. I,*20*), двусоставными удилами с широкими подвижными кольцами на концах (165, табл. I,*21*; 280, рис.7,*5*), подковами (165, табл. I,*22*; 471, рис. 96,*15—17*; ср. 151, рис. 112). Вместо подков применялись железные пластины с заостренными концами, иногда с шипом посередине (рис. 41,*7*). Острые концы продевались в прорези в копыте лошади и загибались, а широкая часть оставалась внизу под копытом (165, табл, I,*12;* 166, табл. II,*10*, VII,*6*; 423, табл. V,*19*; 471, рис. 98,*1—4*; ср. 339, с. 278).

У стрел всегда есть черешок с упором для древка (471, рис. 96,*6—12*; 472, рис. 97—99). Плоское перо имеет чаще всего ромбическое овально-листное или подтреугольное очертание (131, с. 111, рис. 4; 165, табл. I,*2*,*9*; 423, табл. IV,*11*, VI,*2*). Встречаются узкие трехгранные и четырехгранные стрелы (165, табл. I,*18*; II,*6*; 420, рис. 29,*1*; 423, рис. V,*3*,*16*). Известны у монголов стрелы с прорезью, так называемые «свистящие» (94).

В золотоордынских городах находят фрагменты мечей и сабель с опущенными вниз, в сторону клинка, концами перекрестий (422, табл. I,*1*), кинжалы (423, табл. IX,*33*). Известны сабля без перекрестья с инкрустированной надписью, содержащей имя хана Узбека (132, рис. 14, 15; 470, рис. 63), меч с серебрянной отделкой рукояти и ножен, на навершии которого изображены чернью птица и заяц и содержится благопожелательная надпись владельцу. Меч (375, с. 85, рис. 156)

найден у золотоордынского поселка близ Райгородка на Украине (329, с. 150—151).

Изготовлялись железные дротики с втулкой (423, табл. V,*1*), копья с втулкой и крюком при переходе втулки в листовидное перо, как у копий чжурчженей (423, табл. IX,*34*; 416, рис. 98,*23*). Известны находки фрагментов кольчуг (458, рис. 17), пластин от панцырей, боевых железных булав (471, рис. 96,*5*; 472, рис. 100). Для кожанных сумок делались железные накладки (422, табл. IV,*6;* 423, табл. IV,*6*). Изготавлялись различные другие железные бляхи (рис. 37,*4*), украшения и накладки (166, табл. VI,*3*; 462, табл. IV,*7*,*20*, V,*1*; 423, табл. IV,*10*,*13*, V,*5*,*9*,*10*,*12*, VI,*4*; 471, рис. 97,6,*9—11*,*13*,*14*,*16*, 98,*10*).

Так же как в Волжской Болгарии XIV в., в золотоордынских городах Нижнего Поволжья производился чугун. Из него отливали сферические котлы диаметром 25—30 см, иногда с плоскими ручками (405, рис. 4), и большие втулки-чуны с выступами для осей колес (166, табл. III,*2*; 420, рис. 29,*13*; 471, рис. 98,*6*; 472, рис. 101; ср. 151, рис. 111; 284, рис. 16,*2*,*4*,*7*; 387, рис. 1). На Водянском городище найдена круглая в сечении петлевидная чугунная ручка от сосуда. При раскопках А. В. Терещенко на Царевском городище обнаружен горн с 79 отверстиями для сопел, видимо, чугунолитейный (384, с. 38).

ОБРАБОТКА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Технологию обработки цветных металлов и ассортимент этого ремесла изучила М. М. Крымина. В культурном слое золотоордынских городов находят много литейным формочек. Большинство из них каменные — из белого известняка или чер-ного сланца. Наиболее простые формочки — открытые, без литников (471, рис. 94,*13*,*16*). В них отливались пластины, на-шивки, заготовки для резных или гравированных пластин, т. е. предметы с одной лицевой стороной, поверхность которой и образовывалась в литейной полости формочки (228, с. 249—252, рис. 1,*1*, 2,*1*; 405, рис. 10,*1*,*2*).

Другая группа — разъемные литейные формочки (рис. 39,*8*). Части формы скреплялись штифтами. Формочки имели литники. Для отливки перстней применяли две половинки формы с полостью, в которую вставляли цилиндрическое тело (166, табл. IV,*3—5*; 228, рис. 1,*2*, 2,*2*, 3,*1*, 4,*2*, 5,*1*). На одной части формочки, иногда на разных ее сторонах, вырезали полости для отливки нескольких вещей (471, рис. 94,*14*). На Водянском городище найдена формочка для отливки сразу нескольких перстней, причем литники от трех полостей соединены вместе. Рядом на той же стороне этой формочки имеется вырезанная полость для отливки подвески, а на противоположной стороне — полость для литья круглого медальона, фигурного и какого-то роговидного украшений. Для быстрого заполнения ме-

таллом литейной полости для отливки подвески к ней вели два литейных рукава от одного внешнего отверстия, в которое заливался расплавленный металл. Есть формочки для отливки подвесок с крестом и розеткой (228, с. 250, 253—256, рис. 1,*3*, *4*, 2,*3*,*4*, 3,*4*; 321а, рис. 20; ср. 37, рис. 1,*2*).

Применялся способ литья «на выплеск». Литые таким способом вещи часто имеют орнамент, подражающий зерни или скани. Две формочки для изготовления одинаковых полых височных подвесок, найденные в Царевском и Селитренном городищах, тоже предназначались для литья «на выплеск». Металл в эти формы заливался через широкий основной литник, затем быстро распределялся по трем каналам и, обтекая стенки полости литейной формы, выводился через литник, расположенный симметрично вводному. Средний канал у этих форм был нужен только для быстрого распределения металла. Получавшаяся в этом канале отливка у готового изделия отпиливалась (132, рис. 8; 228, с. 256—260, рис. 5,*3*, 6,*4*,*5*,*7*, 7,*2*,*3*; 470, рис. 71).

Есть литейная формочка из Увека для серьги, по форме подражающей русской серьге XIII в. (381, рис. 24). Она также предназначалась для литья «на выплеск». К той же группе относятся форма для литья миниатюрных сосудиков из Сарайчика (119), формы для литья сфероконуса из Царевского городища (131, рис. 18; 132, рис. 7; 228, рис. 6,*6*; 274, рис. 1,*3*, с. 48—49; 458, рис. 6, 7).

Каменные формочки применялись и для литья свинцовых предметов и украшений, в частности грибовидных грузиков. В этих формах использовался вставной стержень, позволявший получать в грузиках сквозное отверстие (228, рис. 6,*1*,*2*,*3*, рис. 7,*1*, с. 256—258; 471, рис. 94,*15*).

Техника литья в формах, имитирующая скань и зернь, а также техника литья «на выплеск» были хорошо известны в Древней Руси. Возможно, оттуда были заимствованы и золотоордынскими мастерами эти приемы, о чем говорит внешний вид некоторых изделий, отливаемых в этой технике, — серьги древнерусского типа, подвески с крестом (471, рис. 112,*4*). Но дополнительные литники — изобретение, очевидно, местное. Приспособление форм для литья изделий в массовом количестве (сразу по нескольку перстней) говорит о высоком уровне ремесла и расчете его на удовлетворение больших запросов рынка (публикацию других каменных литейных форм см. 166, табл. IV,*2*; 438, рис. 14,*5*).

Известны глиняные литейные формы (34, рис. 30; 35, табл. II; 381, рис. 33; 405, рис. 10,*5*). Большая серия их была найдена в Азове. Такая форма изготовлялась обычно оттискиванием готового изделия в мягкой глине и поправкой получившейся полости резцом. Затем она обжигалась (рис. 38). Было высказано предположение, что в таких формах отливались

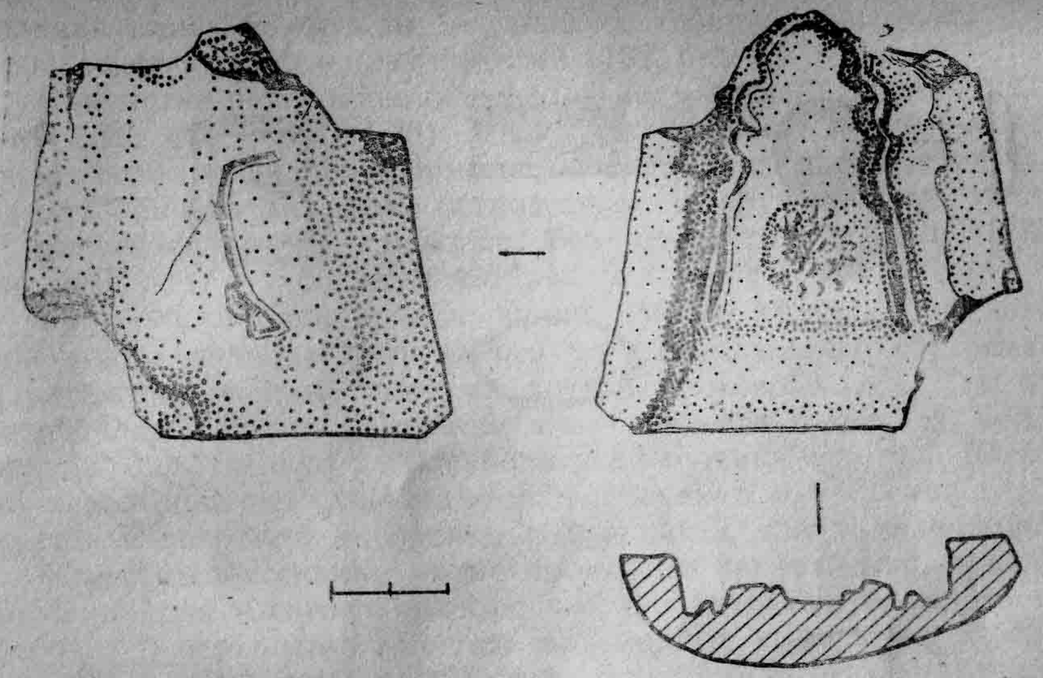


Рис. 38. Керамическая литейная форма

(«на выплеск») ботала — бубенчики для скота (101, с. 13). Делались формочки и непосредственно резьбой по сухой, но необожженной глине. Изготавливались также двусторонние разъемные формочки по восковой модели. Так изготовлялись, например, формы для литья бубенчиков. Бубенчики отливались вместе с железным погремком внутри них. Техника этого литья была хорошо известна в Древней Руси и оттуда была, видимо, заимствована золотоордынскими ремесленниками (352, с. 244—247).

В Увеке и Болгарах найдены бронзовые обоймы, в которых, возможно, зажималась пара формочек при литье.

Зеркала отливались разными способами. Иногда делали для них каменные односторонние формочки (471, рис. 107,*2*). Другие зеркала отливались в глиняных формах, полученных оттискиванием готового изделия в глине до ее обжига. В результате многократного повторения этой операции изделия утрачивали четкость орнаментов.

Ремесленники покупали медь и бронзу в виде слитков, имевших иногда вид согнутого стержня, прямоугольного в сечении, обрубленного с одного края и заостренного с другого. В числе находок на Царевском и Селитренном городищах имеются товарные слитки бронзы и свинца. Слитки рубились на кусочки, которые и шли на плавку изделий (423, табл. I,*23*). В качестве вторичного сырья использовались части бронзовых сосудов, из которых вырезали пластины. На Царевском городище при раскопках А. В. Терещенко найдена большая прямоу-

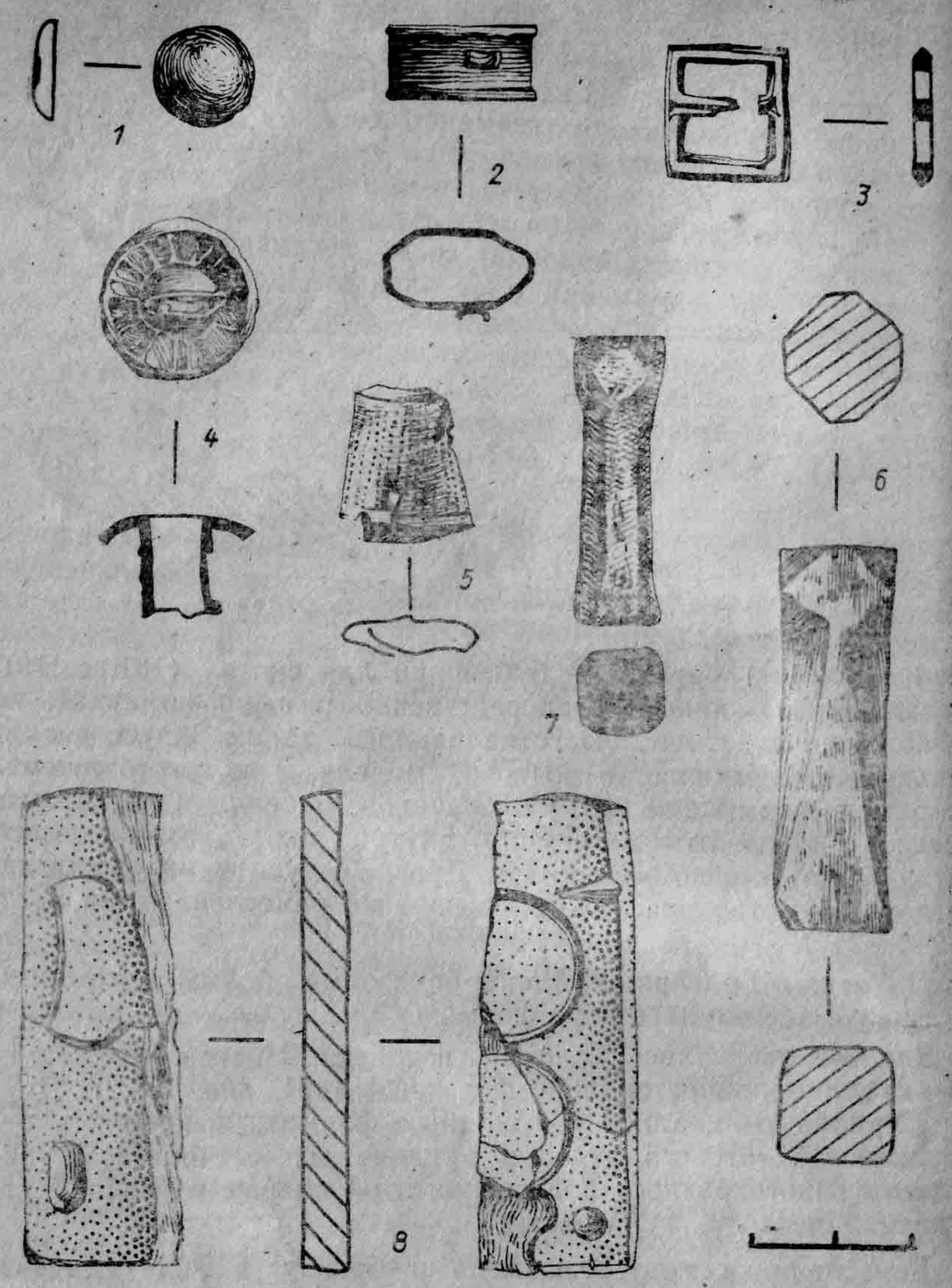


Рис. 39. Бронзовые свинцовые и каменные изделия: *1* — шляпка бронзового гвоздика; *2* — бронзовая обойма; *3* — бронзовая пряжка; *4* — свинцовый грузик; *5* — бронзовый наперсток; *6,7* — бронзовые наковаленки; *8* — каменная литейная форма

гольная плита из бронзы, — видимо, товарная заготовка для производства ремесленных изделий (132, рис. 3).

При литье ремесленники использовали тигли и льячки (308, рис. 3,*16*; 423, табл. I,*20*). Были круглодонные керамические тигли полуяйцевидной формы с отверстием в дне для спуска расплавленного металла, остродонные и круглодонные тигли с цилиндрическими стенками без отверстия в дне (139, рис. 5,*1—3*; 166, табл. IV,*1*; 422, рис. 9, табл. V,*28,29*).

Бронзолитейщики хорошо знали приемы спайки, при которой концы изделия нагревались до размягченного состояния, а затем наложенные один на другой проковывались. Так изготовлялись перстни. Стержни для браслетов, перстней, цепей отливались отдельно и разрубались на нужные отрезки. Широко использовались различные виды чеканки и тиснения орнаментов в холодном и горячем состоянии, а также гравировки.

Известны массивные литые бронзовые наковаленки, приспособления для изготовления сферических тисненых блях. На их рабочих поверхностях имеются шаровидные углубления разных диаметров (132, рис. 8; 405, рис. 8,*2*). Аналогичные матрицы обнаружены в Биляре (229, табл. XXXVII,*16*).

Найдены матрицы, которыми оттискивались фигурные бляхи с рельефными изображениями. Есть фрагмент матрицы из Царевского городища в виде бруска. На рабочей его стороне имелось сферическое углубление, в центре которого находился круглый штемпель с тонким растительным узором. На эту поверхность клали лист металла, а на него — кусочек свинца («подушка»). При ударе лист металла выгибался, придавливался к рабочей части матрицы и на нем оттискивалось изображение.

Другая матрица, найденная на Царевском городище, устроена иначе. Это брус, в основании которого прямоугольник, а грани скошены. Рабочая поверхность плоская, приподнята под поверхностью бруска и имеет орнамент в виде рельефных полос. На нее также накладывали лист металла, а сверху — свинцовую «подушку». При ударе пластина получала форму прямоугольной бляхи с закраиной и на бляхе оттискивался орнамент. Возможно, также матрицами наносился орнамент на большие пластины, под которые подкладывали свинцовую «подушку». Известна матрица из Селитренного городища в виде низкого цилиндра, на рабочей поверхности которого имеется углубленный орнамент, а на оборотной стороне — следы от удара молотком (471, рис. 103,*9*; 472, рис. 62). Такой матрицей штамповали круглые бляхи с розетковидным узором, но могли также выбивать орнамент из листа бронзы или на тонкой стенке бронзового изделия, под которую, возможно, также подкладывали свинцовую «подушку». Боковые поверхности этого штампа имеют насечки для держания ее щипцами. Имеется матрица из Царевского городища в виде

бруска с выпуклыми стилизированными арабскими буквами и плетеным орнаментом. Это не обратное изображение, а прямое. Следовательно, матрицу подкладывали под лист металла и оттискивали орнамент давлением сверху.

Возможно, для чеканки по металлу служили бронзовые граненые наковаленки (рис. 39,*6*,*7*), четырехугольные в сечении с одного края и шестнадцатигранные — с другого (423, табл. I,*13*). Они известны в Болгаре. Встречаются небольшие бронзовые ювелирные наковаленки (422, табл. I,*3*). Видимо, для штамповки узоров служили чашевидные бронзовые матрицы в виде низких полых конусов, обычно с выемками на срезе и углубленным изображением льва с загнутым вверх хвостом на рабочей поверхности. Они известны из Царевского и Селитренного городищ, Камаевского селища в Татарии и других золотоордынских памятников (471, рис. 103,*13*).

Готовые литые и штампованные изделия тщательно заглаживались напильниками.

Интересен с точки зрения техники обработки цветных металлов латунный браслет, найденный на Селитренном городище. Браслет сделан из узкой пластины, вырезанной из плоского, тщательно откованного предмета, украшенного с одной стороны орнаментом в виде прямых линий и листьев. Орнамент нанесен острым зубильцем и каким-то острым орудием, оставлявшим следы в виде буквы «п». Этот орнамент сохранился на оборотной стороне браслета. На лицевой стороне сделан узор при помощи штамповки несколькими матрицами. Одной матрицей нанесены часть надписи и параллельные линии рамки, другой матрицей — остальная часть надписи. Все операции произведены в холодном состоянии и сопровождались промежуточными отжигами металла. В латунь добавлен свинец в качестве искусственной лигатуры, так как он оказывает благоприятное действие на механико-технологические свойства латуней, облегчая их ковку, чеканку и штамповку. По краю браслета имеется орнамент в виде кружков, который нанесен отдельными пунсонами. Отдельным штампом оттиснута голова льва на конце изделия (413).

В золотоордынских памятниках обнаружены остатки и самого ювелирного производства. На второй усадьбе в юго-восточном пригороде Царевского городища найдена в небольшой деревянной пристройке к главному дому мастерская золотых дел мастера. Здесь был горн и остатки золотоделательного производства — капли золота, большей частью 94—98,9%-го содержания чистого металла, круглодонные и конусовидные керамические тигли с каплями золота, льячки, обмазки горна также с золотыми капельками, обрезки листочков и золотой проволоки, золотые изделия, свинцовые, бронзовые и железные бляхи. О взвешивании золота говорят бронзовая многогранная

гирька и коромысло весов. Из обломков старых бронзовых сосудов вырезали заготовки для изделий.

Представлены инструменты в виде пунсона и наковаленки. Пунсон имеет вид бронзового молоточка длиной 3,2 см на железной ручке. С одного края имелся цилиндрический выступ с рабочей поверхностью, имевший рисунок в виде кружка. Оттиски такого пунсона обнаружены тут же на бронзовой пластине. Другой конец имел четырехгранный выступ. Среди инструментов ювелира — миниатюрные ложечки, возможно для изготовления зерни. Здесь же найдены и готовые изделия ювелира, в частности золотая накладка (86, 87; 139, рис. 5; 416, рис. 98,*19*; 422, табл. I,*2*,*3*,*5*,*6*,*7*, IV,*2—4*, *8—10*, *13*, *14*, V,*2—5*, *8*, *12*,*13*,*28*,*29*, рис. 9).

В культурном слое Царевского городища найдены бронзовые пластины с пробными оттисками набором пунсонов (220, табл. XII,*8*,*9*; 221, рис. 5; 400, рис. 16,*1*). Такие пунсоны использовались для орнаментации ювелирных изделий, высокохудожественных дорогих и рядовых бронзовых (рис. 40,*2*).

Ювелирные мастерские золотоордынского времени раскопаны в Старом Орхее в Молдавии и в Чебоксарах (25, 1969, с. 132; 25, 1971, с. 454, 77).

В ювелирном деле и в торговле драгоценными металлами использовались пробирные камни. Несколько таких камней найдено в Селитренном и Царевском городищах. Они имели вид черных галек с полосками от проведения по нему золотого предмета. У одного есть отверстие для подвешивания (471, рис. 95,*8*,*9*).

ОРУДИЕ ИЗ БРОНЗЫ

Известны литые булавы-шестоперы (рис. 41,*8*; 45,*5*; 471, рис. 109,*2*; 472, рис. 63). Восьмиперая булава с полой втулкой, с шипом для насадки на деревянную рукоять и отверстием для прикрепления к нему сбоку найдена на Царевском городище (113). Сходная булава обнаружена А. В. Терещенко на том же памятнике (132, рис. 21). Такие же навершия булав-шестоперов известны в Волжской Болгарии. Бронзовая булава с четырьмя выступами, один из которых имеет вид птичьего клюва, найдена А. В. Терещенко на Царевском городище.

Есть бронзовые кольца для натягивания лука (471, рис. 101,*8*; 472, рис. 64), повторяющие форму костяных, но с дополнительным выступом-шишечкой (131, с. 111, рис. 3; 132, рис. 4; 458, рис. 15). Такие кольца известны были на Балканах в XIV в. (299).

УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Бронзовые, биллоновые, серебряные, золотые серьги изготовлялись главным образом в виде «знаков вопроса» из толстой проволоки (рис. 42,*4*), у которой вертикальный стержень

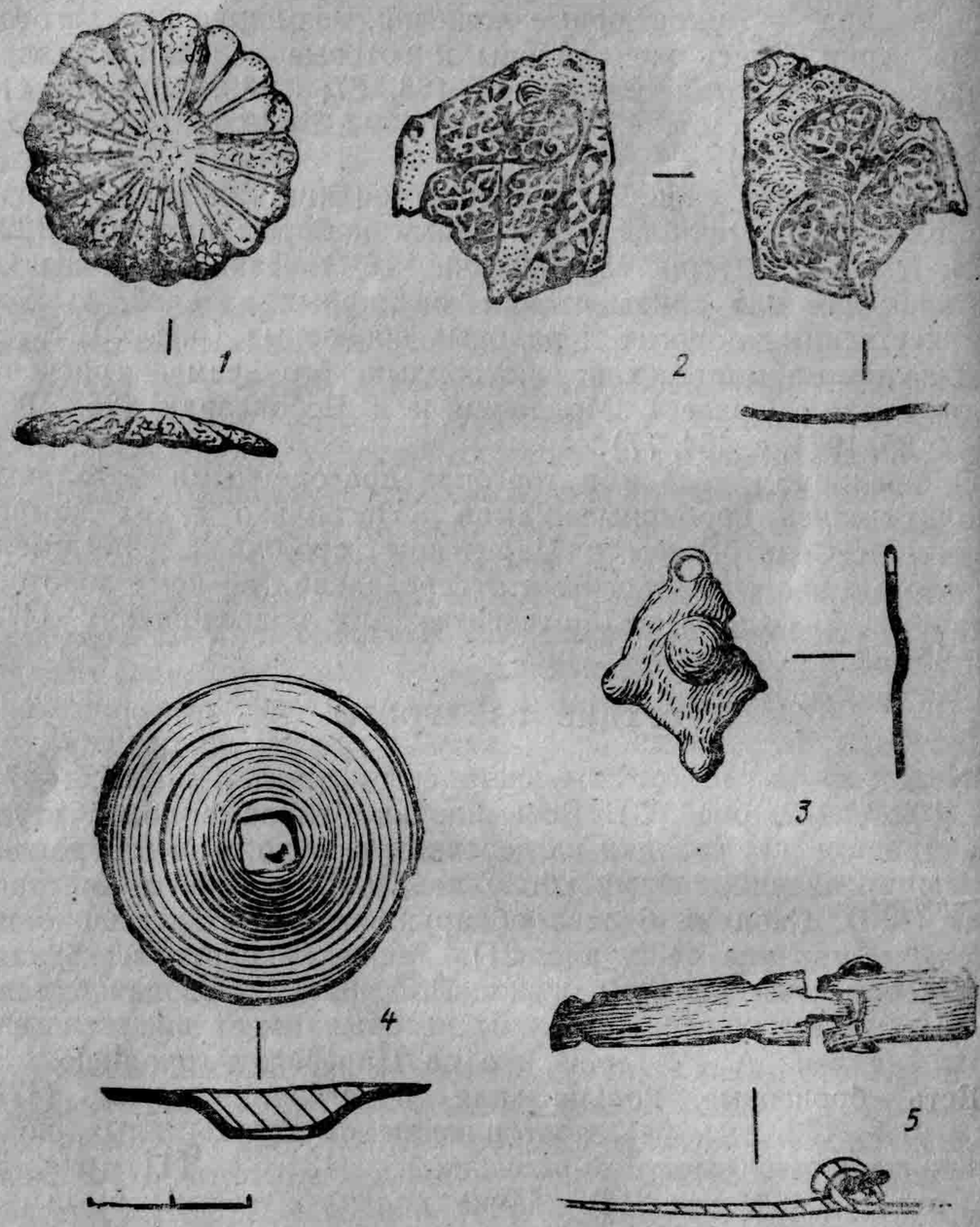


Рис. 40. Бронзовые изделия: *1,3,4* — бляхи; *2* — пластина с пробными оттисками пунсонов; *5* — накладка с шарниром

Рис. 41. Железные, бронзовые и костяные изделия: *1* — железное кресало; *2,4* — бронзовые бляхи; *3,5* — бронзовые сосуды; *6* — костяная рукоять ножа; *7* — железная пластина с шипом; *8* — бронзовая булава

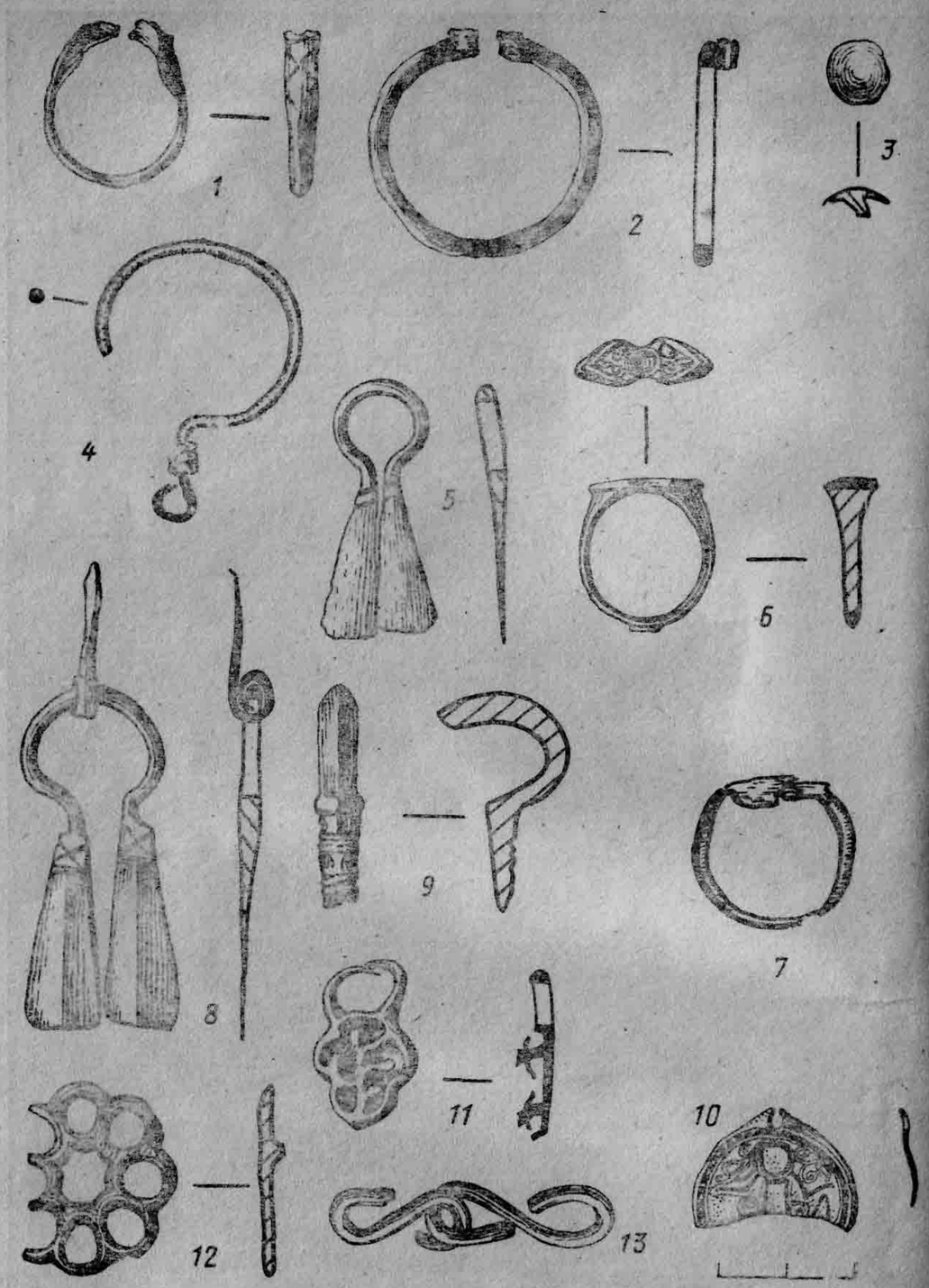


Рис. 42. Бронзовые и серебряные изделия: *1,6,7* — бронзовые перстни; *2,11* — бронзовые пряжки; *3* — бронзовый гвоздик; 4 — серебряная серьга; *5,8* — бронзовые сюльгамы; *9* — бронзовое украшение; *10* — бронзовая накладка; *12* — бронзовая нашивка; *13* — звенья бронзовой цепочки

часто обвивался тонкой проволокой. На конце стержня прикреплялась бусина, жемчужина или делалась петля для прикрепления второго стержня, также обвитого тонкой проволокой. Такие серьги известны во всей Восточной Европе XIII—XIV вв., в частности их много в погребениях кочевников этого времени и в памятниках Хорезма XIII—XIV вв. (230, рис. 7,*9—16*; 232, с. 98). Они не имели характера этнического признака. У ряда народов — узбеков, казахов, русских, татар на Кавказе — они сохранились до эпохи позднего средневековья (34, табл. 19; 47, рис. 1,*1,3*; 149, табл. II,*4*; 165, табл. II,*3*; 223, с. 118, 123, рис. 6; 280, рис. 6,*3*; 422, табл. II,7, V,*11*; 423, табл. I,*12*, II,*32,33*; 416, рис. 98,*12*; 471, рис. 99,*10,13*; 472, рис. 65). Есть серьги в виде несомкнутых колец (47, рис. 1,7; 223, с. 125; 423, табл. II,*24*), иногда с заходящими друг на друга концами.

Встречаются браслеты — бронзовые и золотые. Интересны браслеты с львиными личинами на концах. В качестве примера может быть приведен описанный выше браслет из Селитренного городища (413). Распрямленный маленький браслет с львиной мордой на одном конце и плетенкой — упрощенным монгольским «узлом счастья» — на другом с линейным орнаментом между ними найден на Водянском городище (413, рис. 3). Находят витые браслеты из проволок с петлеобразными или расплющенными концами. Иногда они имеют припаянные щитки с орнаментами. Есть литые изделия, подражающие браслетам со щитком, украшенным розеткой. Много пластинчатых браслетов (рис. 43,*5*), вырезанных из бронзового листа и украшенных штамповкой (471, рис. 101,*14*). Есть литые браслеты (471, рис. 103,*12*; 472, рис. 66), плоские и полукруглые в сечении, иногда с мордой льва на несомкнутых уплощенных концах (217, табл. I, II; 397, рис. 4,*8*; 405, рис. 9,*8*; 420, рис. 31,*29*). Формочка для литья двух таких браслетов обнаружена при раскопках А. В. Терещенко на Царевском городище (217, с. 49).

На Селитренном городище найден массивный золотой литой браслет с львиными мордами на плоских концах, с «узлом счастья» на расширенной щиткообразной центральной части и упрощенными воспроизведениями дальневосточного мотива облаков на подтреугольником в поперечном сечении тулова. Орнамент исполнен гравировкой. Вещь эта не была согнута после отливки в открытой форме, хранилась как драгоценность и была зарыта, видимо, как клад (69; 479, рис. 50). Браслеты с львиной мордой на концах весьма часто встречаются в Восточной Европе в древностях XIII—XIV вв. Много их в Волжской Болгарии, в мордовских древностях, в русских городах. Есть они в Крыму, Молдавии, Средней Азии и Золотой Орде. Происхождение этих браслетов, видимо, золотоордынское. М. Г. Крамаровский выяснил восточные (малоазийско-иранские) истоки их орнаментации (217).

Рис. 43 Бронзовые изделия: *1* — пружина от замка; *2* — ситечко; *3* — бубенчик; *4* — носик сосуда; *5* — фрагмент браслета; *6* — замочек; *7* — втулка

Кольца и перстни из золота, серебра, биллона и бронзы имеются простые без щитка и без вставок из узких пластинок с несомкнутыми или сомкнутыми концами; проволочные в виде спирали из нескольких витков или с заходящими друг на друга концами; из четырехгранных или трехгранных согнутых стержней также с сомкнутыми или несомкнутыми концами (471, рис. 101,*10*,*11*), иногда с орнаментальными насечками. Более сложными являются перстни со щитками (рис. 42,*1*,*6*,*7*). Они обычно встречаются пластинчатые, с расширением в виде щитка с гнездом для вставки — каменной или стеклянной. Другие

пластинчатые перстни имеют щиток в виде овального круглого или прямоугольного расширения, обычно с узором звездочка, «узел счастья», иногда с ложной зернью и т. п. (132, рис. 9; 166, табл. I,*8*; 280, рис. 6,*7*; 282, рис. 4; 415, рис. 12,*10*; 471, рис. 101,*5*—*7*, *21*; 472, рис. 67—70). Щиток иногда изготавливался отдельно и припаивался к согнутой пластине в месте соединения ее концов (471, рис. 101,*1*—*4*, *9*). На некоторых перстнях щиток имел держатели для каменной, перламутровой или стеклянной вставки (415, рис. 12,*9*). К числу украшений следует отнести бирюзовые каплевидные и пластинчатые подвески с петелькой (165, табл. II,*4*; 471, рис. 101,*16*; 472, рис. 71).

Из раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище происходит бронзовое головное украшение в виде длинного, обмотанного в нескольких местах тонкой проволокой стержня с петлями, к которым присоединены четыре стержня, тоже обмотанные проволокой. На противоположных концах этих стержней имелись тоже петли, к которым присоединялись длинные цепочки, некоторые звенья которых представляли собой затянутые фигурные пластины с ушками на концах.

На Селитренном городище найдено бронзовое украшение (видимо, головное) в виде сложного соединения цепей на двух длинных булавах с петлями (420, рис. 30,*1*; 471, рис. 102,*9*; 472, рис. 72). Аналогичное украшение известно из слоев XII—XIII в. Херсонеса. В качестве украшений одежды использовались иногда бронзовые цепочки со звеньями в виде буквы S (рис. 42,*13*). К одежде они прикреплялись булавками. Встречаются звенья крупных цепей, обычно тоже S-видные (166, табл. VI,*4*; 172, табл. I,*7*; 400, рис. 15,*5*; 420, рис. 30,*5*; 422, табл. II,*6*). S-видные звенья иногда украшались головками животных (471, рис. 102,*1*—*3*, *5*—*8*). Это, возможно, привески для пояса, судя по аналогичным вещам, находимым в памятниках Прибалтики, в Новгороде (359, рис. 59,*9*).

Пряжки различаются по способу прикрепления к ремню. Были пряжки без специального устройства для прикрепления к ремню. (рис. 42,*2*): ремень охватывал саму рамку и имел отверстие для язычка (166, табл. I,*1*; 471, рис. 100,*6*,*11*,*12*; 472, рис. 74—76). Другая группа пряжек (рис. 42,*11*) для прикрепления при помощи штифтов к ремню имела щиток (166, табл. VII,5; 471, рис. 100,*10*,*16*; 472, рис. 77). Особую группу составляли пряжки с двумя рамками — одна для язычка, другая для прикрепления к ремню (рис. 39,*3*). Ось язычка находилась между этими рамками (405, рис. 9,*6*; 471, рис. 100,*7*—*9*; 472, рис. 78—79). Есть бронзовые пряжки, устроенные по следующему принципу: на одном конце ремня — щиток с прорезью, на другом — лопасть, входящая в эту прорезь и при повороте легко выходящая из нее (223, с. 124; ср. 471, рис. 109,*1*). На Царевском городище найдена серебряная пряжка в виде щитка с боковыми гранями. В них вставлялась ось, к которой прикреплялся

ремень. Второй конец ремня пропускался под эту ось. Пряжка орнаментирована чернью (85; 470, рис. 115). Есть бронзовые пряжки этого типа без орнамента (471, рис. 100,*5*).

В Увеке обнаружена литейная форма для пряжки с головками животных. Эта пряжка имеет средиземноморские аналогии (220, с. 159, табл. III,*12*).

Изготовлялось большое количество бронзовых, биллоновых, серебряных и золотых пластин и блях к ремням, кожаным и деревянным изделиям (рис. 40,*1,3,4*; 41,*2,4*; 44,*1—7, 9—13*; 46,*4*). Многие бляхи прикреплялись к изделию при помощи штифов. (471, рис. 100, *14,15,18*; 101,*18*; 104,*4*; 472, рис. 81). Формы блях весьма разнообразны. Бляхи без штифов также разнообразны (139, рис. 5,*9—12,15*; 400, рис. 9,*2,3*; 15,*3,6*; 422, табл. I,*5—7*, IV,*2—4,8,9*, V,*10*; 423, табл. I,*19*, II,*26,31*). Широко распространены разнообразные нашивки (рис. 42, *10,12*) с отверстиями для прикрепления к изделию или одежде (139, рис. 5,*17*; 400, рис. 10,*2*; 422, табл. V,*10*; 471, рис. 101,*15,19*, 104,*5*, 106,*4*) или с петлей.

Некоторые поясные бляхи имели прорези для дополнительных ремней, кольца для подвешивания к поясу различных предметов (223, с. 124). Встречаются ременные наконечники (471, рис. 100,*13*, 104,*1—3*). Имеются бляхи для соединения четырех ремней или для украшения места пересечения двух ремней. Они имеют четыре крестовидно расположенных щитка и ажурную круглую выпуклую сердцевину. Изготовлялись обоймы для ремней: простые, согнутые из узких полосок металла, в виде прямоугольной пластины с прорезями для ремня в боковых гранях, в виде прямоугольной коробочки с прорезями с боков и других форм (139, рис. 5.*14*; 422, табл. IV,*13*). Есть находки литых бронзовых и золотых полых привесок-пуговиц в виде шарика с петлей (166, VII,*1—3*; 420, рис. 31,*4,16*; 423, табл. II,*29*, III,*10*; 471, рис. 99,*3—5*). Для отливки таких привесок использовались каменные формочки (217, с. 49). Нашивками-пуговицами были, вероятно, предметы в виде розетковидного щитка с ножкой, в которой сделана прорезь (422, табл. IV,*10*).

Часто встречаются бубенчики с прорезями, как цельнолитные, так и спаянные из двух половинок (рис. 43,*3*), с вертикальными и горизонтальным швом (166, табл. I,*6,7*; 280, рис. 6,*2*; 422, табл. IV,*18*; 423, табл. I,*16*, III,*2*; 471, рис. 99,*1,2,6—9*). Маленькие бубенцы могли использоваться в качестве украшений одежды.

Имеются бронзовые шпильки (471, рис. 101,*17*), находящие аналогии в древностях чжурчженей.

Встречаются бронзовые полые цилиндрические привески с петлями, возможно для хранения бумажных амулетов.

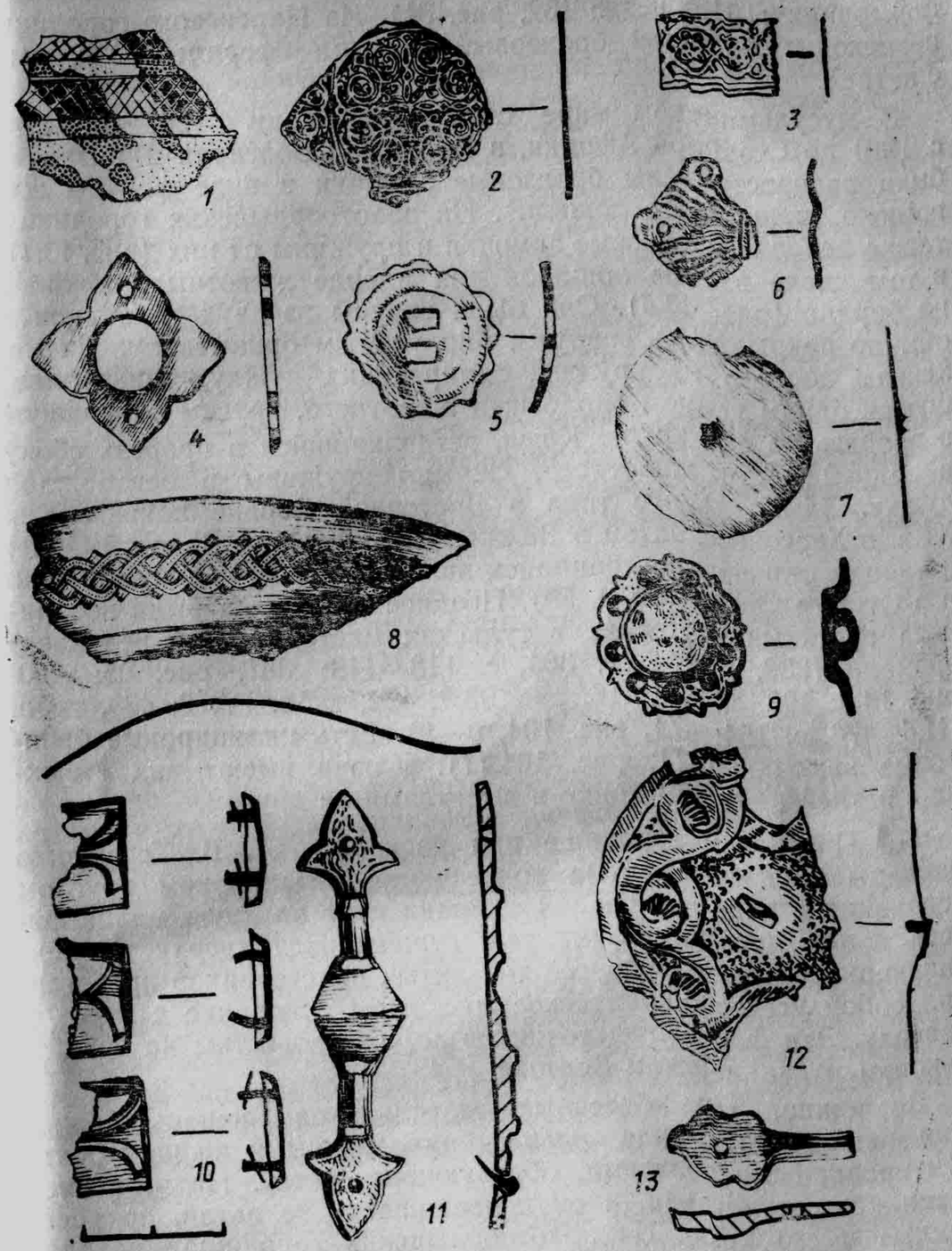


Рис. 44. Бронзовые изделия: *1—7, 9—13* — накладки и бляхи; *8* — фрагмент бронзового сосуда

Находят и массивные литые колокольца без язычка, но
такие, какие могли быть отлиты в описанных выше глинян
формочках (131, рис. 8; 132, рис. 31). Из Царевского городи
происходит большой бронзовый колокол сферической фор
с петлей.

В мусульманском мире от Средней Азии (26, рис. 4
с. 130) до Северной Африки, в Волжской Болгарии и Визан
были распространены бронзовые замочки в виде фигуры ж
вотного (чаще всего лошади). На золотоордынских городищ
также находят бронзовые замочки и пружины от них (рис. 43,
в том числе в виде лошадок или в виде животных, похож
на барана (рис. 43,*6*). Они были спаяны из двух половинок
обычно покрывались снаружи циркульным орнаментом. Их м
ханизм состоял из пружин, запирающих дужку, прикрепля
шуюся одним концом около шеи животного, другим входившу
в прорезь на его крупе. Ключ, вставлявшийся в прорезь сбо
в задней части животного, сжимал пружины и освобожд
дужку. Замки такого типа в Восточной Европе появились
XI в. в Херсонесе, затем в Волжской Болгарии и Золотой Ор
на запад они распространились вплоть до Добруджи. Есть о
и в Старом Орхее (80, с. 59). Позднее эта форма была воспр
нята русскими и дожила в тульских мастерских до недавне
времени (239, рис. 2,*12;* 364, с. 118—119; 381, рис. 35; 4
рис. 14,*3*; 406, с. 123; 416, рис. 98,*8*; 422, табл. IV,*12*; 423, таб
III,*6*; 470, с. 154; 471, рис. 104, *8—9*). Есть цилиндровые бро
зовые замочки (471, рис. 104,*11*). Ключи имеют вид стер
ня с петлей на одном конце и выступами на другом.

На Царевском городище при раскопах А. В. Терещенк
найдены бронзовые литые подсвечники на широком кругло
основании в виде нескольких стоящих друг на друге цилиндри
ческих или призматических тел, сужающихся кверху и окан
чивающихся втулкой. Другой тип литых подсвечников предста
лял собой усеченно-коническое массивное основание с втулкой
наверху. Эти формы подсвечников хорошо известны на средне
ековом мусульманском Востоке.

Возможно, для подвесных светильников использовались
бронзовые диски в виде кольца с наклепанными на него орна
ментированными полосами, образующими сетку. На этот диск
ставились светильники, и он подвешивался за петли, прикреп
ленные к его краю. На золотоордынских городищах находят
бронзовые лампы в виде сосудиков с петлями для подвеши
вания. На дне внутри имеется цилиндрик с отверстием для фи
тиля (471, рис. 105,*1*; 472, рис. 90). На Царевском городище во
время раскопок А. В. Терещенко найдены две бронзовые литые
лампы в виде низких сосудов на ножках с предназначенным для
фитиля вытянутым горизонтальным носиком. Один из светиль

ников имеет орнамент и изогнутую, сложного контура ручку
(132, рис. 28).

Встречаются бронзовые кресала с пазом для вставления
стального лезвия и с отверстиями для пальцев на рукояти.

Имеются находки бронзовых щипчиков (471, 105,*4*) и ко-
лоушек (471, рис. 104,*10*).

В большом количестве встречаются бронзовые наперстки
двух видов — современного типа (рис. 39,*5*) и такие же, но
с отверстием наверху (166, рис. 1,*5*; 308, рис. 3,*8*; 400, рис. 15,*4*;
423, рис. III,*3*; 470, рис. 113; 471, рис. 99,*18,19*). Последние
изделия Г. Ф. Полякова считает навершиями от рукояток но-
жей. В Восточной Европе наперстки появились только в XIV в.
(больше всего их найдено в золотоордынских памятниках),
в Западной Европе — еще позднее.

Наперстки изготавливались следующим образом: из тонко-
расплющенного листа металла вырезалось кольцо или кружок,
на него наносились при помощи матрицы два кольцевых канальца.
Затем из пластины, которая до этого предварительно покрыва-
лась при помощи пунсона точечными вдавлениями, вырезалась
трапециевидная заготовка. Эта заготовка свертывалась в тру-
бочку в горячем состоянии на болванке и припаивалась к коль-
цевидной или кружковой головке.

Изготовлялись бронзовые обоймы и муфточки (рис. 39,*2*;
171, рис. 99,*20,21*), которые вставлялись между лезвием ножа
и его рукояткой (174, табл. I,*18,19*; 422, табл. V,*9*; 423, табл.
II,*27*). Встречаются бронзовые гвоздики и заклепки с грибовид-
ными шляпками (рис. 39,*1*, 42,*3*; 422, табл. IV,*15*; 423, табл.
III,*1,12*; 471, рис. 100,*1—4*), бронзовые колпачки, свернутые
из одного листа и заклепанные по шву (423, табл. II,*37*) или
незамкнутые и незаклепанные, бронзовые ложечки из листа
металла (рис. 46,*3*) или отлитые (400, рис. 16,*2*; 416, рис. 98,*4,5*;
423, табл. II,*35*, III,*17*, VI,*11*; 470, рис. 112; 471, рис. 104,*14*;
472, рис. 91).

Часто встречаются полушаровидные или плоские бронзо-
вые бляхи с двумя прорезями. Иногда в эти прорези продета
бронзовая пластина, изогнутая с одной стороны петлей и имею-
щая с другой два свободных конца, отогнутых под прямым уг-
лом (416, рис. 98,*21*; 423, табл. VI,*13*). Они прикреплялись к
изделиям из деревянных досок (471, рис. 99,*11,14—17*).

Встречаются щитки с заклепками и подвижными петлями
(471, рис. 106,*1—2*).

Из золотоордынских памятников Нижнего Поволжья из-
вестно большое количество бронзовых пластин разного назна-
чения и вида. Есть пластины с шарнирными петлями
(рис. 40,*5*) — от ларцов, книжных переплетов, шкатулок (405,
рис. 8,*3*; 420, рис. 29,*15*, 31,*24,26,27*; 422, рис. 1,*4*), оковки углов
с фестончатым краем и отверстиями для гвоздиков; крышки
от шкатулок, имеющие иногда богатую орнаментацию, напри-

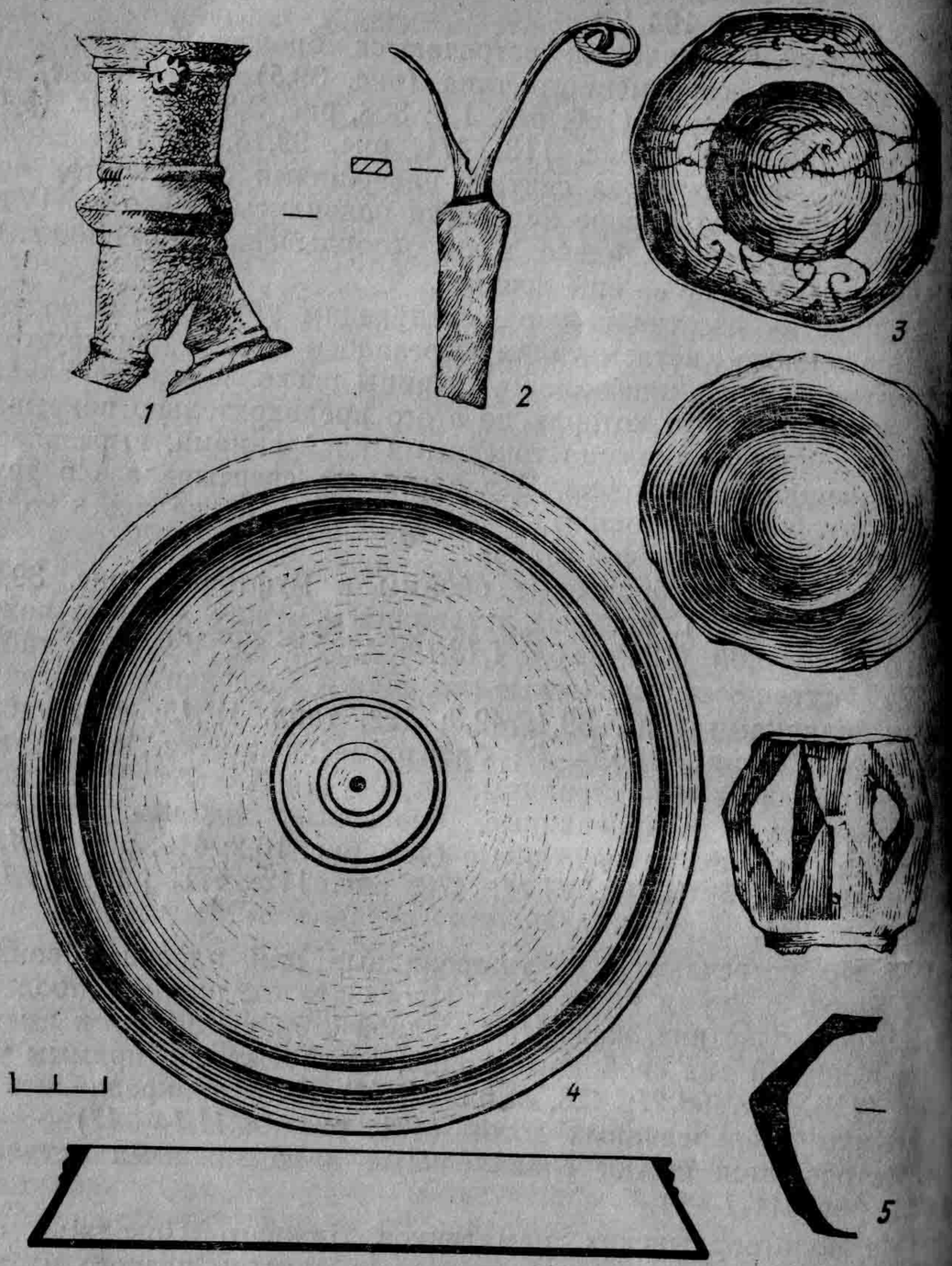


Рис. 45. Бронзовые изделия: *1* — горло сосуда; *2* — изделие неизвестного назначения; *3* — сосудик; *4* — литой сосуд; *5* — булава

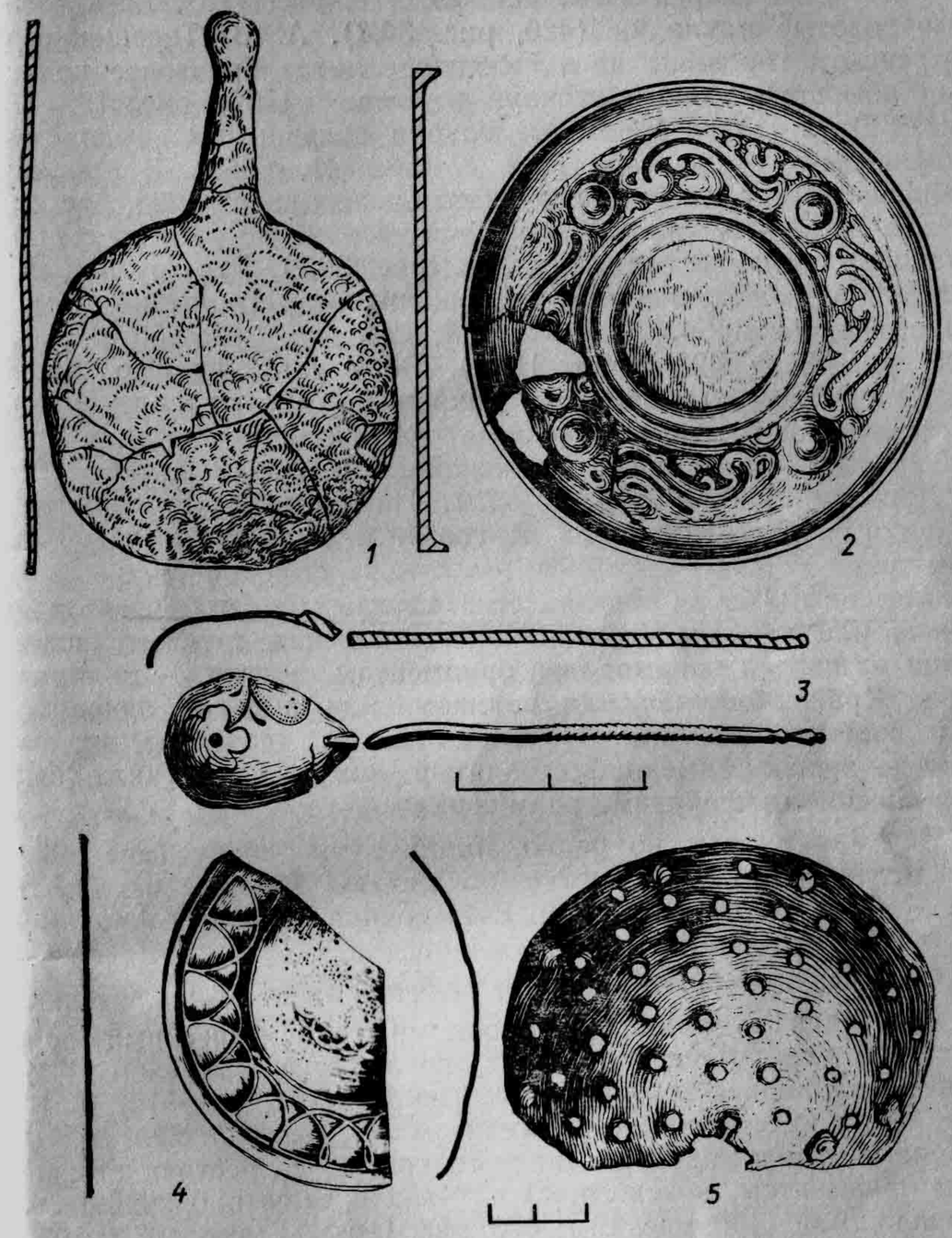


Рис. 46. Бронзовые и билоновые изделия: *1,2* — билоновые зеркала; *3* — бронзовая ложечка; *4* — бронзовая бляха; *5* — бронзовый сосудик с отверстиями

мер инкрустацию золотом или серебром или гравировку (165, табл. II,*7*; 405, рис. 9,*1,2*; 422, табл. IV,*14*); круглые диски с отверстием (рис. 41,*4*) и без него (471, рис. 100,*19—21*). Встречаются массивные ажурные пластины с гравировкой, вероятно, обкладки дверей (132, рис. 29; 470, рис. 116). Есть тисненые золотые накладки (420, рис. 30,*3*). А. В. Терещенко на Царевском городище нашел большое литое бронзовое кольцо, при помощи которого стучали в дверь (131, рис. 19; 132, рис. 30), а также бронзовые трубки с львиными головками, может быть, от фонтана (132, с. 150; 141, с. 56). В Маджаре найдена массивная бронзовая накладка от двери (268, рис. 24).

До сих пор непонятным остается назначение многочисленных свинцовых грибовидных грузиков (рис. 39,*4*). Эти грузики имеют цилиндрическую втулку и дисковидное расширение, обычно орнаментированное (166, табл. 1,*3*; 174, рис. 1,*17*; 280, рис. 7,*2*; 420, рис. 31,*9*; 423, табл. II,*13*). Во втулку, видимо, продевался ремень, и, чтобы его закрепить, втулку сплющивали. Сходные свинцовые и бронзовые грузики встречаются в предмонгольских памятниках Волжской Болгарии (229, табл. XLI) и Хорезма (290, рис. 62,*25—28*). Найдены также свинцовые грузики в виде усеченого конуса и в виде ступенчатой пирамидки.

Массовым было производство круглых зеркал, изготовлявшихся или из биллона, или из специального светлого сплава. Одна из сторон покрывалась орнаментом, другая — полировалась. Край обрамлен или валиком, или высокой закраиной, или широким плоским бортиком (как у китайских зеркал). Иногда зеркала имели фестончатый контур, что также было подражением китайским типам зеркал.

Зеркала иногда, но редко, имели ручку сбоку (рис. 46,*1*), а в центре обычно — выступ или петлю. Обычные их диаметры — 6—8, 8—10, 12—14 см. Есть группа зеркал без орнамента (420, рис. 29,*9*, 31,*3*).

Орнаментированные зеркала делятся на несколько групп.

Встречаются зеркала с простыми геометрическими орнаментами: в виде концентрических окружностей (423, табл. II,*30*); в виде радиально-круговых композиций (471, рис. 107,*5*; 472, рис. 84); с крестовидным орнаментом (47, рис. 1,*5*; 223, с. 119); с орнаментом в виде мальтийского креста; с крестовидно-арочным орнаментом, в некоторых случаях с валютообразными завершениямаи (400, рис. 10,*1*; 470, рис. 110; 471, рис. 107,*4*, 108,*1*; 472, рис. 83, 85); в виде розетки из пересекающихся дуг; в виде розетки, окруженной ромбическими ячейками с точками (405, рис. 9,*3*); в виде креста с розетками между концами и со спиралями по краю; с зигзаговидным орнаментом между концентрическими окружностями и т. п. Перечисленные композиции собственно золотоордынские, но некоторые восходят к старой традиции аланских зеркал VIII—X вв. Эти зеркала отличаются

меньшими размерами и наличием по краю высокого валика.

У значительной группы зеркал орнаментация восходит к китайским мотивам. Это зеркала с иероглифами (132, рис. 33); с изображением животных, бегущих по кругу (471, рис. 108,*2*; 472, рис. 86), иногда в двух концентрических зонах и с дополнительным растительным орнаментом (412, рис. 126. Ср. 439а, рис. 8), с крестовидным орнаментом и шишечками в секторах, с четырьмя выпуклостями и S-видными фигурами (рис. 46,*2*) между ними в кольцевой зоне; с орнаментацией в виде сетки из четырехлепестковых розеток (ср. 232, с. 97, рис. 17,*1*); с изображением драконов, часто с фестончатым краем (131, рис. 16; 470, рис. 109; 472, рис. 88. Ср. 439а, рис. 6); с двумя или четырьмя рыбами (412, рис. 125; 471, рис. 108,*4*).

Группа зеркал имеет орнаментацию, восходящую к иранo-месопотамским и среднеазиатским традициям. Это зеркала с изображением двух или четырех симметрично расположенных сфинксов — «ал-бораков» и с арабской круговой надписью почерком «процветший куфи» (132, рис. 34; 412, рис. 127. Ср. 439а, рис. 2, 3); со сценой охоты на льва (400, рис. 16,*4*); со сценой охоты на льва и кольцевым пояском с изображением летящих птиц (334, с. 33—34); со спиралевидными побегами, которые оканчиваются головками человечков. Зеркала с двумя сфинксами восходят к образцам месопотамской работы (97, с. 267). Эти изделия обычно имеют высокую закраину.

Собственно золотоордынские орнаменты на зеркалах представлены сложными плетениями с тюльпановидными цветами и растительными побегами вокруг шестилепестковой розетки в центре (470, рис. 11; 471, рис. 107,1; 472, рис. 87). Это самые многочисленные золотоордынские зеркала. Такие зеркала встречаются в Отраре в слоях XIII—XIV вв. (32, с. 144). Тот же орнамент встречается с арабской надписью по краю (471, рис. 108,*3*).

Известны зеркала с изображением лисицы и винограда — отголосок басни античных времен. Имеются зеркала с орнаментом в виде растительного побега, обегающего кольцевую зону вокруг центрального выступа; зеркала, соединяющие китайский мотив рыб с арабской надписью по краю и растительным побегом; зеркала, имеющие выступ в центре и шесть круглых медальонов, окруженных точечными ободками с арабскими надписями в две строки в каждом (131, рис. 17; 132, рис. 34. Ср. 25, 1981, с. 310); зеркала с четырьмя многолепестковыми розетками, которые окружены волнистыми линиями и включены в крестовидную композицию.

Зеркала носили в специальных чехлах (34, табл. 19).

Бытовая посуда (рис. 41,*3,5*; 43,*4*; 44,*8*; 45,*1,3,4*; 46,*5*) из бронзы, серебра или биллона встречается цельнолитая или из листов металла (фрагменты сосудов см. 423, табл. I,*24*, III,*4*, VI,*1,12*; 471, рис. 89,*8*). Литые серебряные сосуды имеют форму сег-

мента шара с простыми гравированными орнаментами в виде окружности на внутренней стороне дна (166, рис. VIII). У Колобовки близ Царевского городища найден золотой сосуд такой формы с арочным орнаментом по краю (371, рис. 241). Находят бронзовые конусовидные чашечки с закраиной на дне (рис. 41,*3*), чашечки с носиком и отверстием на противоположной стороне для прикрепления ручки, чашки с отверстием по краю для подвешивания и др. Есть массивные призматические ступки с пестиками (131, рис. 9; 471, рис. 98,*11*,*12*; 472, рис. 92), известные в мусульманской средневековой культуре. Некоторые литые бронзовые сосуды имели с боков ручки в виде горизонтальных лопастей (223, с. 125; 471, рис. 105,*2*,*3*. Ср. 371, рис. 228, 229, 233, 302).

Встречаются литые миниатюрные сосудики (420, рис. 31,*13*). Есть сосуды, изготовленные из одного листа бронзы или низкопробного серебра (рис. 41,*5*; 45,*3*) или клепанные и спаянные из нескольких листов (рис. 41,*3*). Они имеют вид больших усеченноконических чаш с плоским дном (415, рис. 12,*6*), мискообразных сосудов с плоским дном и отогнутыми краями, усеченноконической сужающейся кверху чашечки (471, рис. 107,*3*), плоской мелкой сковородки, тазика с округлым дном, чашечки с носиком-сливом, края которого загнуты вовнутрь, сосуда с отверстиями типа современных дуршлагов сферической (рис. 46,*5*) или цилиндрической форм, чайников, ситичек (рис. 43,*2*), ковшей (471, рис. 106,*3*). Многочисленны бронзовые крышки от сосудов, главным образом от кувшинов (78, рис. 3,*8*; 423, табл. VI,*6*). Крышки обычно имеют сверху розетковидный орнамент и петлю. Такие крышки есть в Байлакане (451, рис. 112,*а*). Есть миниатюрные крышечки такого вида (471, рис. 109,*3*). В Увеке найдена литая массивная крышка с орнаментом в виде розетки и шарниром, прикреплявшим ее к горлу кувшина.

Встречаются литые ручки от сосудов, имеющие иногда головки зверей. Аналогии им есть, например, среди археологических материалов Средней Азии XI в. (Будрач), Двина и Байлакана предмонгольского времени (451, рис. 114). Много ручек и дужек от сосудов изготавливалось из толстой круглой проволоки (423, табл. II,*28*). На Царевском городище во время раскопок А. В. Терещенко найдена бронзовая литая фигурка сфинкса на полусфере (131, рис. 2; 132, рис. 27; 470, рис. 117). М. Г. Крамаровский обратил внимание на сходство трактовки крыльев этого сфинкса и сфинкса на ивдельской серебряной вазе, несомненно золотоордынского изделия. Это позволяет склониться к мнению, что бронзовый сфинкс из Царевского городища тоже был отлит золотоордынскими мастерами (122, с. 15).

Есть литые бронзовые туалетные сосудики с носиком, известные в Средней Азии (132, рис. 6; ср. 26, рис. 45,*22*; 230, рис. 2, 232, рис. 15,*3*).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Заслуживают рассмотрения художественные изделия из серебра с гравировкой, распространившиеся по городам и степям Золотой Орды. Техника декора этих изделий, главным образом сосудов — кубков, чаш и кувшинов, — сходна. Гравированной четкой линией наносился контур изображения, внутри рисунок дополнялся штриховыми короткими линиями, нанесенными острым орудием. Фон покрывался точками или оттисками кольцевого пунсона. Детали (ручки сосудов) иногда делали в технике выколотки по матрице с дополнительной обработкой резцом с наружной стороны и спайкой полученных таким образом частей (214, с. 65, 66; 223, с. 70).

В европейских районах Золотой Орды изделия из серебра и золота подобного стиля и техники были широко распространены: они найдены на Украине (471, рис. 111,*2*; 371, рис. 197), в Поволжье, на Северном Кавказе (214; 371, рис. 301, 302, 322; 412, рис. 129—133; 471, рис. 110). Несомненно, единство стиля этих изделий торевтики и в орнаменте и в формах на всем огромном пространстве степей Евразии в XIII—XIV вв. М. Г. Крамаровский установил мощное китайское влияние на сложение стиля золотоордынской торевтики (214—216) и выявил школы золотоордынских торевтов, соответствующие группам изделий.

Было обращено внимание на китайское происхождение мотива лотосового куста — цветка с растительными побегами с листьями, а также на то, что листья имеют добавочные завитки и выступающий рог или пламявидный отросток. Это добавление — черта золотоордынского декора — ярче всего выражено в торевтике. Но есть прямые аналогии в керамике Золотой Орды, на что указал М. Г. Крамаровский (214, с. 66, 67; 216, с. 73). Добавим, что мотив листа с отгибами и большим роговидным выступом, столь характерным для поливной кашинной керамики с подглазурной росписью, видимо, происходит от того же мотива листа с рогом (60, рис. 1,*9*; 412, рис. 104, 108—111).

Интересна группа сосудов из золота и серебра с ручками в виде дельфинов или драконов, иногда с кольцом в пасти и почти всегда с тонким проволочным украшением на гребне. Китайское происхождение этих мотивов несомненно. Они встречаются и в сибирских степях, и в различных районах степей Восточной Европы (216; 371, рис. 230—232, 237, 238, 300). Пример такого сосуда с сохранившимися фигурами дельфинов дает находка золотой чаши из Царевского городища (132, рис. 52; 371, рис. 230; 470, рис. 102; 471, рис. 111), другой

экземпляр сосуда с подобной ручкой найден в Гашун-Усте на Ставрополье (214; 371, рис. 232; 378, рис. 73). Видимо, из Увека происходит серебряная чашечка с ручкой в виде головы дракона, держащего в пасти кольцо. В глаза дракона вставлены аметисты. Наверху головы гребешок из проволоки. На дне чашечки изображена шестилепестковая розетка, а по боком — овальные медальоны и фигурные щитки (381, рис. 40). В этих изделиях дальневосточный прототип претерпел сильные изменения, часть его деталей была утрачена и он был дополнен элементами собственно золотоордынского декора (216, с. 75).

Заимствованным из дальневосточной торевтики является мотив оленя под деревом, хорошо известный у чжурчженей, например, на поясных бляхах из Гашун-Уста (378, табл. VII,*13*).

На Селитренном городище В. Л. Егоровым найден клад, в котором были бляхи и пряжка от комплекта поясного набора — бронзовые, позолоченные, богато орнаментированные. Мотивы их орнамента заимствованы в китайском искусстве, но исполнение принадлежало, видимо, монгольскому или золотоордынскому торевту. Клад найден в развалинах мечети и относится к концу XIV — началу XV в.

В кладе монет, зарытом в Волжском Болгарии в 1260-е годы, имеется серебряная мисочка, на которой изображены рыбы — китайский сюжет, переработанный монгольскими мастерами раннезолотоордынской эпохи (419, рис. 1).

Стиль золотоордынской торевтики с преобладанием китайских заимствований, как полагает М. Г. Крамаровский, более подходит для производства в кочевых Ордах (215). Для мусульманских городов Золотой Орды, видимо, был более характерен другой стиль, сочетающий мусульманское влияние, ближневосточное в некоторой степени и западноевропейское и византийское, что хорошо показал М. Г. Крамаровский при анализе ивдельской чаши (122). Примером смешения традиций может служить сосуд с птичкой из Белореченских курганов (371, рис. 325; 412, рис. 135, 136). Другой образец смешанного золотоордынского стиля — серебряная чашечка, найденная в мавзолее Увека в 1913 г. Она представляет собой сегмент шара с уплощенным дном. На внутренней его стороне гравировкой изображен лев, у которого загнутый наверх хвост оканчивается растительным побегом. На боковых стенках шесть медальонов. В трех из них изображены птицы, а в остальных — растительный орнамент (223, с. 120—121).

ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Ювелирные изделия Золотой Орды лучше всего представлены бляхой из так называемого Бухарского клада и «шапкой Мономаха» (379). Предметы эти покрыты тончайшей сканью и зернью так, что на поверхности образуется сложнейшая

плетенка. А. А. Спицын, а потом М. Г. Крамаровский описали технику скани и зерни на этих вещах (219, с. 67; 380, с. 73—77; 412, с. 185—187). Этот тонкий декор отличается особой воздушностью, при которой у предмета как бы нет резкой грани, отделяющей его от окружающего пространства. В погребениях кочевой аристократии в Улусе Джучи мы находим много изделий того же стиля (378, табл. III, IV, с. 261—270; 379, рис. 15, 43—46, 54, 61—68, с. 172—184). Этот стиль пышных сканных изделий был в XIV в. широко распространен от Китая до Западной Европы (219, с. 67 и сл.; 257, с. 65—66). М. Г. Крамаровский считает возможным утверждать, что «европейские владения Чингизидов стали той почвой, где родился новый стиль филиграни» (219, с. 69).

Хорошо представлен этот стиль золотоордынского ювелирного дела в кладе из Джукетау (372), особенно брошью и браслетом, массивными золотыми перстнями из Болгара (368), золотыми бляхами из Селитренного городища (379, с. 170, 171, рис. 53, 54) и из Увека (34, табл. 19), а также изделиями, найденными в Крыму (261, с. 162; 379, с. 172, рис. 61, 64), у Мариуполя (203, с. 56, рис. 30,*1*), на Северном Кавказе (378, табл. III,*1*) и т. д.

Роскошные золотые ажурные филигранные вещи с каменными вставками, главным образом сердоликовыми, содержал клад XIV в., найденный близ Симферополя в 1967 г. (361). В кладе находилась пайза с именем хана Кильдибека. Есть в кладе золотой филигранный браслет, аналогичный джукетаузскому (251), бляхи в виде цветка лотоса (250), аналогичные найденным под Москвой (391, с. 218) и в Болгарах (412, рис. 145), бляхи и навершия от головного убора (252), поясные наборы, аналогичные найденным в курганах у ст. Белореченской (242, рис. 8, 11) и поясному наконечнику из Болгар (221), а также поясным украшениям, обнаруженным у с. Борисова близ Геленджика. Поясные наборы с трехслойными ажурными бляхами и наконечниками относили к числу киликийских или армянских изделий и подражаний им (333; 454, с. 242). Затем они были подробно изучены М. Г. Крамаровским.

Значительную группу поясных наборов из Белореченских курганов и Симферопольского клада этот исследователь считал изделиями Леванта — от центрального Средиземноморья до Таны, — подчеркивая в ней европейские элементы декора, прежде всего итальянские.

Другую группу поясных блях, пряжек и украшений из Белореченских и Борисовских курганов и Симферопольского клада, а также золотой браслет из Джукетау он определил как «малоазийскую», указав элементы европейского декора и восточный (малоазийской) орнаментации (220, с. 161—170) и умолчав о месте производства этих изделий.

Третья группа — филактерии из Симферопольского и Ней-

зацкого кладов и пластины из числа найденных у станицы Андрюковской на Западном Кавказе — М. Г. Крамаровским названа греческой и отнесена к изделиям Крыма по сочетанию византийских и золотоордынских орнаментов (220, с. 170).

Заметим, что филактерии из Симферопольского и Нейзацкого кладов имеют близкие аналогии на переднем Востоке (ср. 361, с. 12; 461, рис. 115).

Четвертая группа, в которую входит болгарский наконечник, М. Г. Крамаровским отнесена к собственно золотоордынскому ремеслу (220, с. 170—172).

Существовали связи между русским и золотоордынским художественными ремеслами (454). Прослеживается и некоторое обратное влияние золотоордынской торевтики на ремесло Балкан и Руси. Имело место заимствование как отдельных мотивов, так и стилистических особенностей (289), в частности в орнаментике некоторых окладов русских икон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели золотоордынскую городскую цивилизацию, главным образом нижневолжского региона, в ряде ее аспектов. Другие аспекты — неполивная керамика, военный и мирный быт, религия, торговля, наука, литература, эпиграфические материалы — будут раскрыты в работе, которая продолжит данное исследование.

Культура золотоордынских городов — важная страница истории мировой культуры. Но изучая ее, нужно помнить, что она была создана в результате завоевания, нанесшего огромный урон покоренным народам и задержавшего их развитие. Завоеватели быстро растворились в местной тюркской среде. Золотоордынский город населяли и монголы, и половцы, и болгары, и русские, и выходцы из Средней Азии, Кавказа, Крыма, и другие народы. Именно их руками была создана эта городская культура. В ней были черты, принесенные с Дальнего Востока, из Центральной Азии. Основу этой культуры составили традиции и культурные навыки оседлых высокоразвитых цивилизаций многих народов и стран.

При ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается совершенно чуждая номадам яркая урбанистская восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. Эта культура оказалась недолговечной, ибо не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого лежали кочевые степи.

Изучая золотоордынскую культуру, мы чувствуем, даже при том высоком уровне, которого она достигла в XIV в., что эта культура возникла как бы «на пустом месте», без длительных местных собственных основ в среде номадов. Это ярко выраженное новообразование. Многие черты и элементы, заимствованные у разных народов, не слились достаточно органически, были соединены несколько механически, как бы «наскоро». Во многом чувствуется недолговременность традиций городского быта, непонимание его и непривычка к нему. Торгово-ремесленные центры — золотоордынские города зависели во

многом от сильной ханской власти и не смогли существовать сами по себе, без ее поддержки в разорванном междоусобицами государстве.

Но все же был определенный и в значительной степени единый стиль. Разноголосица эклектически соединяемых элементов покрывалась мощным звучанием нового стиля в прикладном искусстве — главном искусстве золотоордынской культуры, стиля в значительной мере «патетического», с сильной тенденцией к «живописности».

На своем собственном пластическом языке этот стиль говорит об эпохе крови и порабощения, но и интенсивного, хотя и несвободного развития ремесла и торговли, эпохе, отмеченной новыми и притом глобальными политическими концепциями и замыслами, трансконтинентальными путешествиями, сверхдальними дипломатическими миссиями, бурными столкновениями религий, драматическими коллизиями и мощными миграциями народов.

Золотоордынский стиль и городская цивилизация вообще были в значительной мере «имперскими» Они поощрялись ханами и обслуживали сильную центральную власть, оснащенную бюрократической машиной, опирающуюся на сильную армию и чиновничество, власть государства, в большой степени процветавшего благодаря эксплуатации транзитной торговли и выкачиванию дани из покоренных стран. Пестрое население собственно Золотой Орды, кочевое и оседлое, городское, трудилось под деспотической властью ханов и их окружения, создавая золотоордынскую культуру, ее демократический компонент. Отрицательная оценка последствий завоеваний Чингиз-хана не снимает необходимости изучения культуры золотоордынских городов. Исследователь находит в этой культуре плоды работы ученых, художников и мастеров завоеванных народов, переселенных в чужие им места.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абызова Е. Н.* Кашинный сосуд из Старого Орхея//СА. 1981. № 2.
2. *Абызова Е. Н.* Гончарная мастерская на поселении XIV в. у села Костешты//Археол. иссл. в Молдавии в 1977—1978 гг. Кишинев, 1982.
3. *Абызова Е. Н.* К вопросу о сфероконусах из Старого Орхея и Костешт//Там же.
4. *Абызова Е. Н.* Комплекс сооружений усадьбы XIV в. в Старом Орхее//Археол. иссл. средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985.
5. *Абызова Е. Н.* Неполивная керамика XIV в. из Старого Орхея//Там же.
6. *Абызова Е. Н.* Жилые постройки поселения XIV в. у с. Костешты Кутузовского района// Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988.
7. *Абызова Е. Н., Бырня П. П.* Исследования в Старом Орхее в 1974—1976 гг.//Археол. иссл. в Молдавии (1974—1976 гг.) Кишинев, 1982.
8. *Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А.* Древности Старого Орхея: Золотоордынский период. Кишинев, 1981.
9. *Агапов П., Кадырбаев М.* Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979.
10. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII—XV веках. Алма-Ата, 1987.
11. *Александров-Липкинг Ю. А.* Далекое прошлое соловьиного края. Ворожеж, 1971.
12. *Алихова А. Е.* Гончарные горны города Мохши-Наручадь//Кр. сообщ. ин-та археол. АН СССР. Вып. 120. М., 1969.
13. *Алихова А. Е.* Мавзолеи города Мохши-Наровчата//СА. 1973. № 2.
14. *Алихова А. Е.* Постройки древнего города Мохши//СА. 1976. № 4.
15. *Амин аль-Холи.* Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М., 1962.
16. *Анарбаев А.* Благоустройство средневекового города Средней Азии (V — начало XIII в.). Ташкент. 1981.
17. *Арзютов Н. К.* Памятники Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г.//Тр. Нижне-Волжского обл. науч. об-ва краеведения. Вып. 35. Ч. I. Саратов, 1926.

17а. *Арзютов Н. К.* Золотая Орда. Саратов, 1930.

18. *Арзютов Н. К.* Отчет о раскопках, проведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика//Изв. АН Каз. ССР. № 67. Серия археологическая. Вып. 2. Алма-Ата, 1949.
19. Армянские источники о монголах. М., 1962.
20. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа//Мат. и иссл. по археол. СССР. № 62. М.; Л., 1958.
21. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
22. Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг. М.; Л., 1941.
23. Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев, 1991.
24. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962.
25. Археологические открытия 1965—1986 гг. Ежегодники. М., 1966—1988.
26. *Атагаррыев Е.* Средневековый Дехистан. Л., 1986.

27. *Ахинджанов С., Ерзакович Л.* К вопросу о происхождении канов на Сырдарье//Изв. АН Каз. ССР. Серия общественная. 1972. № 2.
28. *Ахмедов Г. М.* О «тимуровской стене» города Байлакана//СА. 1964. № 1.
29. *Бадян В. В., Чиперис А. М.* Торговля Каффы в XIII—XV вв.//Феодальная Таврика. Киев, 1974.
30. *Байпаков К. М.* Гончарное ремесло в позднесредневековом Отряре// Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
31. *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
32. *Байпаков К. М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990.
33. *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара//Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнической истории). Алма-Ата, 1981.
34. *Баллод Ф. В.* Приволжские Помпеи. М.; Пг., 1923.
35. *Баллод Ф. В.* Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1923.
36. *Баллод Ф. В.* Культура Золотой Орды//Новый Восток. 1924, VI.
37. *Баранов И. А.* Средневековая литейная форма из Старого Крыма//СА. 1977. № 2.
37а. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Сочинения, т. I. М., 1963.
37б. *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана//Сочинения, т. VI. М., 1971.
38. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
39. *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
40. *Башкиров А. С.* Историко-археологический очерк Крыма. Симферополь, 1914.
41. *Башкиров А. С.* Сельджукизм в древнем татарском искусстве//Крым. 1926. № 2.
42. *Башкиров А. С.* Художественные памятники Солхата//Крым. 1927. № 1(3).
43. *Башкиров А. С., Боданинский У. А.* Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт//Новый Восток. 1925. № 8—9.
44. *Белецкий И. В., Перевозчиков В. И.* Археологические исследования в городе Азове по улице К. Либкнехта в 1985 г.//Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. Азов, 1986.
45. *Богатова Г. А.* Золотая Орда//Русская речь. 1970. № 1.
46. *Боданинский У.* Татарские «дубре» — мавзолеи в Крыму (Из истории искусства крымских татар)//Изв. Таврического об-ва ист. археол. и этногр. Т. 1. Симферополь, 1927.
47. *Бойко А. Л.* Спасательные раскопки в Азове в 1989 г.//Ист. археол. иссл. в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990.
48. *Бойко А. Л.* Новые находки керамических импортов из раскопок средневекового Азака по материалам 1989—1990 гг.//Археология на новостройках Северного Кавказа (1986—1990 гг.). Грозный, 1991.
49. *Бороздин И. Н.* Об изучении восточных культур СССР//Новый Восток, 1924. VI.
50. *Бороздин И. Н.* Новейшие открытия в области изучения татарской культуры//Первый всесоюзный тюркологический съезд. 1926. Баку, 1926.
51. *Бороздин И. Н.* Солхат. (Предварительный отчет о работах Археологической экспедиции Крымсовнаркома Крымцика и Научной ассоциации востоковедения СССР в 1925 г.)//Новый Восток. 1926. № 13—14.
52. *Бороздин И. Н.* Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 г.)//Новый Восток. 1927. № 16—17.
53. Борынгы татар эдэбияты. Казань, 1963.
54. *Бретаницкий Л. С.* Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.

55. *Бретаницкий Л. С.* Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988.
56. *Брун Ф. К.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия//Зап. Новорос. ун-та. Т. IX. Одесса, 1873.
57. *Брун Ф. К.* О резиденции ханов Золотой Орды до времени Джанибека I //Тр. III Археол. съезда. Т. I. Киев, 1878.
58. *Брыкина Г. А.* Карабулак. М., 1974.
59. *Булатов Н. М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов//СА. 1968. № 4.
60. *Булатов Н. М.* Кашинные миниатюрные сосуды из Нового Сарая//Древности Восточной Европы. М., 1969.
61. *Булатов Н. М.* К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах//Вестн. Моск. ун-та. История. 1969. № 2.
62. *Булатов Н. М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1969.
63. *Булатов Н. М.* Археологические исследования золотоордынского города Сарай-Бату//Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972.
64. *Булатов Н. М.* Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища//СА. 1972. № 1.
65. *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике Золотой Орды//СА. 1974. № 4.
66. *Булатов Н. М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов//Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
67. *Булатов Н. М.* О трех гончарных горнах Селитренного городища//СА. 1976. № 1.
68. *Булатов Н. М.* Иранская ваза с Селитренного городища//СА. 1979. № 2.
69. *Булатов Н. М.* Золотой браслет с Селитренного городища//СА. 1983. № 3.
70. *Булатов Н. М.* Археологические исследования культурного слоя г. Азова //Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов, 1988.
70а. *Булатов Н. М.* Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды//Тезисы семинара «Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь (Интеграционная роль искусства, экология, этногенез)». М., 1992.
71. *Бусятская Н. Н.* Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X—XIV вв.)//Вестн Моск. ун-та История. 1972. № 2.
72. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные бусы Селитренного городища//СА. 1973. № 1.
73. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные изделия золотоордынских городов Поволжья: Автореф. дис. . . . канд. истор. наук. М., 1973.
74. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII—XIV вв.) //Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
75. *Бырня П. П.* Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969.
76. *Бырня П. П.* Усадьбы ремесленников XIV в. в Старом Орхее//Археол. иссл. в Молдавии (1972 г.). Кишинев, 1974.
77. *Бырня П. П.* Ювелирная мастерская XIV в. из Старого Орхея//Археол. иссл. в Молдавии (1973 г.). Кишинев, 1974.
78. *Бырня П. П.* Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском Междуречье (XV — начало XVI в.). Кишинев, 1984.
79. *Бырня П. П.* Каменное сооружение 1 в Старом Орхее//Археол. иссл. средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985.
80. *Бырня П. П.* Старый Орхей (путеводитель). Кишинев, 1986.
81. *Бырня П. П., Зиливинская Э. Д.* Бани Старого Орхея//Средневековые памятники Днестровско-Прудского междуречья. Кишинев, 1988.
82. *Бырня П. П., Руссев Н. Д.* Гончарный комплекс XIV в. из Старого Орхея//Там же.

83. *Бырня П. П., Руссев Н. Д.* О неполивной керамике XIV века из Прутo-Днестровья//Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989.
84. *Бырня П. П., Щербакова Т. А.* Краткие итоги археологических исследований в Старом Орхее в 1971 г.//Археол. иссл. в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973.
85. *Вайнер И. С.* Серебряная пряжка из Сарая-Берке//СА. 1964. № 1.
86. *Вайнер И. С.* О некоторых видах ремесла Нового Сарая//Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 1967.
87. *Вайнер И. С., Кринари Г. А.* Исследование образцов золота из мастерских в районе «Трех усадеб» на Царевском городище (Новый Сарай)// Города Поволжья в средние века. М., 1974.
88. *Вайнер И. С., Нигомедзянов М. Н.* Музыкальный духовой инструмент из Нового Сарая//СА. 1965. № 2.
89. *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.)//Керамика Хорезма: Тр. Хорезм. археол.-этногр. эксп. Т. IV. М., 1959.
90. *Вактурская Н. Н.* О средневековых городах Хорезма//Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М., 1963.
91. *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* У истоков истории Саратовского Поволжья. Куйбышев, 1986.
92. *Вельяминов-Зернов В. В.* Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии//Зап. Русск. археол. об-ва Т. XIII. Спб., 1859.
93. *Веселовский Н. И.* О местоположении Гюлистана При-Сарайского. Киев, 1907.
94. *Веселовский Н. И.* Свистящие стрелы//Изв. археол. комиссии. Вып. 30. Спб., 1909.
95. *Веселовский Н И.* Загадочный Гюлистан Золотой Орды//Зап. Вост. отделения Русск. археол. об-ва. Т. XXI. Спб., 1912.
96. *Виноградов В. Б.* Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном граде Ясском Дедякове (По поводу статей Е. Г. Пчелиной и В. А. Кучкина)//Уч. зап. Чечено-Ингушского гос. пед. ин-та. № 26. Серия историческая. Вып. 7. Грозный, 1968.
97. *Виноградов В. В.* Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии//СА. 1987. № 1.
98. *Вишневская О. А.* Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-Ата// Тр. Хорезм. археол.-этногр. эксп. Т. II. М., 1958.
99. *Волков И. В.* Спасательные раскопки в г. Азове в 1985 г.//Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. Азов, 1986.
100. *Волков И. В.* Раскопки в городе Азове в 1987 г.//Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Азов, 1988.
101. *Волков И. В.* Атрибуция нескольких золотоордынских вещей из Азова// Там же.
102. *Волков И. В.* Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака//Северное Причерноморье и Повольжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989.
103. *Волков И. В.* Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове //Ист.-археол. иссл. в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году. Азов, 1989.
104. *Волков И. В.* Средневековый керамический комплекс Патрея (по материалам раскопок 1990 г.)//Древности Кубани. Краснодар, 1991.
105. *Волков И. В.* Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака //Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
106. *Волков И. В.* Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара//Археология на новостройках Северного Кавказа (1986—1990 гг.). Грозный, 1991.
107. *Волков И. В., Белинский И. В.* Раскопки поселения Батай I//Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году. Азов, 1987.
108. *Волкова Н. Г.* Маджары (Из истории городов Северного Кавказа)// Кавк. этногр. сб. Т. V. М., 1972.

109. *Воскресенский А. С.* Полихромные майолики золотоордынского Поволжья//СА. 1967. № 2.
110. *Воскресенский А. С.* Новые данные о поливной архитектурной керамике золотоордынского Поволжья//СА. 1979. № 1.
111. *Воскресенский А. С., Смирнов А. П.* Археологическое исследование соборной мечети («Четырехугольника») в Великих Болгарах//СА. 1966. № 1.
112. *Вязигин С. А.* Археологические раскопки и разведки у Азовского городского кладбища в 1939 г.//Изв. Рост. обл. музея краеведения. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1940.
113. *Галкин Л. Л.* Булава из Нового Сарая//СА. 1963. № 4.
114. *Галкин Л. Л.* Несколько изразцов из Селитренного городища//СА. 1968. № 3.
115. *Галкин Л. Л.* Кашинный кувшин из Селитренного городища//СА. 1971. № 3.
116. *Галкин Л. Л.* Перстни-амулеты с Селитренного городища//СА. 1972. № 3.
117. *Галкин Л. Л.* Керамические горны золотоордынского города Азака//СА. 1975. № 1.
118. *Галкин Л. Л.* Стеклянный медальон-омулет и последняя Ак-Тобе//СА. 1976. № 2.
119. *Галкин Л. Л.* Двусторонняя литейная форма XIV века из Сарайчика// СА. 1978. № 2.
120. *Галкин Л. Л.* Стеклодельная мастерская на городище Селитренное//СА. 1984. № 2.
121. *Гамзатов Г. Г.* Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья//СА. 1982. № 3.
122. *Генинг В. Ф., Крамаровский М. Г.* Ивдельская находка. Л., 1973.
123. *Голицын Л. Л., Краснодубровский С. С.* Укек: Докл. и иссл. по археол. и ист. Укека. Саратов, 1891.
124. *Горелик М. В., Фомичев Н. М.* Рыцарские доспехи XIV века из Азова// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
125. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджара в 1907 г.//Тр. XIV Археол. съезда. Т. III. 1911.
126. *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983.
127. *Гошкевич В. И.* Херсонский городской музей//Летопись музея за 1914 год. Херсон, 1916.
128. *Гражданкина Н. С.* Древние строительные материалы Туркмении// Тр. Юж.-Туркменистанской археол. компл. эксп. Т. VIII. Ашхабад, 1958.
129. *Гражданкина Н. С.* К истории керамического производства в Средней Азии (Методы изготовления сероглиняной керамики в IX—XIII вв.)// История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5. Ташкент, 1964.
130. *Гражданкина Н. С., Ртвеладзе Э. В.* Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара//СА. 1971. № 1.
131. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. Л., 1937.
132. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
133. *Григорьев А. П.* Тамги на золотоордынской керамике//Вестн. Ленингр. ун-та. История, язык, литература. № 20. Вып. 4. Л., 1981.
134. *Григорьев В. В.* О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды// Россия и Азия. Спб., 1876.
135. *Григорьев В. В.* Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая//Журн. мин-ва внутр дел. 1847. Кн. XIX.
136. *Грицина А. А.* Материалы XII — начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана)//История материальной культуры Узбекистана. Вып. 25. Ташкент, 1991.
137. *Гудименко И. В., Перевозчиков В. И.* Спасательные археологические работы в зонах новостроек города Азова//Итоги иссл. Азово-Донецкой эксп. в 1986 г. Азов, 1987.
138. *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М., 1966.

139. *Гусева Т. В.* Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая//СА. 1974. № 3.
140. *Гусева Т. В.* История изучения Нового Сарая//Вестн. Моск. ун-та. История. 1975. № 6.
141. *Гусева Т. В.* Золотоордынский город Сарай ал-Джедид. Горький, 1985.
142. *Давидович Е. А.* Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи//Кр. сообщ. Ин-та ист. мат. культуры. Вып. 80. М., 1960.
143. *Данилов С. В.* Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье.//СА. 1982. № 1.
144. *Даутова Р. А.* Старогладовское поселение — новый памятник Золотой Орды на Тереке//Археология и правоведение вузу и школе. Грозный, 1981.
145. *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г.// Вестн. АН СССР. 1985. № 4.
146. *Джуракулов М. Д., Крикис Я. К.* Раскопки здания IX—X вв. на городище Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
147. *Дмитров Л. Д.* Білгород-Дністровсько археологічна экспедиция//Археологічні пам'ятки УРСР. II. Київ, 1949.
148. *Добролюбский А. О.* О наименовании Кучугурского городища в 60-х годах XIV в.//Международные связи в Средневековой Европе. Запорожье, 1988.
149. *Довженок Б. И.* Татарське Місто на нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя //Археологічні пам'ятки УРСР, т. X. Київ, 1961.
150. *Достиев Т. М.* Поливная керамика средневекового города Шабрана (XI—XIII вв.)//СА. 1989. № 3.
151. Древнемонгольские города. М., 1965.
152. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
153. *Дудин С. М.* К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии// Изв. Рос. акад. ист. мат. культуры. Т. IV. Л., 1925.
154. *Дудко О. А.* Поливная золотоордынская керамика по материалам городища Маджар//Сб докл. на VI и VII Всес. археол. студ. конференциях. М., 1963.
155. *Духовников Ф. В.* Поездка в село Квасниковку//Изв. Об-ва ист., археол. и этногр. при Каз. ун-те. Т. XII. Вып. 3. Казань, 1894.
156. *Егерев В. В.* Архитектура города Болгара//Матер. и иссл. по археол. СССР. № 61. М., 1958.
157. *Егоров В. Л.* Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. //История СССР. 1969. № 4.
158. *Егоров В. Л.* Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959—1965 гг.)//Поволжье в средние века. М., 1970.
159. *Егоров В. Л.* Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1973.
160. *Егоров В. Л.* География городов Золотой Орды//СА. 1977. № 1.
161. *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой//Куликовская битва. М., 1980.
162. *Егоров В. Л.* Мавзолеи Водянского городища//СА. 1980. № 1.
163. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
164. *Егоров В. Л.* Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.
165. *Егоров В. Л., Полубояринова М. Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг.//Города Поволжья в средние века. М., 1974.
166. *Егоров В. Л. Федоров-Давыдов Г. А.* Исследование мечети на Водянском городище//Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
167. *Егоров В. Л., Юхт А. И.* В. Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье//СА. 1986. № 1.

168. *Еманов А. Г.* Развитие торговых связей Кафы в XIII—XV вв.//Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-наДону, 1989.
169. *Ерзакович Л. В.* О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
170. *Ерзакович Л. В.* Некоторые типы жилищ Золотой Орды//Археол. иссл. в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
171. *Ерзакович Л. В.* Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на Юге Казахстана в XIII—XVIII вв.//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
172. *Жиромский Б. Б.* Забытая страница в истории русской археологии//Тр. Сарат. обл. музея краеведения. Вып. 2. Саратов, 1959.
173. *Загоскин Н. П.* Селитренный городок Астраханской губернии Енотаевского уезда//Тр. IV Археол. съезда. Т. 1. Казань, 1884.
174. *Зайковский Б. В.* Городище Бельджамен//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. XXIV. Саратов, 1908.
175. *Зайковский Б. В.* Археологические разведки в окрестностях сл. Даниловки Камышинского уезда Саратовской губернии//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. № 30. Саратов, 1913.
176. *Зайковский Б. В.* Еще одно погибшее городище//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. № 31. Саратов, 1914.
177. *Зайковский Б. В.* Исторический очерк древнего городища на правом берегу Волги, в 17 верстах выше Царицына//Тр. Сарат. ученой арх. комиссии. № 32. Саратов, 1915.
178. *Зайковский Б. В.* Древнееврейские монеты в Заволжской степи//Тр. об-ва ист., археол. и этногр. при Сарат. ун-те. Вып. 34, ч. I. Саратов, 1923.
179. *Зайковский Б. В.* Опыт применения монетного материала к изучению краевой исторической географии//Казан. муз. вестн. № 1. Казань, 1924.
179а. *Закирова И. А.* Костерезное дело Болгара//Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
180. *Залесская В. Н., Крамаровский М. Г.* Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII—XIV вв. Л., 1990.
181. *Заурова Е. З.* Раскопки на городище Акчий//Кетмень-Тюбе. Фрунзе 1977.
182. *Зевакин Е. С., Панченко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XIV вв.//Истор. зап. Т. 3. Л., 1938.
183. *Зиливинская Э. Д.* Золотоордынская баня на Кучугурском городище// Международные связи в Средневековой Европе. Запорожье, 1988.
184. *Зиливинская Э. Д.* Средневековые бани Нижнего Поволжья//Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
185. *Зиливинская Э. Л.* Монументальное строительство в городах Золотой Орды: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1991.
186. *Иаков.* Исследование о месте Сарая, столицы Кыпчакской Орды//Уч. зап. Каз. ун-та. Кн. 2. Казань, 1842.
187. *Ильина А., Шишкин П.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижневолжского края. Сталинград, 1929.
188. *Ильясова С.* Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски-Ахси//История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент, 1986.
189. *Исмизаде О. Ш., Ибрагимов Ф. А.* Художественная штампованная керамика средневекового Баку. Баку, 1983.
189а. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Азов, 1991.
190. *Исхизов М. Д.* Загадки древних курганов. Саратов, 1961.
191. *Калинин Н. Ф.* Золотоордынская керамика в историко-археологическом отделе Центрального музея Татарской республики//Мат. Центр. музея ТССР. № 1. Казань, 1927.

192. *Кастанье А. И.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края// Тр. Оренб. уч. архивной комиссии. XXII. Оренбург, 1910.
193. *Кастанье А. И.* Надгробные сооружения Киргизских степей//Тр. Оренб. уч. архивной комиссии. XXVI. Оренбург, 1911.
194. *Кверфельд Э. К.* Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
195. Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата, 1991.
196. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
197. Книга Марко Поло. М., 1955.
198. *Кобеко Д. Ф.* К вопросу о местоположении г. Сарая, столицы Золотой Орды//Зап. Вост. отделения рус. археол. об-ва. Т. IV. вып. III—IV. Спб., 1890.
199. *Кобеко Д. Ф.* Где находился упоминаемый в летописях город Бездеж?// Журн. мин-ва нар. просв. 1892. Ноябрь.
200. *Ковалевский М. М.* К ранней истории Азова//Тр. XII Археол. съезда. Т. II. М., 1905.
201. *Кожевникова Ю. Я.* Фауна средневекового Азака//Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
202. *Козловский А. А.* Оседлое население Южного Приднестровья IX—XIV вв. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Киев, 1982.
203. *Кондаков Н. П.* Русские клады//Исследования древностей великокняжеского периода. Т. I. Спб., 1896.
204. *Коновалова И. Г., Руссев Н. Д.* О политическом положении региона днестровско-дунайских степей в первой половине XIV в.//Соц.-эк. и пол. ист. Молдавии периода феодализма. Кишинев. 1988.
205. *Кравченко А. А.* Исследования золотоордынского слоя в Белгороде-Днестровском//Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975.
206. *Кравченко А. А.* Ремесленное производство золотоордынского Белгорода//150 лет Одес. археол. музею АН УССР (1825—1975). Киев, 1975.
207. *Кравченко А. А.* Жилые комплексы золотоордынского Белгорода//Мат. по арх. Северного Причерноморья. Вып. 8. Киев, 1976.
208. *Кравченко А. А.* Производственные комплексы Белгорода XIII—XIV вв. //Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979.
209. *Кравченко А. А.* Керамические сфероконусы Белгорода XIV в.//Новые археол. иссл. на Одесчине. Киев, 1984.
210. *Кравченко А. А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV в.). Киев, 1986.
211. *Кравченко А. А., Столярик Е. С.* Керамика византийского круга из Белгорода XIII—XIV вв.//Мат. по археол. Северного Причерноморья. Киев, 1984.
212. *Кравченко Э. Е.* Памятники золотоордынского времени на территории Донецкой области//Пробл. охраны и иссл. памятников археол. в Донбассе. Донецк, 1989.
213. *Кравченко Э. Е., Швецов М. Л.* О хронологии III этапа функционирования Царина городища//Пробл. иссл. памятников археол. Северного Донца. Луганск, 1990.
214. *Крамаровский М. Г.* Золотой ковш монгольского времени из Предкавказья//Сообщ. Гос. Эрм. XXXVI. Л., 1973.
215. *Крамаровский М. Г.* Торевтика Золотой Орды XIII—XV вв. (по материалам Государственного Эрмитажа). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1974.
216. *Крамаровский М. Г.* К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью//Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975.
217. *Крамаровский М. Г.* «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация//Сообщ. Гос. Эрм. XLIII. Л., 1978.
218. *Крамаровский М. Г.* Гончар-армянин из Сарая ал-Джежид//Тр. Гос. Эрм. XIX. Л., 1978.
219. *Крамаровский М. Г.* «Шапка Мономаха»: Византия или Восток?//Сообщ. Гос. Эрм. XLVII. Л., 1982.

220. *Крамаровский М. Г.* Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII—XV веков (по материалам Крыма и Кавказа) //Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
221. *Крамаровский М. Г., Полубояринова М. Д.* К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды//СА. 1982. № 3.
222. *Крамаровский М. Г.* Салхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв.//Итоги археол. экспед. Гос. Эрм. Л., 1989.
223. *Кротков А. А.* Раскопки на Увеке в 1913 г.//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. № 32. Саратов, 1915.
224. *Кротков А. А.* В поисках Мохши//Тр. об-ва ист. археол. и этногр. Сарат. края. № 34, вып. 1. Саратов, 1923.
225. *Кротков А. А.* Сферо-конические сосуды из археологического отдела Саратовского государственного областного музея//Тр. Нижневолж. обл. науч. об-ва краеведения. № 35, вып. 1. Саратов, 1926.
226. *Кротков А. А.* К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства// Изв. об-ва обследования и изучения Азербайджана. Вып. 5. Баку, 1928.
227. *Кротков А. А., Шишкин П. Н.* Городище и курганы близ с. Квашниковка (Самарская г.)//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. № 26. Саратов, 1910.
228. *Крымина М. М.* Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья//СА. 1977. № 3.
229. Культура Биляра. М., 1985.
230. *Кадырниязов М. Ш.* Ремесло Хорезма в XIII—XIV вв.//Археол. иссл. в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
231. *Кыдырниязов М. Ш.* Культурные связи золотоордынских городов Хорезма//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
232. *Кыдырниязов М. Ш.* Материальная культура городов Хорезма в XIII—XIV веках. Нукус, 1989.
233. *Кызласов Л. Р.* Городище Ден-Терек//Древнемонгольские города. М., 1965.
234. *Кызласов Л. Р.* Ранние монголы. (К проблеме истоков средневековой культуры)//Сибирь, Центральная и Восточная Азия в середине века: История и культура Востока Азии. Вып. 3. Новосибирск 1975.
235. *Лапиров-Скобло М. С.* Портал развалин караван-сарая на городище Таш-Кала в Куня-Ургенче//Тр. Хорезм. археол. этногр. эксп. Т. II М., 1958.
236. *Ларенок П. А.* Об археологических раскопках в зоне строительства здания прокуратуры в г. Азове на улице Ленинградской//Итоги иссл. Азово-Донецкой эксп. в 1985 году. Азов 1986.
237. *Ларенок В. А.* Поливная керамика Азака (к постановке вопроса)// Там же.
238. *Ларенок В. А.* Некоторые типы поливной керамики Азака//Итоги иссл. Азово-Донецкой эксп. в 1987 году. Азов, 1988.
239. *Латышева Г. П.* Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1954—1960 гг. в Московском Кремле)// Древности Московского Кремля М., 1971.
240. *Лебедев В.* Загадочный город Мохши. Пенза, 1968.
241. *Левашова В. П.* О городищах Сибирского Юрта//СА. Т. XIII. М.; Л., 1950.
242. *Левашова В. П.* Белореченские курганы//Археол. сб.: Тр. Гос. истор. музея. Вып. XXII. М., 1953.
243. *Левашова В. П.* Золотоордынские памятники в Воронежской области// Археол. сб.: Тр. Гос. истор. музея. Вып. 37. М., 1960.
244. *Леопольдов А. Ф.* Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии. 1837 г.//Мат. для статистики Российской Империи. Спб., 1839.
245. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М., 1964.
246. *Лопатин Н. А.* О современном положении местности, где находится Сарай, столица Золотой Орды//Тр. IV Археол. съезда. Т. I. Казань, 1884.
247. *Лунин Б. В.* Очерки истории Подонья-Приазовья. Ростов-на-Дону, 1949.

248. *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X — начале XIII в.// Тр. Юж.-Туркменист. археол. компл. эксп. Т. XI. Ашхабад 1962.
249. *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей//Города Поволжья в средние века М., 1974.
250. *Мальм В. А.* Золотые бляшки в виде цветка лотоса//Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
251. *Мальм В. А.* Золотой браслет с персидской надписью//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
252. *Мальм В. А.* Украшения женского головного убора из симферопольского клада//История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
253. *Матсрикин А. В.* К вопросу об истории исследований Водянского городища//Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 1993.
254. *Маньковская Л., Булатова В.* Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.
255. *Маркевич А И.* Старокрымские древности//Изв. Таврич. уч. архивной комиссии. № 17. 1892.
256. *Марковин В. И., Ошаев Х. Д.* О местоположении ясского города Дедякова//СА. 1978. № 1.
257. *Маршак Б И.* Скань XIII века на Ближнем Востоке//Сообщ. Гос. Эрм. XLVII. Л., 1982.
258. *Масловский А. Н.* Пешково I — поселение золотоордынского времени// Истор.-археол. иссл. в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990.
259. *Массон М. Е.* Фрагменты надписи караханидского мавзолея с городища Афрасиаб//Эпиграфика Востока, XX. Л., 1971.
260. *Матвеева Л. П.* Поливные изразцы из Болгар//СА. 1959. № 2.
261. *Махнева О. А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма//Археол. иссл. средневекового Крыма. Киев, 1968.
262. *Медокс К. П.* Новейшие находки близ Увека//Изв. об-ва ист., археол. и этногр. при Казан. ун-те. Т. X, вып. VI. Казань, 1892.
262а. Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды». Волгоград, 1992.
263. *Мершиев М. С.* Поселения XIII—XIV веков в Западном Казахстане// Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
264. *Милорадович О. В.* Средневековые мечети городища Верхний Джиулат// Средневековые памятники Северной Осетии: Мат. и иссл. по археол. СССР. № 114. М., 1963.
265. *Милорадович О. В.* Христианский могильник на территории Верхний Джулат//Там же.
266. *Милюков П. Н.* Где был город Бездеж?//Тр. Моск. археол. об-ва Т. XIII, ч. I. М., 1889.
267. *Минаева Т. М.* Золотоордынский город Маджар//Мат. по изуч. Ставропольского края. Вып. 5. Ставрополь, 1953.
268. *Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965.
269. *Минаева Т. М.* Новые находки на городище Маджара//СА. 1968. № 1.
270. *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки на городской стене Орен-Кала в 1953—1954 гг.//Мат. и иссл. по археол. СССР. № 67. М., Л., 1959.
271. *Минх А. Н.* Набережный Увек//Сарат. сб. I. Саратов, 1881.
272. *Митрошкина А. Г.* Термин «Золотая Орда»//Тр. Ирк. гос. ун-та. Т. 65. Серия языкознания. Вып. 4. Иркутск, 1968.
273. *Михальченко С. Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья//СА. 1973. № 3.
274. *Михальченко С. Е.* Сфероконусы Поволжья//Кратк. сообщ. ин-та археол. АН СССР. Вып. 140. М., 1974.
275. *Мицишвили М. Н.* Поливная керамика Древней Грузии (IX—XIII вв.). Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
276. *Монгайт А. Л.* Золотоордынская чаша из Новгорода Великого//Кр. сообщ. Ин-та ист. матер. культуры. Вып. XIX. М., 1948.
277. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань, М., 1955.

278. *Мухамадиев А. Г.* Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г.//Города Поволжья в средние века. М., 1974.
279. *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983.
280. *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае//СА. 1970. № 3.
281. *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая//Новое в археологии. М., 1972.
282. *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки усадьбы на Царевском городище//Вестн. Моск. ун-та. История 1978. № 3.
283. *Мыськов Е. П.* Курганный могильник у Царевского городища//Пробл. иссл. памятников археол. Северного Донца. Луганск, 1990.
284. *Наваан Д.* Клад железных предметов из Хара-Хорина//Монг. археол. сб. М., 1962.
285. *Наджафова Н.* Художественная керамика Азербайджана XII—XV вв. Баку, 1964.
286. *Нарожный Е. И.* К изучению динамики золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе (Некоторые назревшие вопросы)//Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
287. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.
288. *Наумов Д. В.* Химический состав стекла Селитренного городища//СА. 1973. № 1.
289. *Некрасов А. Н.* Татаризмы в русской орнаментике XV—XVII вв.// Slavia. Т. IX вып. 1. 1930.
290. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме. М., 1976.
291. *Нестеров А. Г.* Государство Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV—XV вв. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1988.
292. *Носкова Л. М.* Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище//СА. 1972 № 1.
293. *Носкова Л М.* Тарракотовый и ганчевый декор в городах Золотой Орды//Вестн. Моск. ун-та. История. 1972. № 5.
294. *Носкова Л. М.* Архитектурный декор золотоордынских городов Нижнего и Среднего Повольжья. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1973.
295. *Носкова Л. М.* Мозаика и майолики из средневековых городов Поволжья//Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
296. *Носкова Л. М.* Декоративное убранство дворцового комплекса XIV в. в Сарае (Селитренное городище)//СА. 1984. № 4.
297. *Осмоловский И.* Исследование о месте Сарая, столицы Кыпчака и Золотой Орды//Северная пчела. 1846. № 80—81.
297а. Отчеты археологической комиссии.
298. *Палимпсестова Т. Б., Рунич А. П.* О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана//СА. 1974. № 2.
299. *Панова Т. Д.* О редком типе перстней XIV в. из археологического собрания Музеев Московского Кремля//СА. 1992. № 2.
300. *Папа-Афанасопуло К. Н.* Золотоордынская керамика//Уч. зап. Сарат. гос.ун-та. Т. III, вып. 3. Саратов, 1925.
301. *Папа-Афанасопуло К. Н.* Декоративная керамика золотоордынской архитектуры//Мат. по ремонту и реставрации памятников Тат. АССР. Т. IV. Казань, 1930.
302. *Патканов К. П.* История монголов по армянским источникам. Т. 1—2. Спб., 1873—1874.
303. *Пацевич Г. И.* Гончарная печь на городище Сарайчик (по материалам Западно-Казахстанской археологической экспедиции)//Тр. Ин-та ист., археол.и этногр. АН Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1956.
304. *Пацевич Г. И.* Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике// Кр. сообщ. Ин-та ист. матер. культуры АН СССР. Вып. 69. М., 1957.
305. *Перевозчиков В. И.* Новые данные о гончарном производстве золотоордынского Азака XIV в.//Итоги иссл. Азово-Донецкой эксп. в 1986 году. Азов, 1987.

306. *Перевозчиков В. И.* Систематизация кашинной поливной керамики Азова (по материалам раскопок 1963—1985 гг.)//Итоги иссл. Азово-Донецкой эксп. в 1987 году. Азов, 1988.
307. *Перевозчиков В. И.* Новая находка гончарной печи XIV в. в Азове// Пробл. иссл. памятников археол. Северского Донца. Луганск, 1990.
308. *Перевозчиков В. И.* Итоги раскопок I Азовской археологической экспедиции в 1989 г.//Ист.-археол. иссл. в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990.
309. *Перевозчиков В. И.* Гончарный комплекс в раскопе по ул. Комсомольской//Там же.
309а. *Перевозчиков В. И.* Кашинные чаши из фондов Азовского краеведческого музея//Ист.-археол. иссл. в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Азов, 1991.
310. *Перевозчиков В. И., Гудименко И. В.* Рабты I Азовского археологического отряда в 1987 г.//Итоги иссл. Азово-Донецкой эксп. в 1987 г. Азов, 1988.
311. *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV в. М.; Л., 1960.
312. *Пигнатти В. Искер* (Кучумово городище)//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. 1915.
313. *Пигнатти В.* Каталог коллекций находок на Искере, принадлежащих Тобольскому губернскому музею//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXVI. 1916.
314. *Полевой Л. Л.* Об одной из групп керамики на поселениях XIV века в Пруто-Днестровском междуречье//Матер. и иссл. по археол. и этногр. Молд. ССР. Кишинев, 1964.
315. *Полевой Л. Л.* Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV в. у с. Костешты//Там же.
316. *Полевой Л. Л.* Поселение XIV в у с. Костешты//Зап. Одес. археол. об-ва. Т. II. Одесса, 1967.
317. *Полевой Л. Л.* Культурно-исторические традиции в средневековой поливной керамике с орнаментом сграффито Карпато-Дунайских земель// Археол., этногр. и искусствоведение Молдавии. Кишинев,, 1968.
318. *Полевой Л. Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV веке. Кишинев, 1969.
319. *Полевой Л. Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979.
320. *Полевой Л. Л., Бырня П. П.* Средневековые памятники XIV—XVII вв. Кишинев, 1974.
321. *Полубояринова М. Д.* Русская керамика с Водянского городища//Кр. сообщ. Ин-та археол. АН СССР. Вып. 129. М., 1972.
321а. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
322. *Полубояринова М. Д.* Знаки на золотоордынской керамике//Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
323. *Полубояринова М. Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.
324. *Поляк А. Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья с Восточной и Центральной Европы//Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
324а. *Полякова Г. Ф.* Заготовка обкладки колчана из Болгара//СА. 1992. № 1.
325. *Пономарев П.* На развалинах города Увека близь Саратова// Древняя и Новая Россия. Спб., 1979.
326. *Попов С. А.* Тайны Пятимаров, Челябинск, 1971.
327. *Прозрителев Г. Н.* Маджары: Один из древнейших городов Северного Кавказа//Сб. сведений о Северном Кавказе. Т. I. Ставрополь, 1906.
328. *Пугаченкова Г. А.* Самаркандская керамика XV века//Тр. Среднеаз. гос. ун-та. Новая серия. Вып. XI. Ташкент, 1950.
329. Путеводитель по залам отдела Востока. Л., 1939.
330. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

331. *Пчелина Е. Г.* О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе//Средневековые памятники Северной Осетии: Мат. и иссл. по археол. СССР. № 114. М., 1963.
332. *Рабинович М. Г.* Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг.//Кр. сообщ. Ин-та археол. АН СССР. Вып. 113. М., 1968.
333. *Ракитина К. А.* Группа серебрянных украшений из кубанских могильников XIV—XV вв.//Тр. отдела Востока Эрмитажа. Вып. 3. Л., 1940.
334. *Ракитина К. А.* Бронзвое зеркало со сценой охоты//Сообщ. Гос. Эрм. VII. Л., 1955.
335. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960.
336. *Рафалович И. А., Полевой Л. Л.* Раскопки гончарных горнов на поселении Лозово 1//Матер. по ист. археол. и этногр. МССР. Кишинев, 1984.
337. *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана (История развития и теория построения). Ташкент, 1961.
338. *Рикман Э. А.* Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты//Изв. Молд. филиала АН СССР. № 5. Кишинев, 1955.
339. *Розенфельд Р. Л.* О конструкции и назначении некоторых железных изделий//СА. 1960. № 2.
340. *Ртвеладзе Э. В.* Крест-энколпион из Маджар//СА. 1965. № 2.
341. *Ртвеладзе Э. В.* Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья//СА. 1969. № 4.
342. *Ртвеладзе Э. В.* Надпись Джанибек-хана на плите из Маджара//СА. 1970. № 3.
343. *Ртвеладзе Э. В.* Два динара делийских султанов с городища Маджар// СА. 1972. № 1.
344. *Ртвеладзе Э. В.* К истории города Маджар//СА. 1972. № 3.
345. *Ртвеладзе Э. В.* Мавзолеи Маджара//СА. 1973. № 1.
346. *Ртвеладзе Э. В.* Сфероконические сосуды из Маджара//СА. 1974. № 4.
347. *Руссев Н. Д.* Возникновение городов Поднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов//Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.
347а. *Рыков П. С.* Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г.//Ученые записки Саратовского университета. Т. III. Саратов, 1925.
348. *Рыков П. С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.//Изв. краеведч. и-та изучения Нижневолжской области при Сарат. гос. ун-те. Т. I. Саратов, 1926.
349. *Рыков П. С.* Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 году//Изв. Ниж.-Волж. ин-та краеведения Т. III. Саратов, 1929.
350. *Рыков В. П.* Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г.//Изв. Ниж.-Волж. ин-та краеведения. Т. IV. Саратов, 1931.
351. *Рыков П. С.* Музейные материалы по изучению феодального города//Советский музей. 1932. № 4.
352. *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв.//Матер. и иссл. по археол. СССР. № 117. М., 1963.
353. *Рябой Т. Ф.* К вопросу о «больших» домах из Старого Орхея//Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988.
354. *Саблуков Г. С.* Остатки древностей в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда//Изв. об-ва ист., археол. и этногр. при Каз. ун-те Т. III. Казань, 1984.
355. *Савельев В. К.* О городах Маджаре и Булгаре по монетам//Тр. IV Археол. съезда. Т. I. Казань, 1884.
356. *Савельев П. С.* Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие обращавшиеся в Золтой Орде в эпоху Тоштамыша. Спб., 1857—1858.
357. *Сафаргалиев М. Г.* Где находился золотоордынский город Дедяков//Уч. зап. Мордов. пед. ин-та им. А. И. Полежаева. Обществ. науки. Вып. 4. Саранск, 1956.

358. *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
359. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
360. *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
361. Симферопольский клад. М., 1980.
362. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.)//Матер. и иссл. по археол. СССР. № 78. М., 1960.
363. *Скоробогатова Т. В.* Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в.//СА. 1983. № 2.
364. *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.
365. *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии//Матер. иссл. .по археол. СССР. № 58. М., 1957.
366. *Смирнов А. П.* Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары//Города Поволжья в средние века. М., 1974.
367. *Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А.* Задачи археологического изучения Золотой Орды//СА. 1959. № 4.
368. *Смирнов А. П., Янина С. А.* Находка редких золотых перстней в Болгарах//СА. 1967. № 3.
369. *Смирнов Г. Д.* Археологические исследования Старого Орхея//Кр. сообщ. Ин-та ист. мат. культуры. Вып. 56. М., 1954.
370. *Смирнов Г. Д.* Из истории Старого Орхея//Изв. Молд. филиала АН СССР. Серия обществ. наук. № 4(70). Кишинев, 1960.
371. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Спб., 1909.
372. *Смолин В. Ф.* Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау//Вестн. Науч. об-ва татароведения. Казань, 1925. № 3.
373. *Смоляк А. Р.* Раскопки пойменного отряда РГПИ в Константиновском районе//Итоги иссл. Азово-Донецкой эксп. в 1987 г. Азов, 1988.
374. *Спесивцев В.* Случайные археологические находки//Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. Т. 6. Вып. II. Харьков, 1894.
375. *(Спесивцев).* Золотоордынские древности из Рай-Городка//Отчеты археол. комиссии за 1898 г. Спб., 1901.
376. *Спесивцев.* Находки в Рай-Городке//Тр. XII Археол. съезда. Т. I. М. 1905.
377. *Спицын А. А.* Отчет о поездке члена Археологической комиссии А. А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города//Отчеты археол. комиссии за 1893 год. Спб., 1895.
378. *Спицын А. А.* Из коллекции Императорского Эрмитажа//Зап. отделения рус. с слав. археол. Рус. археол. об-ва. Т. VIII. Вып. I. Спб., 1906.
379. *Спицын А. А.* К вопросу о Маномаховой шапке//Там же.
380. *Спицын А. А.* Бухарский клад и Мономахова шапка//Изв. археол. комиссии. Вып. 29. Спб., 1909.
381. *Спицын А. А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея//Изв. археол. комиссии. Вып. 53. Пг., 1914.
382. *Темирходжаев Ш. С.* Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967.
383. *(Терещенко А. В.).* Продолжения разрытия Царевских курганов//Журн. мин-ва внутр. дел. Кн. VII. 1844.
384. *(Терещенко А. В.).* Археологические поиски в развалинах Сарая//Зап. Спб. археол.-нумизм. об-ва. Т. II. Спб., 1850.
365. *Смирнов А. П.* Железный век Башкирии//Матер. иссл. по археол. СССР. //Москвитянин. 1953. Т. VI, кн. 2.
386. *Терещенко А. В.* Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства//Уч. зап. Имп. ак. наук по I и III отделениям. Т. II. Вып. 1. Спб., 1853.
387. *Терехова Н. Н.* Технология чугунолитейного производства у древних монголов//СА. 1974. № 1.
388. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Спб., 1884.
389. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941.

390. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
391. *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957.
392. *Тихомиров М. Н.* Выступление по вопросу этногенеза казанских тарар// Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973.
393. *Толмачев И. А.* О Водянском городище в Саратовской губернии//Тр. VI Археол. съезд. Т. IV. Одесса. 1889.
394. *Томаев Г. Н.* Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV—XV вв. М., 1951.
395. *Трутовский В. К.* Гулистан Золотой Орды//Древности Восточные: Тр. Вост. комиссии отделения Моск. археол. об-ва Т. I. М., 1889.
396. *Трутовский В. К.* Гулистан, монетный двор Золотой Орды//Нумизм. сб. Т. I. М., 1911.
397. *Фахрутдинов Р. Г.* Исследования Старой Казани (Итоги раскопок 1970-х годов)//СА. 1984. № 4.
398. *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче//Тр. Хорезм. археол.-этногр. эксп. Т. II. М., 1958.
399. *Федоров-Давыдов Г. А.* Культура и общественный быт золотоордынских городов. М., 1964.
400. *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг.//СА. 1964. № 1.
401. *Федоров-Давыдов Г. А.* Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья//Новое в советской археологии. М., 1965.
402. *Федоров-Давыдов Г. А.* Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в.//Вестн. Моск. ун-та История. 1965. № 6.
403. *Федоров-Давыдов Г. А.* Нумизматика Хорезма золотоордынского периода//Нумизматика и эпиграфика. V. М., 1965.
404. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
405. *Федоров-Давыдов Г. А.* Новый Сарай по раскопкам в 1963—1964 гг.// СА. 1966. № 2.
406. *Федоров-Давыдов Г. А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.
407. *Федоров-Давыдов Г. А.* Город и область Саксин в XII—XIV вв.//Древности Восточной Европы М., 1969.
408. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевая Орда в Улусе Джучи//Вестн. Моск. ун-та. История. 1970. № 5.
409. *Федоров-Давыдов Г. А.* Находкам 600 лет//Сельская новь. 1970. № 8.
410. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
411. *Федоров-Давыдов Г. А.* Три средневековых нижневолжских города. Вопросы истории. 1974. № 3.
412. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
413. *Федоров-Давыдов Г. А.* Браслет с надписью с Селитренного городища// СА. 1978. № 2.
414. *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотая Орда и монгольский Иран//Вестн. Моск. ун-та. История. 1978. № 6.
415. *Федоров-Давыдов Г. А.* Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище//Вестн. Моск. ун-та. История. 1981. № 1.
416. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монгольское завоевание и Золотая Орда//Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
417. *Федоров-Давыдов Г. А.* Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII—XIV вв.//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
418. *Федоров-Давыдов Г. А.* Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья//СА. 1984. № 3.
419. *Федоров-Давыдов Г. А.* Клад монет XIII в. из Волжской Болгарии// Проблемы археологии Евразии. М., 1991.
420. *Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М.* Керамическая мастерская Се-

литренного городища//Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
421. *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С.* О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая//СА. 1963. № 3.
422. *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В.* Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища//Города Поволжья в средние века. М., 1974.
423. *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.//Поволжье в средние века. М., 1970.
424. *Федоров-Давыдов Г. А., Циркин А. В.* Новые данные об Итяковском городище в Темниковском районе МАССР//Иссл. об ист. и археол. Мордовской АССР. Саранск, 1966.
425. *Федотов А. Т.* О технике мозаики Средней Азии//Изв. Ин-та археол. и технологии. Вып. II. Л., 1924.
426. *Филипсенко В. А.* О новых находках на территории Астраханской области//СА. 1958. № 1.
427. *Фоменко В. П.* Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-Кала в 1958 г.//Матер. и иссл. по археол. СССР. № 133. М.;Л., 1965.
428. *Фомичев Н. М.* Новые данные по исторической топографии золотоордынского г. Азака//Матер. к семинару «Итоги иссл. объединенной Азово-Донецкой археол. эксп. Азов, 1981.
429. *Фомичев Н. М.* К вопросу о границах памятников археологии г. Азова// Ист.-археол. иссл. в г. Азове. Азов, 1990.
430. *Френ Х. М.* Монгольский город Укек на р. Волге. Ставрополь, 1911.
431. *Фронджуло М. А.* Раскопки в Судаке//Феодальная Таврика. Киев, 1974.
432. *Хлебникова Т. А.* Археологические исследования мавзолеев города «Великие Болгары» в 1966 г.//Поволжье в средние века. М., 1970.
433. *Чалый В. В., Рогачева А. Ф., Перевозчиков В. И.* Археологические исследованя в Азове//Итоги иссл. Азово-Донецкой археол. эксп. в 1982 г. Азов, 1982.
434. *Чалый В. В., Фомичев Н. М., Перевозчиков В. И.* Археологические исследования в Азове//Иссл. Азово-Донецкой археол. эксп. в 1983 г. Азов, 1983.
435. *Чалый В В., Фомичев Н. М.* Древнерусская костяная бляшка из Азова// СА. 1985. № 3.
436. *Чеботаренко Г. Ф., Бырня П. П.* Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г.//Изв. Молд. филиала АН СССР. 1960. № 4(70).
437. *Чекалин Ф. Ф.* Какому из древних городов принадлежит каменное городище на Волге, близ посада Дубовки//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. Т. I, вып. IV. Саратов, 1888.
438. *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологические данные//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. Т. II. Саратов, 1889.
439. *Чекалин Ф. Ф.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фрамауро/Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. Т. II, вып. 2. Саратов, 1890.
440. *Чеченов И. М.* Древности Карабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
441. *Шарахимов Ш.* Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда// Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
442. *Шелковников Б. А.* Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957.
443. *Ширинский-Шихматов А. А.* Отчет об археологических раскопках князя А. А. Ширинского-Шихматова//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. Вып. 32. Саратов, 1915.
444. *Шляхова В. И.* Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ)//СА. 1980. № 4.
445. *Шляхова В. И.* «Тимуридская» керамика Сарая (Селитренное городище)// Вестн. Моск. ун-та. История. 1991. № 1.
446. *Шнайдштейн Е. В.* Новые средневековые памятники в дельте Волги// Древняя история Поволжья: Научн. тр Куйб. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. № 230. Куйбышев, 1979.

447. *Щапова Ю. Л.* Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное//СА. 1984. № 2.
448. *Щеглов С. А.* Предварительная археологическая разведка у селений Кошели и Березняки Вольского уезда//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. Вып. 29. Саратов, 1912.
449. *Щеглов С. А.* Раскопки на Водянском городище//Тр. Сарат. уч. архивной комиссии. Вып. 32. Саратов, 1915.
450. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.; Л., 1950.
451. *Якобсон А Л.* Раскопки на городище Орен-Кала в 1953—1955 гг.//Мат. и иссл. по археол. СССР. № 67. М.; Л., 1959.
452. *Якобсон А. Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала)//Там же.
453. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
454. *Якобсон А. Л.* Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближнем Востоком в XVI в.//Древности Московского Кремля. М., 1971.
455. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
456. *Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака)//Сообщ. Гос. Акад. ист. матер. культуры Т. II. Л., 1929.
457. *Якубовский А. Ю.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарай Берке//Изв. Гос. акад. ист. мат. культуры. Т. VIII, вып. 2—3. Л., 1931.
458. *Якубовский А. Ю.* Феодализм на Востоке: Столица Золотой Орды — Сарай Берке. Л., 1932.
459. *Якубовский А.* Люстровая ваза XIII в. с изображением музыкантов и игры в поло// Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
460. *Янина С. А.* «Новый город» (Янги-шехр-Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местоположение//Нумизм. сб. Ч. 5, вып. I. М., 1977.
461. *Abú-l-Faraj al-Ush.* Musée national de Damas. Damas, 1976.
462. *Aboulféda.* Géographie d'Aboulféda. Text arabe publié... par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. P., 1840.
463. *Aslanapa Oktay.* Türkische Fliesen und Keramik in Anatolien. Istanbul, 1965.
464. *Ballod F.* Ali-Sarai und Neu-Sarai, der Hauptstädte der Goldenen Horde. Riga, 1926.
465. *Ballodis F.* Neuere Forschungen und die Kultur der Goldenen Horde// Zeitschift für Slawische Philologie. 1929. N 4.
466. *Bratianu G. I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Bucuresti, 1935.
467. *Bratianu G.* La mer Noire. München. 1969.
468. *Esin Atil.* Ceremics from the World of Islam. Wash., 1973.
469. *Ettinghausen R.* La peinture Arabe. Genève, 1977.
470. *Fedorow-Dawydow G. A.* Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig, 1972.
471. *Fyodorov-Davydov G. A.* The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984.
472. *Fedorov-Davydov G. A.* Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München, 1984.
473. *Fedorov-Davydov G. A., Polubojarinova M. D.* Die Städte der Goldenen Horde//Das Altertum. 1976. N 3.
474. *Kretschmer K.* Die italianischen Portolane des Mittelalters. Berlin, 1909.
475. *Kühnel E.* Islamic Arts. L., 1970.
476. *Pegolotti F. B.* La Practica della Mercatura. Cambr., Mas., 1936.
477. *Persian Art.* An illustrated souvenir of the exhibition of persian art at Burlington House. L., 1931.
478. *Spinei V.* Moldova în secolele XI—XIV. Bucureşti, 1982.
479. *Janine V., Fédorov-Davydov G., Tchernykh E., Chélov D.* Fouilles et recherches archéologiques en URSS. Moscou, 1985.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Золотая Орда и ее города 5

Глава II. Археологическое изучение золотоордынских городов 20

Глава III. Строительство 45

Глава IV. Керамика и архитектурный декор (ремесло и искусство) 78

Глава V. Другие ремесла (ассортимент производства) 170

Заключение 209

Литература 211

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА МГУ

ЛЕОНОВА Н. Б. МЕТОДЫ ПЛАНИГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПАЛЕОЛИТА

Учеб. пособие. — 8 л.: ил.

В пособии раскрываются планиграфические методы исследования культурного слоя, относительно новые в археологической науке и почти не освещенные в отечественной литературе. Эти методы отвечают современным требованиям системного подхода при изучении культурного слоя археологических памятников и комплексного использования достижений различных наук в археологии.

Автор знакомит с основными особенностями, возможностями и способами использования планиграфии при определении сохранности культурного слоя, длительности бытования памятника, его хозяйственной планировки выявлении условий обитания, показывает, как планиграфия помогает устанавливать закономерности распределения культурных остатков и осуществлять социально-экономическую реконструкцию жизни древнего человека.

Предлагаемые методы опробованы в полевой и камеральной практике.

Для студентов-археологов, специалистов по археологии каменного века, а также для широкого круга специалистов по истории